Владимир Карасик
Хольгер Куссе
Людмила Токатова

ЯЗЫКИ МУДРОСТИ

ПАВЛОДАРСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ӘЛКЕЙ МАРҒҰЛАН

Владимир Карасик

Хольгер Куссе

Людмила Токатова

ЯЗЫКИ МУДРОСТИ

МОНОГРАФИЯ

Павлодар
2023

УДК 80/81
ББК 81
К 21

Рекомендовано к печати ученым советом
Павлодарского педагогического университета
Протокол №4 от 23.11.2022.

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор К.Б. Уразаева,
доктор филологических наук, профессор З.К. Темиргазина

Карасик В.
К 21 **Языки мудрости** : монография / В. Карасик, Х. Куссе, Л. Токатова. — Павлодар: ППУ имени Әлкей Марғұлан, 2023. — 291 с.

ISBN 978-601-267-726-3

Данная книга является целостным изложением оригинальной концепции мудрости. Представлено в ней трехмерное видение мудрости: мудрость из знания и как знание, мудрость, которая следует из знания границ знания, и мудрость как незнание, которая следует из познания незнания. Книга имеет трехчастную структуру, которая дополнена предисловием, введением и заключением («Заключительное слово словами Абая»). В первой части рассматриваются разные концептуализации мудрости. В ней раскрываются различия между мудростью из знания, мудростью из незнания, а также разные определения мудрости и связанные с ней понятия. Особое внимание уделено дискурсивно-прагматическому осмыслению развития понятий мудрости. Вторая часть монографии посвящена традициям мудрости. Вопросы изменения и постоянства мудрости рассматриваются в третьей части книги «Мудрость в современном мире», которая посвящена, в частности, феномену индивидуализации мудрости во второй половине XX века. Составил книгу в данной структуре профессор Дрезденского технического университета Хольгер Куссе.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей и читателей.

Иллюстрация на обложке: Солнечные часы на стене протестантской «Церкви Виноградника» (Weinbergskirche) в Дрездене (Фото: Хольгер Куссе)

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-601-267-726-3

© Карасик В., Куссе Х., Токатова Л., 2023.
© Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан, 2023.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мысль о совместном написании книги о мудрости возникла в январе 2019 года на задворках конференции по языку власти и конфликта в Техническом университете Дрездена в Германии. Владимир Ильич Карасик был одним из докладчиков и не первый раз в Дрездене.

Во время перерыва мы составили первый план настоящей книги и уже распределили разделы, за которые каждый должен был отвечать в первую очередь. В то время мы оба уже написали несколько небольших статей о языке мудрости или, как мы предпочитаем говорить сейчас, о языках мудрости, например, о библейской книге *Екклесиаст*, о сборниках мудрости Льва Толстого или о формах мудрости в современных социальных сетях. Мы решили собрать все это воедино и систематизировать.

Как лингвисты, мы интересуемся в основном языковыми и, в более широком смысле, коммуникативными формами текстов мудрости. Но нам также интересны социальные функции мудрости в различных культурных контекстах, начиная с библейских культур и заканчивая мудростью в современности, особенно в контексте русской, немецкой и англосаксонской истории культуры. Мудрость часто ассоциируется с традициями прошлого (с Соломоном в Библии, с китайским Дао-дэ цзин, с Конфуцием или с мудростью коренных народов и т.д.). Однако существуют также многочисленные современные ее формы. Мудрость, хотя часто не под этим названием, играет не менее важную роль в современных обществах, чем на предыдущих этапах истории культур. В разное время и в разных культурных контекстах сложились разные языки мудрости, но есть и общие черты, которые проходят через все традиции — хотя и с разным акцентом: например, отличие мудрости как форма знания или как незнание. Эти соображения привели к трехчастной структуре нашей книги, которая начинается с концептуального измерения мудрости, продолжается традициями мудрости во второй части и обращается к мудрости в настоящем в третьей части.

За исключением введения и первой главы второй части, отдельные главы каждой из трех частей имели своего автора. Окончательная редакционная верстка состоялась только в конце 2021 г. В 2022 году я принял приглашение Павлодарского педагогического университета в Казахстане и провел там месяц с середины ноября до сере-

дины декабря. Во время этого пребывания я познакомился с литературоведом Людмилой Ербулатовной Токатовой, которую позже попросил внести некоторые исправления языкового или стилистического характера.

Людмила Ербулатовна взялась за это дело с большой отдачей, не только исправив текст, но и добавив множество примеров. Она также предоставила важные комментарии к тексту, так что в итоге можно говорить о соавторстве. За решением о публикации книги в издательстве Педагогического университета в Павлодаре последовала просьба о заключительном слове с казахским продолжением. Я очень рад, что Людмила Ербулатовна согласилась, и наша книга сейчас завершается заключительным словом словами известного казахского поэта и мыслителя Абая.

От имени всех авторов я хотел бы поблагодарить руководство и сотрудников редакционно-издательского отдела ППУ им. Ә. Марғұлан за издание книги.

Хольгер Куссе

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к своей книге, у нас есть необходимость остановиться на основных вопросах. Что есть *мудрость*? Что мы понимаем под *мудростью*? О чем мы думаем и что мы имеем в виду, когда называем нечто — высказывание, решение, разрешение конфликта — или человека *мудрым*? Несомненно, что мы соотносим с этим словом всегда что-нибудь положительное. Слово *мудрость* допустимо воспринимать иронически, но категорически его не используют в качестве бранного слова, и даже трудно себе представить критическую отрицательную оценку со словом *мудрый*. Напротив, мудрость и сегодня высоко ценится, хотя, может быть, не в такой степени, как в античные времена, когда неизвестный автор книги *Премудрость Соломона* похвалил мудрость торжественным тоном как совершенную разумность: «Премудрость светла и неувядающа, и легко созерцается любящими ее, и обретается ищущими ее [...] Помышлять о ней есть уже совершенство разума Премудрость [...] Множество мудрых — спасение миру» (Прем. 6:12.15.26). Книга *Премудрость Соломона*, являющаяся одним из греческих писаний Ветхого Завета, *Септуагинта*, была написана более 2000 лет тому назад. В это историческое время мудрость была организованной системой знаний, подчиненных определенным задачам общества, и была частью институциональной структуры образования. Вероятно, сам автор был учителем мудрости. Соломон, великий мудрец Ветхого Завета, был царем и судьей. С его именем связывают книги *Премудрость Соломона* и *Притчи Соломоновы*, а также книгу *Екклесиаст*, в которой автор называет себя сыном Давида и царем в Иерусалиме (Екклесиаст 1:1).

Однако какое значение приобретает мудрость сегодня? Она попрежнему является положительной ценностью, но, как уже более 50 лет тому назад было отмечено в исследованием в области истории философии, «для современного человека это поблекшее и устаревшее понятие» (Sakaguchi 1968: 11 — пер. с нем.: Х.К.). Немецкий философ и телеведущий Герт Скобель чуть более 10 лет назад точно заметил: «Мудрость стала иностранным словом в немецком языке. Я подозреваю, что в последние месяцы, возможно, даже годы, вы тоже не слышали термин «мудрость» в политических или культурных дебатах, не говоря уже о средствах массовой информации, политических обсуждениях или ток-шоу» (Scobel 2008: 43 — пер. с нем.: Х.К.). Мудрость не является школьным предметом и не является

академическим курсом в университетах. Нет ни степени бакалавра или магистра мудрости, ни доктора мудрости. Кроме того, мудрость, похоже, не подходит для «жесткой реальности». Мы можем назвать бизнесмена, политика или ученого *мудрым* и подразумевать под этим что-то позитивное. Однако в контексте бизнеса, в успешной политической среде и научной сфере мы, как правило, избегаем употребления слова *мудрость*, заменяя его подходящими либо близкими по смыслу словами, такими как *компетентность*, *разумность*, *здравый смысл*, *умение* и т.п. Безусловно, эти слова относятся к сфере мудрости. Они входят в семантическое поле самого понятия так, как и целый ряд ценностных категорий, моральных установок, нравственных ориентаций, связанных, например, с *состраданием*, *солидарностью* и *толерантностью*.

На самом деле, мудрость и в наши дни играет важную роль в общественной и частной жизни. Занимая непропорционально скромное место, обнаруживая для этого иные, совершенно неакадемические пути, она все еще открыта для современного человека. Мы сталкиваемся с ней в собраниях цитат в интернете, она активно представлена в популярной психологии, ее можно обнаружить на открытках и плакатах, в многочисленных настольных книгах по вопросам жизни и в социальных сетях, где люди советуют друг другу в трудных житейских ситуациях и жизненных кризисах, помогают друг другу выбраться из сложного положения и т.д. Таким путем мудрость в настоящее время может обходиться без мудрецов, но, как ни странно, восполняет их отсутствие также выдуманными мудрецами из современных фильмов — Гэндальфом, Дамблдором или Мастером Йода — либо изыскивает их в историческом прошлом. Конфуций, Омар Хайям, Марк Аурел, Сиэтл и многие другие пользуются сегодня большой популярностью. Это, конечно, не значит, что в современности вообще нет живых мудрецов. По крайней мере, у всех на слуху 14-й Далай-Лама, который является одной из самых известных личностей в мире.

Итак, мудрость как обладание высшим знанием, глубиной понимания и ценным жизненным опытом по праву считается одной из главных ценностей бытия и поэтому находит до сих пор множественное и вариативное выражение в коммуникативной практике. Однако в этой практике существуют по меньшей мере две опасности, благодаря которым мудрость может быть вытеснена из повседневной жизни, из политики, экономики и науки. Одна из опасностей —

сакрализация. Мудрость почитается как слишком высокая ценность, чтобы играть свою роль в жизни «нормального» человека. Противоположная опасность — профанация. Мудрость становится рыночным жизненным советом, который приспосабливается к правилам современной рекламы и маркетинга, обещая легкие пути для самоутверждения и самооптимизации. Эта профанация превращает мудрость в продукт, формы коммуникации которого варьируются где-то между советами по красоте и велнесу и автомобильной рекламы. Но мудрость ни священна, ни далека от жизни, ни профанальна и не должна быть продуктом быстрого потребления. Даже беглый взгляд на историю мудрости с древнейших времен до наших дней и многочисленные попытки осмысления и обобщения данной проблемы свидетельствуют об этом. Отношение к мудрости детально зафиксировано в религиозной и светской литературе. Изучение интеллектуальных характеристик человека, включая мудрость, неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. С позиций обиходного общения актуальной является житейская мудрость. Философы с античных времен характеризуют стремление и умение познать скрытую суть явлений, событий и характеров (Аристотель, 2010; Кант, 2019; Аполлонов, 1999; Кострюкова, 1989; Митина, 2001; Петрова, 2003; Рид, 2000; Столович, 2003; Фахрудинова, 2012; Шилков, 1992; Tarantino, 2017; Scobel, 2008). Психологи выделяют интегративные качества, обусловленные базовыми установками личностей с высоким интеллектом и позитивным мировосприятием (Дружинин, 2007; Леонтьев, 2007; Немов, 2007; Тихомиров, 1984). Филологи анализируют коммуникативные способы закрепления и выражения мудрого миропонимания и поведения (Гак, 1994; Воркачев, 2016; Гафиатуллина, 2012; Горянова, 2012; Дзюба, 2003; Загатова, 1990; Идзинская, 2001; Кондратьева, 2004; Курлянд, 1978; Павленко, 2013; Пименова, 2008; Полищук, 2012; Сергеева, 2004; Тугарева, 2011; Ширшиков, 2005; Ябжанова, 2010; Sakaguchi, 1968; Sternberg, 1990; Schwaetzer / Stahl, 2011).

Можно ли вообще ответить на вопрос, что означает *мудрость*? Сложность определения возникает у всех сложных понятий, и в этом *мудрость* ничем не отличается от *веры*, *разума*, *свободы*, *любви* и т. д. Однако, несмотря на то что каждое определение любого сложного понятия должно оставаться условным и, пожалуй, временным, возможны приближения и типологические дифференциации. Полезен также взгляд на историю концепций. На библейском еврейском

языке *ḥokmāh* (חָכְמָה) «мудрость» изначально соотносилась с практическими знаниями, которыми, например, должны были обладать ремесленники для своей работы. Но уже в библейских текстах семантика термина расширилась и, выйдя из практической сферы в этическую, а затем теоретическую, была признана основой рационального поведения и знания, а также предпосылками для справедливого действия и праведной жизни. В таком сочетании концептов (*мудрость — разум — знание*) прослеживается определенная логика: мудрость представляет собой исходное целостное отношение к миру, органически соединяющее в себе чувство, интеллект и волю. Не может в таком понимании мудрость быть неправедной. Второй компонент триады — *разум*, т.е. понимание и осмысление — представляет собой дискурсивное развертывание мудрости, но при этом акцентируется интеллектуальная составляющая поведения, здесь возможны ошибки и отклонения. Именно поэтому мудрецы говорили о важности голоса сердца в мудром мировосприятии. В контексте этого размышления не случаен, наверное, самый известный афоризм современной мудрости из культовой книги *Маленький принц*: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Третий компонент триады — *знание* — объективирует мудрость в речи и поступках, знание может быть отделено от его носителя. Соответственно, и доля бессознательных и сознательных искажений истины в знании возрастает по сравнению с настоящей мудростью. Разумеется, это — одно из возможных прочтений ассоциативного смысла концепта «мудрость» в тексте притч.

В *Encyclopedia of Religion* 1987 года был добавлен еще один компонент в концептуальную классификацию мудрости. В истории культуры мудрость проявляется сначала как практическая способность справляться с жизнью. Во-вторых, она предстаёт как рациональная система для объяснения космоса, человеческой жизни и, следовательно, как источник философии, и, в-третьих, она может быть персонифицирована как богиня или проявление (ипостась) Бога (см. Rudolph 1987: 394). Представленная в Библейской книге *Притчи персонификация мудрости* оказала особое влияние на историю Православной Церкви. Во всех случаях мудрость появляется в тесной связи со знанием. Она вытекает из знания и может сама по себе быть формой знания. Но мудрость также может привести к пределам познания и может заключаться в точном признании этих границ, как, например, в книге Ветхого Завета *Екклесиаст*. Она мо-

жет быть реализацией невежества и формой сознательного невежества, что особенно важно в китайском Даосизме. Итак, можно различать три типа мудрости: мудрость из знания и как знание, мудрость, которая следует из знания границ знания, и мудрость как незнание, которая следует из познания незнания. Эти три типа объединяет то, что все они являются ответами и реакциями на признание комплексности мира и человеческой жизни (Scobel 2008).

В наивной духовно-практической деятельности индивида сложность опрощается, чтобы обеспечить простую, доступную и комфортную среду обитания. На границах знаний мудрость ищет то, на что люди еще могут положиться. В мудрости, основанной на познании незнания, и как положение незнания, может последовать или отход от мира или действие в сознании незнания. Поэтому в возможностях, в которых мудрость может быть выражена и развита, можно наблюдать очень разные концептуализации. Такие концептуализации будут рассмотрены в первой части настоящей книги. В ней будут раскрыты различия между мудростью из знания и мудростью из незнания, а также разные определения мудрости и связанные с ней понятия, такие как, например, *здравый смысл*. Особое внимание уделено дискурсивно-прагматическому осмыслению развития понятий мудрости.

Мудрость многомерна и специфически проявляется в разных культурах и в разные эпохи. Во второй части нашей книги мы поговорим о традициях мудрости. Конечно, мы можем представить здесь только несколько избранных примеров из библейской традиции, европейского барокко или из работ Льва Толстого начала XX века. Ограниченный объем книги не позволяет представить богатство традиций европейской мудрости, от древней латинской мудрости, например, Стоа, до наших дней, даосизма, конфуцианства и буддизма, а также традиции мудрости в культурах Индии. Собственные традиции также формируют мудрость арабов или мудрость коренных народов и многое другое. Было бы неразумно пытаться охватить все это. Мы можем показать только несколько кратких примеров, которые иллюстрируют различные типы мудрости, особенно мудрость из знания и как знание, которое доминировало в древних ближневосточных культурах, а также доминирует в европейских традициях. Иногда, однако, мы проводим параллели и сравнения. И две главы данной книги посвящены дискурсивным контекстам:

«Мудрость и религия» и «Мудрость и философия», в контекстах которых мудрость из незнания играет существенную роль.

В 1960-х годах автор цитированной выше историо-философской кандидатской диссертации в аспекте обозначенной темы видел причину утраты мудрости в современную эпоху внивелировании системных мировоззрений: «Наше мировоззрение уже не имеет тех единообразия и связности, которые воспринимались как само собой разумеющееся в древности или в средние века, когда мудрость была бесспорным идеалом. Для такого мышления она была полна живого и конкретного содержания и, следовательно, в целом действительна. Для нашего времени, открытого для самых разнообразных попыток человеческой мысли, мудрость сжалась до формального понятия» (Sakaguchi 1968: 11– пер. с нем.: Х.К.). Но если мудрость есть свойство человеческого ума возвышаться над непреодолимостью, то она важна настолько, насколько мир и жизнь выглядят более разнообразно, непостижимо и непредсказуемо, насколько открываются возможности и формы мышления, ощущения и понимания мира. Вопрос о том, предполагает ли мудрость замкнутое системное мировоззрение или, скорее, наоборот, опыт, что все, казалось бы, устойчивые мировоззрения утрачиваются, затрагивает некоторые внутренние противоположности, которые можно наблюдать в традициях мудрости. С одной стороны, мудрость — это практические и ситуативные знания и умение справляться со все новыми жизненными задачами. Так что она не отделима от коммуникативного контекста, в котором определенное мудрое изречение используется. Она связана с моментом. С другой стороны, изречения, а также тексты мудрости, как правило, демонстрируют претензию на универсальную действительность. Иначе мудрость не была бы и не могла быть записана. Мудрость неизбежно изменяется, как ответ на сложность, привязанный ко времени и ситуации, и может обновляться снова и снова. То, что вчера считалось мудрым, завтра может быть неразумным. Однако в мудрых писаниях, написанных с древнейших времен до наших дней, есть сильная уверенность в том, что они говорят о людях, о жизни и о мире в целом, и, на самом деле, многие древние изречения, например, из Ветхого Завета, до сих пор актуальны и применимы сегодня не меньше, чем тысячелетия назад. Поэтому мудрость обязательно включает в себя способность учиться. Такое учение может сохранять, проверять и обновлять старые знания, а также приобретать и интегрировать новые знания. Эти вопросы изменения и

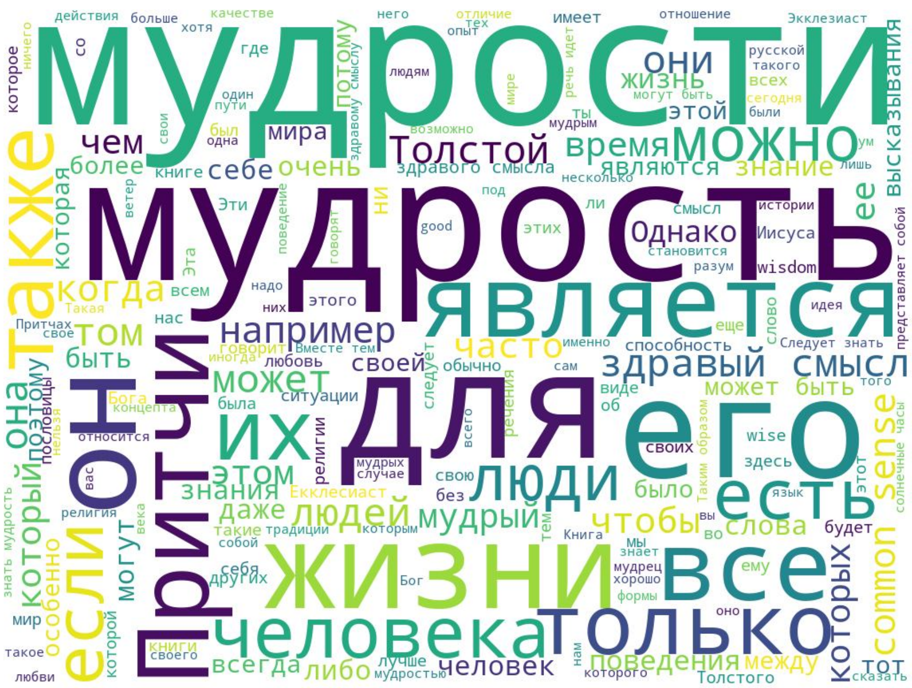
постоянства рассматриваются, прежде всего, в разделах третьей части книги «Мудрость в современном мире», которая посвящена, в частности, феномену индивидуализации мудрости со второй половины XX века.

Книга не является ни философией мудрости, ни сборником мудрых советов для праведной, комфортной и успешной жизни, ни всеобъемлющей историей мудрости. Мы оба лингвисты, и поэтому наша книга называется «Языки мудрости». Нас интересуют, прежде всего, различные формы, в которых мудрость появилась в истории, в различных культурах и в современном мире, а также лингвистические и коммуникативные формы, которые развивались в ходе этого процесса, начиная от советов в коротких императивах, как, например, «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей» (Екклесиаст 11: 9), до высказываний, которые в простых предложениях говорят фундаментальные вещи о связи между человеческим умом и чувством, как, например, цитируемый афоризм из *Маленького принца*: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Речь идет не только о формах, в которых самосознание претендует на правильность (совета) и истину (утверждения), но и о формах, которые выражают пределы знания или незнания, особенно вопросы отрицания. В попытке доказать свои измышления мы обращаемся к различным жанрам: поговорке, загадке, рассказу, притче и т.д., в которых выражается мудрость и которые вместе составляют текстовый мир мудрости.

Языки мудрости многообразны и, тем не менее, имеют много общего во всех временах и культурах, чтобы можно было говорить как о многочисленных языках многих мудростей, так и о языке многообразного феномена мудрости. Взгляд на этот язык и эти языки мудрости показывает, что такое мудрость, как она развивается и почему она для нас сегодня не менее важна, чем это было для вышеупомянутого автора книги *Премудрости*, который более 2000 лет назад писал: «Премудрость подвижнее всякого движения, и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает» (Премудрость 7:24).

Часть I

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ МУДРОСТИ



1 Бабушкина кухня
и мудрость известной поп-песни

В кухне бабушки немецкого автора данной книги, прямо напротив двери в саду висела фарфоровая плитка, на которой было нарисовано смеющееся солнце и была написана поговорка:

Mach es wie die Sonnenuhr, zähl die heitren Stunden nur.

Сделай как солнечные часы, считай только часы светлые.

Поговорка приветствовала всех гостей, которые обычно входили в дом через кухонную дверь. Нет сомнений в том, что эта поговорка была или должна была быть девизом жизни бабушки, она словно рассказывала всем, кто заходил на кухню, что представляет собой счастливая жизнь, что жизнелюбие, жизнерадостность и жизнеутверждение ожидают гостей в этом доме.

Установленная в поговорке аналогия отношений между солнечными часами и погодой, с одной стороны, жизнью человека и оценкой этой жизни, с другой, основывается на двойном значении немецкого прилагательного *heiter*. Метеорологически данное слово означает солнечную погоду с небольшой облачностью и, следовательно, подразумевает очень приятную погоду. Приведем типичные фразы в прогнозе погоды: „heiter bis wolkig“ («ясно до облачности»), „morgens überwiegend heiter, gegen Mittagbewölkt“ («в основном солнечно утром, облачно около полудня») и т.д. Метафорически *heiter* используется для выражения хорошего и легкого настроения, в отличие от серьезного, задумчивого, меланхоличного или грустного, как в известной поговорке Фридриха Шиллера из пролога к драме «Лагерь Валленштейна» — „Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst“ («Жизнь сумрачна, но свет искусства ясен»). *Heiter* используют для характеристики человека, который обычно находится в хорошем настроении и является внутренне уравновешенным, мы находим его-также во фразеологизме „ein heiteres Gemüt haben“ («иметь жизнерадостный нрав»), который однако сегодня звучит уже несколько архаичным.

Мудрость из знания

Поговорка «Сделай как солнечные часы, считай только часы светлые» является четким советом, грамматически реализованным в форме императива. Обоснование совета не дается. При использовании атрибута *heiter* обоснование предполагается негласным, так как *жизнерадостный, веселый, бодрый* и другие подобные атрибутивные лексические единицы по своей сути являются положительной оценкой, и не возникает сомнений в том, что веселые дни лучше, чем невеселые, т.е. серьезные, печальные или даже темные. Поэтому, когда бабушка повесила эту фарфоровую плитку с поговоркой напротив двери своей кухни, она наверняка ожидала, что ее посыл всеми будет понятен и одобрен без объяснений и оправданий. В этом смысле изречение основано на предположении об общем знании хорошего и плохого в жизни, и это знание не подвергается сомнению. Гипотетически возникающие вопросы игнорируются самой их сутью: Может ли отрицательный экзистенциональный опыт заключать в себе позитивный потенциал для жизни? Способно ли горе возродить жизнь? Открывает ли неудача новые пути и возможности? Насколько плодотворнее тяжелый и неудачный период в жизни, нежели счастливый? Сформулировав подобным образом вопросы, ставящие под сомнение посыл поговорки, мы имеем дело с критикой «мудрости из знания», когда возникает сомнение в том, действительно ли мудрость имеет «знание» о мире и жизни, безапелляционно ли это «знание», возможно ли его воспринимать в качестве надежного совета и наставления.

Уверенность, заключенная в «мудрости из знания», подтверждает, казалось бы, ее истинность, но она, тем не менее, не исключает, что ее советы также эксплицитно обосновываются. Со временем, когда детство ушло, когда безвозвратно ушла бабушка, когда в родной дом заселились чужие люди, а плитка с надписью «Сделай как солнечные часы, считай только часы светлые» бесследно исчезла, немецкий автор вновь столкнулся с этой мудростью жизни, но в совершенно другой форме. Это случилось в 1988 году, когда он впервые услышал по радио песню американского вокалиста Бобби МакФеррина (Bobby McFerrin) “Don't Worry, Be Happy” («Не волнуйся, будь счастлив»[1]). Воспоминание открыло окно в прошлое: перед ним

[1]Текст и перевод на сайте: *https://song-story.ru/dont-worry-be-happy/* (доступ: 26.07.2020)

вновь появилась кухонная дверь, и его взгляд снова упал на фарфоровую табличку с известным изречением.

“Don't Worry, Be Happy” до сих пор остается одной из самых успешных поп-песен в мире, и это, безусловно, связано не только с запоминающимся ритмом, но и с простым замыслом песни, который выстраивает мост между Западом и Востоком, между бабушкиной немецкой кухней и ведической мудростью Индии. Первая строка и название песни — это цитата индийского мистика и духовного учителя Мехера Бабы (1894–1969). С этими словами Мехер Баба, «сострадательный отец», в 1925 году вошел в молчание, которое он никогда не нарушал до конца своей жизни. По Мехеру Бабе, счастье, довольство, человечность и любовь не нуждаются в словах. Молчаливые не менее тех, кто говорит, могут жить счастливо и помогать другим людям. Баба хотел показать это своей жизнью. Его последние слова перед обетом молчания стали популярными при его жизни, в том числе в США.

При многократном повторении стихотворной строки “Don’t Worry, Be Happy” песня превращается в мантру, словно священное заклинание, форма повторения одной мысли становится единым целым с самой мыслью и органично связывается с легко понятыми рациональными аргументами, которые МакФеррин переносит вместе со словами индийского мудреца в западную и международную поп-культуру. В отличие от бабушкиной поговорки, в песне называется ряд причин, согласно которым нельзя волноваться. Перечисляются неблагоприятные последствия тревожного волнения. В начале предупреждается:

In every life we have some trouble
when you worry you make it double

В жизни каждого бывают проблемы
Но когда ты волнуешься, ты их удваиваешь

За этим следуют картины тяжелых материальных лишений и социального отчуждения, которые, однако, всегда заканчиваются словами «Не волнуйся, будь счастлив» и, в конце концов, приводят ко второму следствию: тревожное волнение неумолимо преумножает страдание, более того, оно обременяет других людей:

Cause when you worry your face will frown
and that will bring everybody down

Потому что в тревоге твое лицо нахмурится,
И это расстроит окружающих

За этим следует уверенность в том, что все плохое скоро пройдет и будет забыто:

Don't worry, it will soon pass, whatever it is

Не волнуйся, все скоро пройдет, что бы это ни было

Это напоминает слова утешения расстроенного ребенка. Более того, в тексте дается рекомендация принять и послушать совет так, как воспринимают его маленькие дети.

Now there is this song I wrote
I hope you learned it note for note
Like good little children
Don't worry, Be Happy

Я вот написал небольшую песню
Я надеюсь, ты запомнил ее дословно,
Как хорошие маленькие дети,
Не волнуйся, будь счастлив

В песне смысл, если можно так выразиться, выпирает, вырывается наружу, в бабушкиной поговорке «Сделай так, как солнечные часы, считай только часы светлые», напротив, тот же смысл интуитивно намечается. Утверждение «В жизни каждого бывают проблемы» выражается в бабушкиной поговорке посредством частицы *только*. Она выражает косвенное обращение к мрачным периодам жизни, которые замечать, однако, не рекомендуется.

Знание и призыв в пословицах и поговорках

Часто цитируемое определения поговорок и пословиц Григорием Львовичем Пермяковым выражает семантику мудрости из знания: «Пословицы и поговорки — не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами» (Пермяков 1988: 20). В поговорке «Сделай это как солнечные часы, считай только часы светлые» и песне «Don't Worry, Be Happy» мы сталкиваемся с двумя маленькими поэтическими формами из разных культур и временных контекстов, в которых выражается не только совет, но и определенное знание. В первом случае совет дается, а знания, необходимые для реализации этого совета и оправдывающие его, остаются скрыты. Во втором случае совет находит многократное обоснование. И то, и другое можно найти во многих других пословицах и поговорках по всему миру. Сочетание знания и при-

зыва является основной составляющей этих коротких текстов, причем независимо от того, является ли пословица или поговорка прямым призывом или скорее наблюдением о мире и человеческой жизни. Так, например, в известном словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа» найдутся весьма различные по своему характеру речения — дидактические сентенции (*И у курицы сердце есть*), прямые призывы вести себя определенным образом (*Перестань о том тужить, чему нельзя пособить*), присловья (*Пропал Авдей от злых людей*), приметы (*В голове свербит — бранить будут*), загадки (*Вся дорожка осыпана горошком* — звёзды на небе).

Паремиологические единицы неоднократно привлекали к себе внимание филологов. Детально изучены их структурно-семиотические параметры (Пермяков, 1988, 2001, Grzybek, 1984, Schindler, 1993), определены их типы в рамках фольклора (Клубков, 2003), приведена аргументация относительно их места в составе фразеологической системы языка (Виноградов, 1972; Кунин, 1972; Жуков, 1993, Dobrovol'skij & Piirainen, 2002), освещены их лингвокультурологические характеристики (Иванова, 2002; Красных, 2002, Бабенко, 2010, Фаттахова & Кулькова, 2015), показаны генеративные модели их построения (Савицкий, 1993), охарактеризован их коммуникативный потенциал (Сидоркова, 1999), предложен комплексный когнитивно-дискурсивный подход к их описанию (Абакумова, 2012).

Поговорки и пословицы обладают как описательным значением, так и функцией, побуждающей к определенному поведению. Их можно классифицировать в соответствии с доминирующими коммуникативными функциями. Со времен новаторских работ Джона Остина *How to do things with words* (1962) и Джона Сёрла *Speech Acts* (1969) в прагмалингвистике, т.е. лингвистике речевого действия и поведения, утвердилась типология речевых актов, не зависящая от грамматического режима (индикативного, императивного, сослагательного, вопросительного и т.д.). К основным видам речевых актов относятся *ассертива* (утверждения, заявления), *директива* (приглашения, предупреждения, просьбы и т.д.), *эротетика* (вопросы), *комиссива* (обещания, обязательства), *экспрессива* (выражения чувств, благодарности, поздравления, соболезнования) и *ритуалы* (приветствия, прощания).

Эти речевые акты могут быть непосредственно сформулированы и обладать грамматическим модусом, типичным для коммуникативного намерения. Так, например, советы «Сделай как солнечные

часы, считай только часы светлые» и «Не волнуйся, будь счастлив» являются прямыми директивами в императиве. Такие прямые директивы в форме императива не редкость среди мудрых наставлениях, как например: «Делай добро и бросай его в воду», «Готовь сани летом, а телегу — зимой», «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться» и т. п. Но также много таких утверждений (ассертивов), как например, «Кто рано встаёт, тому Бог даёт» или «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь» употребляются в директивной функциии и косвенно выражают следующую мысль: «Всегда делай все вовремя» и «Следи за своими словами». В ассертиве приводится также обоснование косвенного директива, то бишь называются возможные ожидаемые последствия, плохие или хорошие, соответствующего действия или отказа от его осуществления. Приведем пословицы и поговорки, которые в основном используются в функции экспрессива:

- экспрессив — выражение чувств

Первая рюмка — колом, вторая — соколом, а после третьей — мелкими пташечками.
Хоть дитя криво, а отцу, матери — мило.
Берут завидки на чужие пожитки.
Бог не выдаст, свинья не съест.
Были бы крошки, а мышки будут.
Влюбился, как черт в сухую вербу.
Бог терпел и нам велел.
Плохое колесо всегда громче скрипит.

- экспрессив — благодарность / неблагодарность

Сани в Казани, хомут на базаре.
Работнику полтина, а мастеру рубль.
Как сытый поросенок от корыта бежит.

- экспрессив — соболезнование

Бог дал, Бог и взял.
Бойся не мертвых, а живых.
Красны похороны плачем, а свадьба — песнями.
Был дуб, а стал сруб; время прибудет — и того не будет.
Добрые умирают, да дела их живут.
Двум смертям не бывать, а одной не миновать.
Мертвому — плач, а живому — калач.
Как ни плыть, а у дна быть.
Одного рака смерть красит.
И пчела не на себя работает.
Лес по дереву не плачет.
Прежде смерти не умереть.

Выражая различные настроения, состояния и эмоции, например, энтузиазм, облегчение, радость, неуверенность в себе и т. п., они могут быть могут выполнять также роль директива. Однозначно директив воспринимается в следующих пословицах:

Много баить не подобаит.
Как аукнется, так и откликнется.
Старому лгать, богатому красть.
Себя уморишь, а людей не удивишь.
От работы будешь горбат, а не будешь богат.
От трудов праведных не наживешь палат каменных.
Коль упасть — так упасть с хорошего коня!

Мудрость и незнание

Мудрое изречение из бабушкиной кухни и слова мистика Мехер Бабы, легшие в основу популярной песни, находят свое место среди библейских текстов. Замечать только светлые стороны жизни суть энергии молодости; торжество радости вопреки фатальному и пессимистическому вердикту, не знающему границ, становится главным советом мудреца в книге *Екклесиаст*.

> Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце. Если человек проживет и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях темных, которых будет много: все, что будет, — суета! Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей ... (Екклесиаст 11:7–9а)

Этот известный совет о мудрости и наслаждении счастливыми днями представляет собой конец традиции мудрости в Ветхом Завете, которая претендует на определенное знание об отношении между человеческими поступками и их последствиями. Налицо нравоучительный и исключительно важный вывод, согласно которому мудрец приходит к осознанию того, что есть только одно знание, которое надежно, и только один совет, который он может дать: с радостью воспринимать то добро, которое постигнет человека, и не считать его ничтожным.

В *Екклесиасте* мы наблюдаем действительную критику мудрости, какую можно обнаружить в другой библейской книге — книге *Притчи.* В ней даются советы человеку, точнее мужчине, о том, как прожить свою жизнь, чтобы она увенчалась успехом. Среди притч особое внимание привлекают очень простые и понятные правила,

обещающие хорошие последствия за хорошие поступки и предупреждающие о плохих последствиях после плохих поступков:

> Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает. (Притчи 10:4)
>
> Праведность ведет к жизни, а стремящийся к злу стремится к смерти своей. (Притчи 11:19)
>
> Надеющийся на богатство свое упадет; а праведники, как лист, будут зеленеть. (Притчи 11:28)

Абсолютизация отношений между поступками и судьбой, присутствующая в *Притчах* (von Rad 1985: 165–181; Koch 1991; Freuling 2008), встречает решительное сопротивление в *Екклесиасте*, который предлагает тонкую нюансировку:

> Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это — суета! (Екклесиаст 8:14)

Единственное, что может быть достоверно установлено, это то, что происходят хорошие и плохие вещи, что мы переживаем жизнь и смерть, мир и войну, созидание и разрушение, что «все имеет свое время», как говорит Екклесиаст.

> Всему своё время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру. (Екклесиаст 3: 1–8)

В конце этой канонической поэмы — печальное озарение:

> Что пользы работающему от того, над чем он трудится? (Екклесиаст 3: 9)

И это понимание суетности приводит к осознанию того, что последняя опора в изуродованной и бессмысленной жизни человека — это торжество искренней радости и культ подлинного добра.

> Познал я, что нет для них ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей. (Екклесиаст 3: 12)

Все остальное, как говорится в древнееврейском оригинале, — это дыхание ветра, т.е. быстро проходящее и ненадежное (см. ниже главу *1 Мудрость в Ветхом завете: Притчи и Екклесиаст* в Части II *Традиции мудрости*).

В отличие от песни “Don't Worry, Be Happy“, Екклесиаст лишает человека надежды на быстротечность жизненных испытаний и не-

взгод. Радость счастливых дней кажется такой важной, потому что темных дней «будет много». Однако в сравнении с поговоркой из бабушкиной кухни, Екклесиаст не говорит, что человек должен *только* считать счастливые дни и забывать обо всех остальных. В книге встречаются даже противоположные высказывания, казалось бы, противоречащие основному смыслу:

> Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья. (Екклесиаст 7:3–4)

В *Екклесиасте* торжествует радость жизни, но при этом в нем достаточно четко обозначено, что наставление наслаждаться счастьем не обязательно следует из знания того, что счастье лучше несчастья, а радость лучше безрадостного состояния. Печаль также можно позитивно рассматривать как источник мудрости. Наставление *Екклесиаста* о наслаждении счастливыми днями исходит из знания того, что «плоская» правда жизни не позволяет человеку собственноручно творить свое счастье, т.е. из познания пределов той мудрости, которая, казалось бы, позволяет человеку быть способным распознать и контролировать свою жизнь.

Отрицание мудрости, которая должна восприниматься как знание, может быть еще более решительным. Мудрость — это также осознание незнания, потому что жизнь, мир, вселенная обладают комплексностью, которая не может быть познана ни одним человеком.

Такие определения мудрости, как «целостный когнитивный процесс (holistic cognitive process)» или «метакогнитивный стиль (metacognitive style)» содержат понимание того, что «никто не может знать все» и что истину можно искать только в «пределах познаваемого» (Birren / Fisher 1990: 325). Это познание связывается главным образом с мудростью Дальнего Востока, в том числе с буддизмом и даосизмом, а также с дзен-медитацией (ср. Csikszentmihalyi / Rathunde 1990; Takahashi / Overton 2005). Подобным образом трактует мудрость философ и телеведущий Герт Скобель, который уже неоднократно упоминался. Он описывает мудрость как «знание о пределах познания и неопределенности мира» (Scobel 2008: 137) и как «усилие [...] не редуцировать иногда непостижимую сложность мира недопустимым образом» (там же: 250 — с немецкого: Х.К.). Мудрость в этом понимании старания есть способность справиться с комплексностью и контингентностью действительности. Она не

предполагает установление в теоретические системы или изучение ее по фиксированным учебным программам, а характеризуется отказом от всех доктрин и 'рецептов'. Суть такой мудрости Скобель демонстрирует в эпилоге своей книги строками из учебной поэмы «Линь-цзи лу» буддийского учителя IX века Линьцзи Исюань (там же: 442). Здесь цитируется русский перевод И. С. Гуревича:

> Последователи Дао! Не принимайте вы всерьез моих высказываний. Почему? Высказывания лишены основ. Это сиюминутный рисунок в пустом пространстве, подобный намеку в выполненном красками портрете. (Линь-цзи лу 2001: 148)

Наиболее известными и, возможно, наиболее часто цитируемыми словами о мудрости как не-знании являются первые фразы из «Дао-дэ цзин»:

> Путь, о котором можно поведать, — не постоянный Путь.
> Имя, которое можно назвать, — не постоянное Имя. (Дао-Дэ цзин 2010: I).

Мудрость из незнания также сводится к советам о том, как жить правильно, как человек может обрести счастье и гармонию и как правильно поступать. «Дао-дэ цзин» является княжеским зерцалом и завершается учением о правильных действиях:

> Путь Неба — приносить пользу и ничему не вредить.
> Путь мудрого — действовать и не мешать другим. (Дао-Дэ цзин 2010: LXXXI).

Поговорка "Don't Worry, Be Happy" берет свое начало в индуизме и, таким образом, близка азиатским традициям мудрости из незнания, с которыми немецкая кухонная поговорка бабушки совсем не связана. И все же обе поговорки так схожи тем, что советуют.

Мудрость и язык

Несмотря на то, что по своему содержанию поговорка «Сделай как солнечные часы, считай только часы светлые» и слова из песни "Don't Worry, Be Happy" в значительной степени сближены, их популярность совершенно разная: бабушкина поговорка сегодня кажется устаревшей, в то время как песня МакФеррина до сих пор звучит современно. Почему? Думается, важной причиной является поэтическая форма, и эта форма, вернее, эти формы являются существенной чертой всей мудрости. Мудрость притягивает или отталкивает нас не только своими посланиями, но и поэтической формой,

которая всегда является вопросом вкуса и временных и культурных коммуникативных условностей.

Такие мудрые изречения, как поговорка в бабушкиной кухне, были очень популярны в Германии в 50-х и 60-х годах XX века. Они запоминались и записывались в «поэтические альбомы», маленькие книжки, которые девушки, в частности, передали своим подругам, чтобы они туда писали добрые пожелания и умные мысли. В конце 70-х годов поэтические альбомы постепенно исчезли из активного употребления. Сегодня ими почти не пользуются. Их заменили «книги дружбы», в которые на заранее напечатанных бланках можно записать «хобби», «любимые песни и фильмы» и т.д. Поговоркам и добрым советам в подобных книгах больше нет места.

То, что это так, однако, связано не только с исчезновением одного типа текста, но во многих случаях может быть объяснено и самой формулировкой. «Сделай как солнечные часы, считай только часы светлые» основывается на сравнении (*как солнечные часы*) и двойном значении слов *heiter* (*светлый*) и*zählen* (считать). *Heiter* (*светлый*), как уже упоминалось выше, относится в прямом значении к погоде, а метафорически слово используется для выражения хорошего настроения. Под подсчетом в немецком языке подразумевается не только подсчет количества объектов, но и их оценка. Есть, например, выражения *x zählt / x zählt*nicht (*x считается / x не считается*) со значением *x важно / x не важно*. Эти значения до сих пор знакомы, и поговорка сразу же понятна, но уже не соответствует сегодняшнему языковому употреблению.

Сегодня дети тоже могут знать, что такое солнечные часы, но отнюдь не каждый ребенок когда-либо видел солнечные часы. Полвека назад солнечные часы были популярным артефактом в парках и украшением фасадов домов, так что они присутствовали в повседневной жизни. Сегодня солнечные часы редко можно найти в городском пейзаже. Слово *heiter* (*светлый*) как выражение хорошего настроения в современном немецком языке заменено другими словами и конструкциями, такими как *happy* (*хэппи*), *locker* (*вольно*) или *gutdrauf* (*в хорошем настроении*). То, что что-то *zählt* (*считается*) или *nicht zählt* (*не считается*) в том смысле, что что-то важное или неважное, все еще является распространенным выражением. *Was wirklich zählt!* (*Что на самом деле считается!*) называется, например, типичная и в своем роде популярная книга с рекомендациями для менеджеров (Happich 2014). Обращает на себя внимание многообещающий и

обнадеживающий подзаголовок книги: *Leistung, Leidenschaft und Leichtigkeit für Top-Führungskräfte* (*Производительность, энтузиазм и легкость для топ-менеджеров*). В заглавной строке песни певца Удо Юргенса (1934–2014), который был очень популярен в Германии, говорится: „Was wirklich zählt auf dieser Welt“ («Что на самом деле считается в этом мире»). Руководство для менеджеров и, более того, эту песню можно отнести к форме мудрости поп-культуры. Лейтмотивом песни выступает многократно повторяющая фраза: „Was wirklich zählt auf dieser Welt, bekommst Du nicht für Geld“ («Что на самом деле считается в этом мире, за деньги не получаешь»). Однако чтобы выразить важность или неважность чего-то в сегодняшнем повседневном языке, скорее употребляется конструкция *etwas spielt eine / keine Rolle* (*что-то [не] играет роль*), а не *etwas zählt / zählt nicht* (*нечто [не] считается*). Слово *Zählen* (*считать*) в этом значении уже воспринимается как книжный стиль.

Еще одно отличие бабушкиной кухонной поговорки от песни МакФеррина можно заключается в условностях коммуникативного действия. По крайней мере, в Германии сегодня считается невежливым давать советы или даже приказы без какого-либо обоснования. Поэтому множество причин, призывающих не расстраиваться, в песне «Не волнуйся, будь счастлив» больше соответствует современным коммуникативным условностям, чем подразумеваемому общению в поговорке «Сделай как солнечные часы, считай только часы светлые».

Интересно, кстати, что в немецкой и русской культурах встречаются немало пословиц, в которых не призывается прямо быть счастливым, а объясняется суть счастья. Из таких объяснений всегда следует, что надо радоваться счастью и не относиться к нему легкомысленно. Подобные пословицы могут косвенно апеллировать к активности человека, чтобы он заботился о счастье так, как, например, в следующих изречениях, которые в немецкоязычных культурах пользуются большой популярностью:

Glück ist das Einzige, was sich verdoppelt, wenn man es teilt.
Счастье — это единственная вещь, которая удваивается, когда вы делитесь им.

Jeder ist seines Glückes Schmied.
Каждый — кузнец (т.е. творец) своего счастья.

Другие пословицы говорят о том, что счастье ненадежно и, в конце концов, оно не в руках человека. Например:

Glück und Glas wie leicht bricht das
Счастье и стекло, как легко оно разбивается

Значение, что счастье следует своим собственным правилам и не зависит от человека, особенно распространено в русских пословицах:

Счастье придет и на печи найдет.
Счастье, что трястье: на кого захочет, на того и нападет.
Счастье — вольная пташка: где захотела, там и села.
Счастливым быть — всем досадить.
Счастье с несчастьем на одних санях ездят.

Нужно отметить, что сравнение изречения из бабушкиной кухни и слов из поп-песни уже продемонстрировало некоторые характеристики мудрости и особенно мудрости как знание.

Резюме: Составляющие мудрости

• Мудрость — это реакция и ответ на комплексность мира и человеческой жизни.

• Мудрость может основываться на знаниях, вести к пределам знаний или быть осознанием незнания.

• Мудрость из знания основана на общих убеждениях в обществе.

• Мудрость, ведущая к пределам знаний, ставит под сомнение коллективные убеждения.

• Мудрость из знания извлекает наставления, советы или общераспространенные убеждения.

• Мудрость, ведущая к пределам знаний, ищет то, что, тем не менее, остается и является надежным.

• Мудрость из знания может быть выражена как без объяснения причин, так и с указанием их.

• Мудрость отличается поэтической формой.

• Принятие причины или ее отсутствия и принятие поэтической формы мудрости в качестве знания зависит от действующих языковых и коммуникативных условностей.

2 Векторы осмысления мудрости в словарных и афористических определениях

Осмысление мудрости как концепта включает определение этого феномена по толковым словарям и справочникам, установление внутренней формы его обозначения, характеристику его уточнения в значениях слов, близких и противоположных ему по смыслу (понятийный аспект), интерпретативный анализ высказываний, включающих это слово и его однокоренные корреляты, и анализ опроса и анкетирования информантов для выявления образно-перцептивных признаков ситуации, в которой проявляется это качество личности (образный аспект), анализ ценностей и норм поведения, характеризующих проявление мудрости на основании содержания высказываний, выражающих оценочные суждения (ценностный аспект) (Воркачев, 2007; Демьянков, 2001; Карасик, 2002; Красавский, 2008; Ляпин, 1997; Пименова, 2008; Слышкин, 2004; Степанов, 2001; Стернин, 2008). Каждое ментальное образование в коммуникативном плане обладает дискурсивной спецификой (Куссе, 2022). Мы можем говорить о концептах, циркулирующих в разных типах дискурса: обиходном («совесть», «смелость», «настойчивость»), религиозном («грех», «молитва», «благодать»), научном («гипотеза», «метод», «доказательство»), юридическом («кодекс», «правонарушение», «санкция») и т.д., при этом некоторые ментальные образования проявляются в нескольких типах дискурса, они выражаются в обиходном смысле в повседневном общении и получают специализированное уточнение в профессиональном дискурсе, например, «причина» в житейском и философском смыслах, «преступление» в обиходном и юридическом употреблении, «пневмония» в понимании пациента и врача и т. д. Концепт «мудрость» так же является полидискурсивным, обнаруживая специфику осмысления в обиходном, религиозном и политическом типах дискурса.

Мудрость в определениях русских и английских словарях

Обратившись к толкованию слова «мудрость» и «wisdom» в словарях русского и английского языков, получаем следующую информацию.

Мудрость — 1. Свойство и качество мудрого; обширность, глубина познаний. 2. О чем-либо мудреном, замысловатом. Мудрый — 1. Обладающий высшим знанием, большим умом, дальновидностью. 2. Содержащий в себе результат большого ума, знаний, опыта. 3. *Простореч.* Сложный, замысловатый; мудреный (БАС); основанный на добре и истине; праведный, соединяющий в себе любовь и правду; в высшей степени разумный и благонамеренный. | Замысловатый, трудно понятный, мудреный (Даль); 1.0. Такой, который обладает не только большим умом и обычно незаурядным жизненным опытом, но и врождённой способностью глубоко понимать людей, опознавать неявный смысл происходящих событий и предвидеть их последствия. 1.1. Такой, который выражает большой ум, проницательность, глубокое понимание жизни и человека. 1.2. Такой, который, будучи основанным на глубоком знании людей, понимании неявного смысла происходящих событий и предвидения их возможных последствий, является в высшей степени разумным (БУС).

Wisdom — The quality or character of being wise, or something in which this is exhibited. Capacity of judging rightly in matters relating to life and conduct; soundness of judgement in in the choice of means and ends; sometimes, less strictly, sound sense, esp. in practical affairs; opp. to folly (OED). Wise — having or exercising sound judgement or discernment; capable of judging truly concerning what is right or fitting, and disposed to act accordingly; having the ability to perceive and adopt the best means for accomplishing an end; characterized by good sense and prudence; opp. to foolish (OED); wise decisions and actions are sensible and based on good judgment; someone who is wise makes good decisions, gives good advice etc, especially because they have a lot of experience of life (LDCE); 1 Someone who is wise is able to use their experience and knowledge in order to make sensible and reasonable decisions or judgements (COBUILD); characterized by wisdom: marked by deep understanding, keen discernment, and a capacity for sound judgment (WED).

Анализ приведенных дефиниций приводит нас к выводам о том, что в составе значения слова, определяющего рассматриваемый концепт в русском языке, выделяются следующие компоненты: 1) качество человека, характеризующее 2) большой ум, 3) глубокое понимание, 4) высшие знания и опыт, 5) дальновидность, 6) основанное на добре и истине, 7) сложное для понимания. В толковых словарях английского языка, определяющих это слово, выделяются близкие по значению признаки: 1) качество человека, характеризующее 2) способность принимать правильные решения, 3) относящееся к практической жизни и поведению, 4) способность интуитивно распознавать суть вещей и 5) находить оптимальное соотношение целей и средств, 6) предусмотрительное благоразумие. Общий признак в понятийном содержании мудрости в русском и английском языковом сознании — способность понимать скрытую суть вещей на основе жизненного опыта. В русском языке акцентируется

связь мудрости и праведности, с одной стороны, и трудность для понимания чего-либо сложного, с другой стороны. В дефинициях англоязычных словарей специфическими являются принятие верного решения, т.е. деятельная проективность поведения и предусмотрительность в поступках. И тогда мудрость противопоставляется уму и глупости.

Внутренняя форма русского слова «мудрый» восходит к индоевропейскому корню, выражающему идею «быть бодрым, деятельным», «проявлять любознательность» (Черных). Этимологической основой английского слова “wise” так как и немецкого слова “weise” является идея «видеть» (Klein; Grimm). Ближайшим коррелятом мудрости является ум, внутренняя форма слова «ум» — «воспринимать органами чувств» (Черных). Интересна этимология английского слова clever — claw («коготь»), т.е. умный — тот, кто быстро схватывает (Klein), заимствование из французского sage («мудрый») восходит к латинскому sapere — «иметь вкус» (т.е. восприятие одним из органов чувств). Основной антоним для слов «мудрый» и «умный» в русском языке — «глупый», этимология которого выражает идею «глухой», т.е. неспособный воспринимать на слух. Этимология английского fool отклоняется от общей схемы отсутствия чувственного восприятия, это заимствование из французского в латинском означало «наполненный воздухом пузырь», т.е. пустоту в голове. Эта же идея прослеживается в этимологии слова «дурак» — «надутый», т.е. наполненный пустотой (Черных), хотя есть и другое толкование.

Идеи мудрости и ума осмыслены в китайских иероглифах следующим образом: 明智的 míngzhì de («мудрость») включает ключи ming (солнце + луна = яркий; ясный; понимать), zhi (сладкий + вдох = знать), de (цель, посессивная частица), т.е. мудрость — это понимание и знание; 聪明 cōngmíng («ум») содержит ключи, описательно характеризующие умного человека (cong = ухо + глаза + рот + сердце, т.е. умный — этот тот, кто умеет слушать, смотреть, говорить и чувствовать); 智能 zhìnéng («интеллект») представляет собой сочетание ключей «знание» и «способность».

В греческом языке идея мудрости выражена в словах *sophos* и *phronesis,* получивших развитие у Аристотеля как противопоставление теоретической и практической мудрости. Принимая во внимание бинарное представление идеи знания в разных языках как глубинного и поверхностного владения информацией («ведать — знать», «connaitre — savoir», «kennen — wissen», «toknow — tobea-

wareof»), можно допустить, что глубинное знание соотносится с высшей мудростью, проникновением в суть вещей, а поверхностное знание представляет собой мудрость в действии. Это противопоставление осмыслено Стагиритом и средневековыми учеными как антиномия *vita contemplativa — vita activa*, т.е. созерцательная либо деятельная жизнь (Tarantino, 2017, p.174).

Парадигматический контекст для концепта «мудрость» образуют близкие по смыслу единицы, сравнение которых позволяет установить основные векторы уточнения интеллектуальных характеристик человека. Для определения таких контекстов обратимся к синонимическим словарям.

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» приводится следующее толкование:

«*Умный, неглупый, смышленый, мудрый, глубокий, проницательный, прозорливый*» — «обладающий способностью понимать неявную суть вещей и событий». Эти единицы соприкасаются со словами, описывающими интеллектуальные способности человека: «*сообразительный, понятливый, смекалистый, догадливый, находчивый*». Синонимы различаются по следующим признакам: 1) отношение к норме (превышение нормы — все единицы, кроме «неглупый»), 2) степень проникновения в суть вещей («проницательный» и «прозорливый»), 3) сфера умственных интересов («мудрый» указывает на интерес субъекта к основным вопросам бытия), 4) указание на способность предвидеть будущее («прозорливый»), 5) способ проникновения в суть вещей (опора на логику «умный» и «проницательный» либо общие представления об устройстве мира — «мудрый»), 6) указание на способность к обучению («смышленый»), 7) значительность и масштаб предмета размышлений («глубокий»), 8) указание на созерцательность, отсутствие склонности к активным действиям (»мудрый»), 9) этическая оценка субъекта («мудрый»). ... Свойство «мудрый» характеризует тех, кто понимает людей и общее устройство мира, отделяет главное от второстепенного, обладает большим жизненным опытом и судит обо всем с позиций высшей справедливости. Это качество является показателем как интеллектуального, так и морального совершенства. Мудрыми не рождаются, а становятся. Мудрым людям свойственна самокритичность и самоирония, они живут в состоянии внутреннего покоя (Богуславская, с. 1206–1213).

Можно увидеть, что по данным словарей мудрость представляет собой в русской лингвокультуре неразрывное единство глубокого

ума, жизненного опыта и морального совершенства. Скорость мышления, сообразительность и находчивость, характеризующие умных людей, с мудростью связаны опосредованно. В приведенном толковании отсутствуют отрицательные оценки высокой степени интеллекта, сопряженного с желанием и умением обманывать («хитрый»), усложнять объяснение («мудрёный»), проявлять свой интеллект обидным для окружающих образом («умничать»).

В словаре синонимов английского языка парадигматический контекст рассматриваемого концепта представлен в следующем виде: "*Wise, sage, sapient, judicious, prudent, sensible, sane* are comparable when they mean having or manifesting the power to recognize the best ends and the best means to attain those ends". ... Отмечено, что слово "wise" характеризует людей, способных глубоко понимать людей и обстоятельства, находить лучший выход из трудностей на основе жизненного опыта и обширных знаний. Интересны уточнения основного понятия: это привычка к глубоким размышлениям философского характера, иногда наигранное выражение такого поведения ("sage"), акцентируемая проницательность ("sapient"), умение принимать взвешенные решения ("judicious"), высокая степень самоконтроля в поведении, практическая мудрость, позволяющая оптимально выстроить отношения с людьми ("prudent"), опора на рациональный здравый смысл ("sensible"), умение вести себя рационально и принимать взвешенные решения ("sane") (WNDS). Эта группа синонимов противопоставлена близким по смыслу единицам, характеризующим быстроту соображения ("intelligent", "clever", "alert", "quick-witted", "bright", "smart", "knowing", "brilliant"). Лексикограф акцентирует внешнее выражение интеллектуальных качеств человека, значимость здравого смысла и принятия правильных решений. Этические характеристики этого качества отсутствуют. Значимым оказывается также умение не быть обманутым, видеть уловки партнеров по общению ("shrewd", "sagacious", "astute").

Сходные концепты

Концепт «мудрость» соотносится близкими концептами «ум», «разум», «рассудок», «интеллект».

Ум определяется в словарях как 1) способность человека мыслить, отражать объективную действительность в представлениях,

понятиях, суждениях; 2) сознание, мыслительная деятельность; 3) нормальное, здоровое состояние сознания, рассудка, психической деятельности; 4) (перен.) О человеке, характеризуемом по его умственным способностям; 5) (обычно мн.) общество, люди как носители определенных воззрений, настроений, умственных интересов, запросов и т. п.; общественность (БАС); общее названье познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить; это одна половина духа его, а другая нрав, нравственность, хотенье, любовь, страсти; в тесном значении ум или смысл, рассудок, есть прикладная, обиходная часть способности этой (ratio, Verstand), низшая степень, а высшая, отвлеченная: разум, (intelectus, Vernunft) (Даль); 1.0. Способность человека думать, лежащая в основе сознательной деятельности, а также определенный характер проявления такой способности, определенный склад мышления; 1.1. Высокая степень развития такой способности, высокое развитие интеллекта. 1.2. Мыслительный процесс, мозг как место в котором локализована способность думать (БУС); 1. Умом называется способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-либо. 2. Умом называются такие мыслительные способности человека, которые помогают ему не совершать глупых поступков, предвидеть последствия своих действий в практической жизни (Дмитриев).

Разум дефинируется как 1) высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически мыслить, осмыслять окружающую действительность; 2) способность мыслить, понимать, умственные способности отдельного человека; 3 (устар.) смысл, значение чего-либо (БАС); 1. Разумом называется познавательная деятельность человека, способность мыслить. 2. Разумом называется чей-либо ум, интеллект (Дмитриев).

Интеллект определяется как мыслительная способность; ум, рассудок, разум (БАС). Это понятие терминологизировано в психологии и объясняется как общая *способность* к познанию и решению *проблем*, определяющая успешность любой *деятельности* и лежащая в основе др. способностей; 2) система всех познавательных (когнитивных) способностей индивида: *ощущения, восприятия, памяти, представления, мышления, воображения*; 3) способность к решению проблем без проб и ошибок «в уме». Понятие И. как общей умственной способности применяется в качестве обобщения поведенческих характеристик, связанных с успешной *адаптацией*к новым жизненным задачам (БПС).

Рассудок трактуется как 1) способность логически мыслить, рассуждать; 2) здравый смысл, рассудочность (БАС); 1.0. Способность мыслить, осмыслять, осуществлять интеллектуальную деятельность. 1.1. Нормальное психическое состояние, определяемое такой способностью (БУС).

Сравнение приведенных определений показывает, что родовым признаком этих концептов является мыслительная деятельность, их видовые отличия включают способность к такой деятельности, противопоставление нормы и высокой степени проявления этой способности, рационального и чувственного мировосприятия, теоретического осмысления и практического здравого смысла, а также уточнение способов познания (логические операции и рассуждения) и предметной направленности (решение проблем). Мудрость в этом контексте сближается с разумом по признаку высокой степени понимания действительности и с интеллектом по признаку практической направленности на решение проблем.

Таким образом, мудрость осмысливается в понятийном плане как приобретенное интеллектуальное качество личности, позволяющее видеть скрытый смысл вещей и выстраивать правильные отношения с людьми, оно противопоставлено уму, важнейшими характеристиками которого являются скорость соображения, быстрая обучаемость и способность принимать верные решения в условиях дефицита информации, разуму как высшей степени познавательной активности, интеллекту как психологически уточненному типу мыслительной способности и рассудку как развернутому дискурсивному способу осуществления мыслительной деятельности. Мудрость уточняется как понимание природы людей, умение предвидеть развитие событий, при этом для русской лингвокультуры существенной оказывается этическая сторона этого качества, для английской — его утилитарная ценность. Заслуживает внимания оценочная градация мудрости: отрицательно оценивается ее недостаточность, осмысливаемая как глупость, и ее избыточность при решении некоторых вопросов, не требующих глубинного проникновения в суть вещей.

Осмысления мудрости в афоризмах и поговорках

Образно-перцептивная характеристика рассматриваемого концепта охарактеризована по данным Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru). В качестве номинанта концепта «мудрость» рассматривается прилагательное «мудрый», семантика которого выражает характеристики этого качества, уточненные контекстом.

Характеристики мудрости проявляются в объяснении поведения человека:

> Он, мудрый, вдруг проник в характер Андрея, понял его — и сделал выбор (А. Слаповский).

> В памяти сохранится рассказ о том, как мудрый и счастливый полководец связал центр и ударил во фланг и как внезапно появившиеся из-за холмов резервы решили исход сражения (В. Гроссман).

> По-настоящему мудрый правитель никогда не станет делать того, что могут с успехом проделать сами подданные (Е. Лукин).

> Мудрый Рузвельт поддержал бы «статус кво», дипломатично сглаживая разногласия (Ю. Носов).

Мудрость состоит в понимании людей и действенном выборе правильных поступков.

Мудрость базируется на жизненном опыте и чувстве ответственности:

> Он разносторонне образованный, интеллигентный человек, знаток и ценитель литературы, истории, искусства и спорта, к тому же мудрый советчик и доброжелательный, остроумный собеседник (И. Сумбатов).

> К счастью, во главе Иркутскагропищепрома оказался мудрый человек, обладавший чувством ответственности и даром стратегического мышления (Г. Пруцков).

Подчеркнуты доброжелательность мудрых людей и их способность к стратегическому мышлению, т.е. умению взвешенно планировать свои действия.

Мудрость позволяет предвидеть будущее:

> Но нам, неспециалистам, все-таки очень нужно было, чтобы нашелся мудрый экскурсовод, который показал бы нам, где в нашем прошлом хранятся ключи от сегодняшнего — и завтрашнего дня (Т. Куракина).

Субъектами мудрого поведения выступают учителя, руководители и Создатель миров:

> Мудрый педагог справится и объяснит любую программу в доступном варианте (Е. Фомина).

Изначально Дед Хасан — это персонаж езидского фольклора, мудрый и всеми уважаемый старейшина (Д. Великовский),

Случайно подслушанный разговор, книга, упавшая с полки и открывшаяся на нужном месте, попавшийся на глаза рисунок. Нами словно руководит кто-то бесконечно мудрый (Д. Емец).

Мудрость заключается в умении донести смысл информации до любого адресата, она ассоциируется с фольклорным поведением вождей народа (даже если речь идет о криминальном авторитете) и предполагает изначально доброе отношение мудрого человека или высшего существа к обычным людям.

Важной характеристикой поведения мудрого руководителя является его умение действовать без принуждения:

Мудрый лидер подобен воде. Вода очищает и освежает все создания, вода свободно и бесстрашно проходит в глубине вещей, вода текуча и восприимчива, вода следует закону без принуждения (Ф. Гузенюк).

Подчеркивается скромность как важный признак поведения мудрых людей:

Мухадин Кишев, при всей своей славе, очень скромен, наверное, потому, что он мудрый человек (Э. Будагян).

Предполагается, что мудрость приходит с годами:

Потом американцы высадились на Луне, и старшие брат и сестра заспорили, должны ли мы радоваться чужому успеху, и кто-то не по годам мудрый заметил, что всё это не важно, ведь там тоже люди (А. Варламов).

Ильич во главе стола молчаливо улыбался, словно мудрый дедушка в гостях у внуков, да ведь если подумать, так оно и было на самом деле (Н. Желунов).

Важной характеристикой поведения мудрых людей является осторожность:

Мудрый отец всячески отговаривал Яноша вторгаться в «опасную» область математики (И. Кашницкий).

Человек мудрый и опытный, он выслушал мой рассказ о столь необычном (тогда) для народной артистки СССР предложении выступить на «церковном» концерте и сказал: «Ты что, с ума сошла?!» (И. Архипова).

Такая осторожность объясняется хорошим знанием скрытых опасностей в разных сферах действительности — в быту, в профессиональной деятельности или в политической ситуации.

Основным речевым жанром выражения мудрости является совет:

Ещё видели запутанную схему развилки между Первомайской улицей, Советской улицей и Свято-Успенским монастырём, где, отчаявшись, видимо, разъ-

яснить шофёру маршрут, мудрый художник написал церковнославянским шрифтом: «Предай Господу путь твой, и уповай на него» (А. Пермяков).

Не зря мудрый Гиппократ советовал пациентам раз-два в неделю есть сырую печень в меду, словно бы догадываясь, что она богата витамином А (В. Спиричев).

В инструкциях по устранению неисправностей в работе электроприборов неизменно присутствует «мудрый совет», раздражающий многих: проверьте, включена ли вилка в розетку (А. Марков).

Назначение совета — оказать помощь тем, кто без этого совета столкнется с трудностями. Это речевое действие в ряде случаев вызывает протест, поскольку адресат видит, что его интеллектуальный уровень признается невысоким.

Во многих случаях объяснение мудрого поведения состоит в цитировании мудрых высказываний известных философов:

Мудрый Гераклит из Эфеса был всё же прав: всё в мире течёт, всё меняется (Б. Руденко).

Мудрый древнекитайский мыслитель Конфуций, живший еще в пятом веке до нашей эры, говорил: «Если поставить честных над бесчестными, то народ придет к покорности» (Н. Карпов).

Такие изречения в концентрированном виде содержат формулировки важных наблюдений о мире и нормах поведения.

Считается, что пословицы выражают жизненный опыт поколений, и поэтому их приводят в качестве сильных аргументов:

Важно было, по возможности на конкретных примерах, показать и донести до читателя мудрый смысл народной пословицы: «Не боги горшки обжигают» (В. Фролов).

К подобным речениям примыкают высказывания, в которых содержатся важные наблюдения о человеческом характере и судьбе:

Деликатный Михаил Михайлович, очевидно, заметив перебор в своих признаниях, добавил, мягко улыбаясь: «В древние времена один мудрый человек (которого вели на казнь) сказал: «Никого нельзя назвать счастливым раньше его смерти» (Г. Фукс).

Один мудрый человек однажды заметил, что хотя юбилеи — это события в общем-то не очень веселые, но они все же нужны, выражаясь спортивным языком, в качестве промежуточного финиша: можно реально оценить достигнутое, вспомнить прошлое и со свежими силами продолжить движение по жизненной дистанции к новым свершениям (Л. Зорин).

Как сказал кто-то мудрый: «Человека определяет среда» (или как там у него?). Как говорил другой (а может и тот же самый) мудрый: «Жизнь научит (заставит) » (Т. Федорова).

Обратим внимание на значимые уточнения: в приведенных высказываниях содержится характеристика ситуации (человека ведут на казнь, юбилеи напоминают человеку о скоротечности его жизни, жизнь заставляет приспосабливаться к нежелательным обстоятельствам).

К числу подобных аргументов относится признание ограниченности человеческих возможностей:

> ...отец нашел очень мудрый ответ: «Это, сестра, воля божья!» (М. Саитов).

Вместе с тем мудрое отношение к жизни оптимистично:

> Мудрый знает: истина восторжествует (Н. Старосельская).

> Для меня «смысл» в «Солярисе» — «ценить то тихое, нежное, что дается нам само, даром — а мы рвемся куда-то, отталкивая этот мудрый земной покой, любящих нас, зависящих от нас» (Л. Шодхина).

Субъектами мудрых высказываний бывают люди, добившиеся успехов в той или иной сфере деятельности:

> Вот даже мудрый властелин киноэкрана Михаил Ромм утверждал: телевидение — только транспорт для искусств иных (Г. Шергова).

> Не случайно мудрый Бисмарк говорил, что Германия может делать в Европе что угодно, лишь бы Россия оставалась хотя бы нейтральной (А. Хаиров).

Подобные высказывания требуют интерпретации, раскрывающих суть дела и часто выражающих лишь один из вариантов осмысления ситуации: в приведенных примерах содержатся неявные утверждения о функции телевидения и военно-политическом положении дел в Европе времен Бисмарка.

Таким образом, образные ситуативные характеристики мудрости в современной русской лингвокультуре, зафиксированные в публицистике и художественной литературе, состоят в определении типичных установок мудрых людей (трезвый учет обстоятельств, ответственность, оптимизм и доброжелательное отношение к людям), их поступков (продуманность и эффективность действий) и иллюстрируются в речениях, выражающих важный коллективный и индивидуальный опыт.

> Материал на английском языке был взят из примеров, размещенных на сайте Британского национального корпуса (British National Corpus — https://www.english-corpora.org/bnc). Опорным словом для поиска было прилагательное wise. Во многих случаях высказывания представлены без ссылок на их авторов.

Конкретизируются действия, которые квалифицируются как разумные:

If you intend to move to a new area to take up employment it is wise to do some homework on local factors affecting recruitment. — Если вы намерены переехать на новое место для трудоустройства, то было бы разумно сделать домашнюю работу, уточнив, какие местные факторы влияют на набор персонала (здесь и далее перевод мой. В.К.).

'It is true,' said the old harridan, whining, 'that presently your looks will leave you, and if you have amassed no property, no wise investments, you must plan for your future' (D. Dunnett). — «Это верно, — прохныкала старая ведьма, — немного погодя ты уже не будешь так выглядеть, и если у тебя нет собственности, нет разумных капиталовложений, ты должна планировать свое будущее».

Most carboots will take a folded pushchair but it's wise to check before you buy that it is easy to lift in and out. — В большинстве автомобилей в багажнике есть место для складной коляски, но разумно проверить перед покупкой, что ее легко помещать и вынимать.

Обратим внимание на то, что приведенные в качестве примера высказывания соответствуют пониманию того, что по-русски обозначается как разумное или целесообразное (а не мудрое) действие. Таковы практически все случаи предикативного использования рассматриваемого прилагательного wise.

Достаточно часто используется отрицание при описании ситуаций, в которых кто-либо ведет себя не очень разумно:

Still laughing, feeling incredibly happy and relaxed, she walked downstairs, although drinking wine in the middle of the day, and on an empty stomach, probably wasn't very wise (E. Richmond). — Все еще смеясь, с чувством невероятного счастья и раскрепощения она спустилась по лестнице, хотя пить вино в середине дня на пустой желудок было, вероятно, не очень разумно.

It was a little circumlocutory, but it is never wise for a politician to use ringing words to announce a retreat. — Это было в какой-то мере многословно, но политику нерезонно использовать громкие слова при объявлении о своем отступлении.

В подобных высказываниях акцентируется практическая целесообразность или нецелесообразность определенного поведения.

В определенных контекстах осмысление мудрого поведения в английской и русской культурах совпадает:

Some wise Annamese sages devote their whole lives to the study of feng-shui. Those are the Chinese characters meaning "wind" and "water". A dwelling for the living or a tomb for one's ancestors should be sited only where it harmonizes completely with the forces of nature (A. Grey). Некоторые мудрецы из Аннама посвящают всю свою жизнь изучению фэншуя. Этот концепт обозначен китайскими иероглифами «ветер» и «вода». Место обитания для живых или могила для предков должны быть расположены только там, где они гармонично сочетаются с силами природы.

In the north you must be wise even before you have a mature emotion...; you must develop your self-assurance before you have become a man, you must be intelligent before you are a child; personal harmony and beauty are not allowed to thrive and mature... (M. Silk). На севере вы должны быть мудрым даже до того, как ваши чувства станут зрелыми, вы должны развить уверенность в себе прежде, чем станете взрослым человеком, вы должны быть умным до того, как станете ребенком; никто не позволит, чтобы ваша личная гармония и красота расцветала и созревала постепенно.

The Sanskrit name for the animal is Nag (the modern term) or Naga (the traditional title). The word 'cobra' is derived from the Portuguese 'Cobra de Capello' meaning 'hooded serpent'. 'Naga' means 'wise serpent', the title given long ago to those who had acquired great wisdom (M. Balfour). Имя для этого животного на санскрите — Наг (современное слово) или Нага (традиционное обозначение). Слово «кобра» пришло из португальского словосочетания 'Cobrade Capello', «змея с капюшоном». «Нага» означает «мудрая змея», это название давно давалось тем, кто достиг большой мудрости.

Овладение философской системой мировосприятия требует мудрости, это относится и к пониманию своеобразия отношения к жизни у жителей определенных местностей. Змея считается традиционным символом мудрости, поскольку эти пресмыкающиеся умеют гипнотизировать свои жертвы, и их неподвижный взгляд воспринимается как знак всеведения.

Мудрость ассоциируется с возрастом:

At times he is wise beyond his age. — Иногда он не по годам мудр.

Alfieri takes Marco's hand, and speaks to him like a wise older brother, giving him advice and trying hard to help him. — Альфиери берет Марко за руку и говорит с ним как мудрый старший брат, давая ему советы и стараясь помочь ему.

Опыт считается непременным спутником мудрости. Обычно передача такого опыта осуществляется в виде советов.

Прямые аллюзии к пословицам свидетельствуют о стремлении говорящего казаться мудрым:

Yet, as Choate's account also shows, even wise men and their money can easily be parted by sharp consultants. И все же, как показывает отчет Коутса, хитрые консультанты могут сделать так, чтобы и у разумных людей долго не держались деньги.

В этой фразе обыгрывается пословица *Afool and his money are soon parted*. — У дурака деньги долго не держатся.

Политики склонны использовать яркие сравнения в качестве аргументов:

We should heed the wise words of Prime Minister Major: 'It will take some time, it always does, to change the economy. It's like turning the Titanicround, as you know'. Следует обратить внимание на мудрые слова премьер-министра Мей-

джора: «Понадобится некоторое время, чтобы изменить экономику. Это всегда требуется. Это, знаете, как развернуть Титаник».

Британский политик ссылается на прецедентный факт о гибели парохода «Титаник», тем самым говоря о себе как о капитане, который может спасти экономику страны от катастрофы.

He also confounds his own dualistic zeal by recalling the wise words (as one may truly think them) of the dualistic mage Paracelsus: 'Be not another, if thou canst be thyself.' (K. Miller). — Он также загоняет себя в тупик своим двойственным энтузиазмом, вспоминая мудрые слова (если они действительно таковы) мага Парацельса, которому тоже была присуща такая двойственность: «Не будь другим, если можешь быть собой».

...one of Gandalf's favorite sayings is 'Even the wise cannot see all ends". — Одна из любимых поговорок Гэндальфа — «Даже мудрые не могут видеть все последствия».

Заслуживает внимания использование слова wise в речевом действии настойчивого совета, который граничит с угрозой:

You would be wise to take my questions seriously (W. Burley). — Вы поступите разумно, если отнесетесь к моим вопросам серьезно.

Настойчивость в определенной мере смягчается использование сослагательного наклонения.

Жизненный опыт часто сопряжен с неприятностями и пониманием того, что надо было поступить иначе:

Being wise after the event, I realise now that what I should have done was to ask the jury to retire so that a formula could have been discussed and agreed upon, which would have disposed of the matter satisfactorily. — Получив этот урок, я понимаю теперь, что должен был попросить присяжных взять перерыв, чтобы обсудить формулировку, прийти к согласию и достичь удовлетворительного решения вопроса.

Обратим внимание на контекстуальное уточнение слова wise:

He is not particularly clever, (though certainly not stupid), he is quite wise. He knows how to handle situations and can plan ahead for things. — Он не особенно умён (хотя определённо не глуп), он достаточно разумен. Он знает, как вести себя в разных ситуациях, и умеет строить планы.

Можно заметить, что, с точки зрения говорящего, wise обозначает сугубо практическое осмысление ситуации.

В политическом дискурсе слово wise используется порой иронически:

What all the wise promised has not happened, and what all the damned fools said would happen has come to pass (Daily Telegraph). Того, что обещали все мудрецы, не произошло, а случилось то, о чем говорили все проклятые дураки.

Такое переосмысление соотносится с фольклорным противопоставлением умников и простаков, умники в таком контрасте всегда терпят поражение.

Таким образом, в различных высказываниях на английском языке акцентируется практический характер мудрости как целесообразного разумного поведения, слово wise используется в речевом действии «совет» как аргумент, подчеркивается также возраст тех, кто поступает мудро.

Для проверки стереотипных представлений об установках и поведении человека, которого можно назвать мудрым, мы опросили информантов — носителей русского языка с просьбой закончить высказывания «Мудрый человек всегда ...» и «Мудрый человек никогда ...». Были получены следующие ответы:

> Мудрый человек *всегда* подумает, прежде чем говорить, спокоен, умеет радоваться жизни, дает хорошие советы, умеет ценить свое время,
>
> Мудрый человек *никогда* не будет спорить с глупцом, не огорчается по пустякам, не ставит перед собой невыполнимые задачи, не спешит, не суетится, не лукавит.

В ассоциативных словарях русского языка зафиксированы следующие реакции на стимул «мудрый»:

> старец (19), человек (18), старик (13), дед (6), совет (5), старый (3), глупый (2), князь (2), страшила (2), умный (2), филин (2), Авиценна (1), Гудвин (1), дуб (1), дядя (1), жрец (1), змей (1), китаец (1), книга (1), кот (1), малый (1), Мерлин (1), молчание, мудрец (1), народ (1), наставник (1), отец (1), пожилой (1), правитель (1), пророк (1), руководитель (1), слепой (1), Сократ (1), спокойствие (1), странник (1), учитель (1), царь (1), Ярослав (1) (РАС); старец (57); великий (5); совет, старик, щедрый (4); волшебник, человек (3); весёлый, интересный, какой, каприз, особенный, самый, серьёзный, шустрый (2); взрослый, классный, момент, мыслить, научный, подумаешь, правильный, простой, разум, труд, ум, учёный (1) (Гольдин, 2011).

Ответы информантов подтверждают стереотипные представления о мудром человеке как имеющем жизненный опыт, приводятся примеры реальных и фикциональных мудрецов и их видов деятельности.

Ценностные характеристики осмысления мудрости выражены пословицах, афоризмах и притчах. В качестве источников материала взяты изречения, собранные на специализированных сайтах пословиц [https://folkmir.ru/poslovitsy-i-pogovorki-o-mudrosti; https://proverbicals.com/wisdom]. Выраженные в паремиологическом фонде

оценочные суждения можно свести к следующим предписаниям поведения:

Следует знать, что мудрость приносит пользу и успех ее обладателю: *Мудрость и города берет; Мудрому человеку вся земля открыта; Мудрая голова сто человек прокормит; Мудрое слово и в стужу согреет; Мудрому слову тройная цена; When God means to punish a nation, He deprives its rulers of wisdom. — Когда Бог хочет наказать страну, он лишает ее правителей мудрости; A drop of wisdom is better than a sea of gold. — Капля мудрости лучше, чем море золота; Beauty passes; wisdom remains. — Красота уйдет, мудрость останется.*

Следует знать, что мудрость приходит с опытом, чаще с отрицательным: *Беды научают человека мудрости; У молодого еще зуба мудрости нет; Учись мудрости у того, кто прежде тебя износит рубашку; Adversity brings wisdom. — Бедствия учат мудрости; Experience purchased by suffering teaches wisdom. — Опыт, приобретенный через страдания, учит мудрости; Wisdom is easy to carry but difficult to gather. — Мудрость легко носить, но трудно собирать; Wisdom is a good purchase, though we pay dear for it. — Мудрость — это хорошее приобретение, но платить за него приходится дорого; Wisdom rides upon the ruins of folly. — Мудрость разъезжает по руинам глупости; Wisdom does not come overnight. — Мудрость не приходит за одну ночь; One who causes others misfortune also teaches them wisdom. — Тот, кто причиняет другим неприятности, в то же время учит их мудрости.*

При этом уточняется, что лучше учиться на чужих ошибках: *Learn wisdom by the follies of others. — Учись мудрости на чужих ошибках.*

Еще одно уточнение состоит в том, что не всегда с возрастом приходит мудрость: *Gray hair is a sign of age, not wisdom. — Седые волосы — это знак возраста, а не мудрости.*

Следует знать, что мудрость приходит к тем, кто ценит учение и знания: *Мудрым никто не родился, а научился; Азбука — к мудрости ступенька; Любовь к книгам — любовь к мудрости; Чтение — к мудрости движение; It is from listening to old men that you learn wisdom. — Слушая старых людей, мы учимся мудрости; To question a wise man is the beginning of wisdom. — Задать вопрос мудрецу — это начало мудрости; Even from an enemy a man can learn wisdom. — Даже у врага можно научиться мудрости; If you observe attentively you will even find wisdom in shadows. — Если внимательно наблюдать, мудрость можно найти и в тенях.*

Следует знать, что мудрость проявляется в оптимизме: *The most manifest sign of wisdom is a continual cheerfulness. — Самый верный знак мудрости — постоянное чувство радости.*

Следует знать, что мудрость требует уединения: *Solitude is the nurse of wisdom. — Одиночество — кормилица мудрости.*

Следует знать, что мудрость немногословна: *Мудра голова — короткий язык; Не то мудрено, что переговорено, а то, что не договорено; Когда глупец говорит, мудрец молчит; У глупца — на языке, у мудреца — в руке; Мудрого и без слов узнают; Wisdom is attained by learning when to hold one's tongue. — Мудрость приобретается со знанием, когда нужно придержать язык; Wisdom consists of ten parts — nine parts of silence and one part with few words.– Мудрость состоит из десяти частей — девяти частей молчания и одной части немногословности; From listening comes wisdom, and from speaking repentance. — Когда слушают, приходят к мудрости, когда говорят — к раскаянию.*

Следует знать, что мудрость проявляется в скромности: *Кто не умеет себя скрыть, тот не может мудрым быть; Умный изучает, глупый поучает; Мудрому совет всякий в пользу; Умный смиряется, глупый надувается; Arrogance diminishes wisdom. — Высокомерие уменьшает мудрость; If you're filled with pride then you will not have room for wisdom. — Если вас переполняет гордость, то в вас не остается места для мудрости; Boasting begins where wisdom stops. — Хвастовство начинается там, где останавливается мудрость; The person who recognizes his major mistakes is on the road to wisdom. — Тот, кто признал свои основные ошибки, находится на пути к мудрости.*

Следует знать, что у мудрости есть границы: *Перемудришь, так испортишь; Один глупец сказал слово, а сорок мудрых не могли ответить; Мудрость, переходящая меру, хуже глупости; На всякого мудреца довольно простоты; И на старуху бывает проруха; Too much wisdom is folly. — Слишком много мудрости — это глупость; Useless wisdom is double foolishness. — Бесполезная мудрость — это двойная глупость; One head cannot hold all wisdom. — Одна голова не может вместить всю мудрость.*

Следует знать, что вино может повредить сохранению мудрости: *When drink enters, wisdom departs. — Когда вино входит, мудрость уходит.*

В этих речениях содержится концентрированный опыт народа в виде предписаний разумного поведения. Такие предписания учат людей ценить мудрость, стремиться к знаниям, уважать старших,

понимать неизбежность неприятностей в жизни, вести себя скромно и сохранять оптимизм.

Авторское осмысление мудрости в афористике в значительной мере дублирует народную мудрость:

Следует знать, что мудрость является высшим благом: *Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум (Книга притчей Соломоновых); Мудрость разумного — знание пути своего (Книга притчей Соломоновых); Если вы достигли мудрости, чего же вам не хватает? Если же вам не хватает мудрости, что же у вас есть? (Левитикус); Мудрость сильнее рока (Вергилий).*

Следует знать, что обретение мудрости состоит в понимании настоящих ценностей жизни: *Не телесные силы и не деньги делают людей счастливыми, но правота и многосторонняя мудрость (Демокрит); Ни тщеславием, ни красотой одежд или коней, ни украшением не добывай чести, но мужеством и мудростью (Теофраст); Украшение человека — мудрость, украшение мудрости — спокойствие, украшение спокойствия — отвага, украшение отваги — мягкость (Анон., Древняя Индия); Прежде всего я хотел бы выяснить, что такое философия... Слово «философия» обозначает занятие мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что может познать человек; это же знание, которое направляет самую жизнь, служит сохранению здоровья, а также открытиям во всех науках (Р. Декарт); Книга — учитель без платы и благодарности. Каждый миг дарит она тебе откровения мудрости (Алишер Навои); Самый мудрый человек тот, кого больше всего раздражает потеря времени (Данте).*

Следует знать, что в основе мудрости — стремление к добру: *Высшая мудрость — различать добро и зло (Сократ); Настоящая мудрость есть не что иное, как умение выяснять и устанавливать истинную меру добра и зла; и задача всякого разумного человека состоит в том, чтобы прикладывать эту меру ко всем делам жизни (Эпиктет).*

Следует знать, что обретение мудрости связано с горьким опытом: *Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь (Екклесиаст); Каким же мудрым надо быть, чтобы всегда оставаться добрым... (М. фон Эбнер-Эшенбах); Мудрость приходит вместе с разочарованием (Дж. Сантаяна).*

Следует знать, что мудрость проявляется в оптимизме: *Самым лучшим доказательством мудрости является непрерывное хорошее расположение духа (М. де Монтень); Мудрый борется с судьбою, неразум-*

ный унывает (Ш. Руставели); У всякого глупца хватает причин для уныния, и только мудрец разрывает смехом завесу бытия (И. Бабель).

Следует знать, что не всегда с возрастом приходит мудрость: *Мудрость людей измеряется не их опытом, а их способностью к опыту (Дж.Б. Шоу); Опыт увеличивает нашу мудрость, но не уменьшает нашей глупости (Г.У. Шоу); Чем старше я становлюсь, тем более сомневаюсь в расхожем мнении, что возраст приносит мудрость (Г. Менкен); Старики не мудры, они просто осторожны (Э. Хемингуэй).*

Следует знать, что мудрость проявляется в молчании: *Ограда мудрости — молчание (Пиркей Авот).*

Следует знать, что мудрость требует уединения: *Менее всего мудрец одинок тогда, когда находится в одиночестве (Дж. Свифт); Мудрец не осуждает идиотов, но избегает их общества (Д. Квиллар).*

Следует знать, что мудрость проявляется в скромности: *Мудрый человек... не выставляет себя на свет, поэтому блестит; он не говорит о себе, поэтому он славен; он не прославляет себя, поэтому он заслужен; он не возвышает себя, поэтому он является старшим среди других (Лао Цзы); Высшая мудрость — философствуя, не казаться философствующим и шуткой достигать серьезной цели (Плутарх); Для мудрости нет ничего ненавистнее мудрствования (Сенека); Мудрость освобождает умы от тщеславия (Сенека); Вот в чем разница между счастьем и мудростью: тот, кто считает себя самым счастливым, действительно самый счастливый; но тот, кто считает себя самым мудрым, скорее всего самый большой дурак (Ч. Колтон); Будь мудрее других, если сможешь, но не говори им этого (Ф. Честерфильд).*

Вместе с тем в афористике выражены дополнительные характеристики оценки мудрости:

Следует знать, что мудрость достигается только личными усилиями: *Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться (Демокрит); Мудрый сам кует себе счастье (Плавт); Счастье следует просить у бога, мудрость — приобретать самому (Цицерон); Если можно быть учеными чужой ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью (М. де Монтень); Мудрый человек живет своим умом и своим кошельком (Ф. Честерфильд); Можно передать знания, но не мудрость (Г. Гессе).*

Следует знать, что мудрость проявляется в способности удивляться: *Начало мудрости — способность удивляться (Сократ).*

Следует знать, что не всем доступна мудрость: *Мудрецы говорят об идеях, люди среднего ума — о событиях, глупцы — о людях (Сократ);*

Речь дается многим, но мудрость редким (Катон); Мудрые руководствуются разумом, люди среднего ума — опытом, глупцы — необходимостью, а дикари — инстинктом (Цицерон); Проявить мудрость в чужих делах куда легче, нежели в своих собственных (Ф. де Ларошфуко); Я не знаю мудрости, годной для других (К. Бальмонт).

Следует знать, что иногда мудрость состоит в отходе от привычных канонов мудрости: *Иногда высшая мудрость состоит в том, чтобы притвориться глупцом (Б. Грасиан); Тот, кто живет, не совершая глупостей, не настолько мудр, как он думает (Ф. де Ларошфуко).*

Следует знать, что мудрость проявляется в трезвом учете обстоятельств: *Мудрость состоит в том, чтобы видеть суть неприятностей и выбирать меньшее зло (Н. Макиавелли); Глупые ничего не прощают и ничего не забывают, наивные прощают и забывают, мудрые прощают, но не забывают (Ф. де Ларошфуко); Быть человеком значит допускать несовершенство (Дж. Оруэлл); Девять десятых мудрости состоит в том, чтобы быть мудрым вовремя (Т. Рузвельт); Запоздалая мудрость, свойственная историкам и авторам мемуаров, к сожалению, не годится для практикующих политиков (М. Тэтчер).*

Следует знать, что мудрость проявляется в сомнениях: *Все проблемы нашего мира заключаются в том, что дураки и фанатики ничуть не сомневаются в себе, а мудрые люди переполнены сомнениями (Б. Расселл).*

Следует знать, что мудрость проявляется в спокойствии: *Мудрец избегает всякой крайности (Лао Цзы); Мудрый не знает волнений, человечный не знает забот, смелый не знает страха (Конфуций); Мудрец не свободен от страстей, а умерен в страстях (Аристотель); Разум — это зажигательное стекло, которое, воспламеняя, само остается холодным (Р. Декарт).*

В пословицах и афоризмах выражены нормы поведения, которые в целом сводятся к требованиям трезво оценивать реальность, учиться делать выводы из ошибок, стремиться к знаниям, уметь радоваться жизни, вести себя скромно. В афористике подчеркивается важность самоконтроля и самокритики как определяющих характеристик поведения мудрых людей.

Резюме:

• По данным словарей в русской лингвокультуре акцентируется неразрывная связь добра и истины, в англоязычной — эффективность такого мировосприятия.

• Образно-ситуативные характеристики мудрости уточняют обстоятельства, требующие мудрого поведения, речевые действия, выражающие такое поведение (житейские и философские наблюдения и советы), характеристики разумного или неразумного отношения к реальности.

• Ценностные признаки мудрости, установленные на основе анализа пословиц и афоризмов, заключаются в признании этого качества весьма значимым для людей, в констатации важности жизненного опыта, особенно отрицательного, в необходимости оптимистически относиться к жизни и вести себя скромно и спокойно.

3 Мудрость и здравый смысл

К концепту мудрость близко понятие «здравый смысл», которое в переводе на немецкий звучит как „der gesunde Menschenverstand“ (здравый человеческий смысл). В английском языке этим выражениям соответствует “common sense” (букв. «общее чувство»). Здравый смысл можно рассматривать как лингвокультурный концепт, т.е. как сложное ментальное образование, в составе которого можно установить образный, понятийный и ценностный компоненты (Карасик, 2002). Однако различие в семантике русского и немецкого языков, с одной стороны, и английского, с другой, налицо. Если в первом случае вид мышления и принятия решения связывается с состоянием человека и таким образом представлен как объективное составляющее самого мышления, то в английском понятии выражено общее согласие, т.е. разумным считается то, что одобряется всеми. На основе социального понятия “common sense” было выстроено целое философское направление — Commonsense-Philosophy (Thomas Reid, William Hamilton, Thomas Brow, Thomas Paine, George Edward Moore), для обозначения которого в русском и немецком языках используются понятия «здравый смысл» или „der gesunde Menschenverstand“. Однако эти понятия, хотя и могут обозначать концепты повседневной жизни и наивного мышления, но не походят для того, чтобы на их основе построить философскую систему или научную парадигму. Как немецкий эквивалент “common sense” в рамках философии обычно употребляется „Gemeinsinn“ («общий смысл»). Большой интерес здесь вызывает, во-первых, отношение концептов «здравый смысл» и “common sense” к концепту мудрости, и, во-вторых, лингвокультурные особенности этих концептов.

«Здравый смысл» или “common sense” часто считают одной из основных характеристик западной ментальности в противоположность непрактичному и фантастическому мироощущению, свойственному людям, живущим на Востоке. В этой связи представляет интерес сравнительный анализ отношения к здравому смыслу в русской и англоязычных западных лингвокультурах, в том числе североамериканской.

Понятийные определения в словарях

Этимологически английское словосочетание “common sense” восходит к античной идее объединения всех сенсорных модальностей в едином специфическом чувстве (*a supposed internal sense held to be common to all the senses, or one that acted as a link between them*). Это словосочетание является калькой с латинского, который, в свою очередь, воспользовался греческим источником: trans. ofL *sensus communis*, itselftrans. of Gk *koine aisthesis*. «Согласно античным представлениям считалось, что душа человека, его внутреннее святое тело, состоит из семи качеств, находящихся под влиянием семи планет. Огонь оживляет, земля дает ощущения, вода — речь, воздух — вкус, туман — зрение, цветы — слух, теплый ветер — обоняние. Соответственно, различались наделение жизнью, ощущение, речь, вкус, зрение, слух и обоняние» (The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable) (*Перевод мой.* — В.К.). Эти астрологические корреляции сегодня могут вызвать у многих современников улыбку, но идея о том, что все сенсорные модальности должны иметь некую общую основу, не противоречит данным биологии. Эта идея является стержневой, в частности, у известных современных нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы (2001).

По-русски название концепта «здравый смысл» является мотивированным и не требует специального этимологического анализа. Это словосочетание соотносится со словами «здравомыслие» и «благоразумие». Оба слова в настоящее время являются устаревшими (этот факт, кстати, заслуживает внимания). В словаре В.И. Даля приводится следующее разъяснение: здравое суждение — прямое, правильное, основательное, со смыслом. Здравый смысл — рассудок, рассудительность, прямой толк. Благоразумие — рассудительность в словах и поступках; житейская мудрость; полезная осторожность и расчетливость (Даль, 1994). Итак, в русском языке здравый смысл соотносится с нормальным поведением и противопоставляется нездравому, т.е. больному рассуждению и поведению.

Обратимся к толкованиям современных словарей. Английские словари определяют рассматриваемый концепт следующим образом:

— (noun) Sound practical judgment. (adjective) Exhibiting native good judgment. Synonyms: commonsensible, commonsensical, good sense, gumption, horse sense, mother wit, sense. Type of: discernment,

judgement, sagaciousness, sagacity. Type: logic, nous, road sense. Similar: reasonable, sensible (World Web Dictionary).

— sound practical judgment that is independent of specialized knowledge, training, or the like; normal native intelligence (Random House Dictionary of the English Language).

— sound practical sense, esp. in everyday matters (often hyphenated when attrib.: *a common-sense approach*) (Concise Oxford Dictionary).

— 1) the unreflective opinions of ordinary people; 2) sound and prudent but often unsophisticated judgment (Merriam-Webster's Online Dictionary).

— a person's natural ability to make good judgements and to behave in a practical and sensible way (Collins COBUILD English Language Dictionary).

— Common sense is the basic level of practical knowledge and wisdom that we all need to help us live in a reasonable and safe way: *Don't touch that light switch with wet hands! Use your common sense*. (Cambridge International Dictionary of English).

В тезаурусе П. Роже идея «здравый смысл» является разновидностью смысловой сферы «мыслительная активность» и соотносится с полем «мудрость»:

498. Intelligence. Wisdom. — N. intelligence, capacity, comprehension, understanding; cuteness, sabe * [U.S.], savvy * [U.S.]; <...> wisdom, sapience, sense; good sense, common sense, horse sense [U.S.], plain sense; rationality, reason; reasonableness & c. adj; judgment; solidity, depth, profundity, caliber; enlarged views; reach of thought, compass of thought; enlargement of mind (Roget Thesaurus).

Мудрость определяется как способность применять знания, или опыт, или понимание, или здравый смысл, или интуицию (Ability to apply knowledge or experience or understanding or common sense and insight — WWD). Дефиниция приводит нас к порочному кругу в определении (мудрость есть здравый смысл, а здравый смысл — мудрость). Вместе с тем ясно, что мудрость включает здравый смысл, но не сводится к нему.

Приведенные выше дефиниции показывают, что лексикографы объясняют концепт "common sense" как комбинацию следующих признаков: 1) способность формировать суждения и принимать решения, 2) здравая (верная, обоснованная), 3) практичная (реалистичная, действительно возможная), 4) природная, присущая от рождения. Следует обратить внимание на то, что эта способность относит-

ся не только к сфере наблюдения и рассуждения, но и к сфере практических действий, поступков (именно поэтому она имеет этическое измерение). В английских словарях подчеркивается, что здравый смысл есть положительное качество людей и нормальное качество, т.е. мы начинаем осознавать не столько наличие здравого смысла, сколько его отсутствие, так как в обычной ситуации он является естественным, как, например, дыхание. Иными словами, здравый смысл принадлежит к аксиоматическим характеристикам человеческого поведения. Доказывать аксиомы очень трудно, это всегда требует построения некоторой метатеории, и обычно прибегают в таких случаях к доказательству от противного, в частности, используется прием сведения к абсурду. Противоположными характеристиками здравого смысла могли бы быть следующие признаки: 1) неверный, ошибочный, противоречащий опыту, 2) нереалистичный, невозможный, 3) не природный, не врожденный, а усвоенный в результате специального обучения. Если первые две характеристики оцениваются безусловно отрицательно, то последняя допускает и амбивалентную оценку: с одной стороны, могут быть оторванные от жизни надуманные знания, противоречащие здравому смыслу и заслуживающие осуждения, но, с другой стороны, в определенных областях познания здравый смысл может быть недостаточным, и требуется выход на иной, более высокий уровень понимания вещей. Уточним здесь же тезис о природности здравого смысла: имеется в виду не врожденность этого качества, а то, что наличие опыта неизбежно приводит к формированию здравого смысла. Человек, имеющий опыт совершения ошибок и не делающий выводов, в любой культуре квалифицируется как умственно несостоятельный. В русском языке это качество иллюстрируется известной поговоркой «наступать на грабли».

В толковых словарях русского языка интересующий нас концепт объясняется так:

Здравый — рассудительный, толковый, правильный, основанный на рациональном отношении к кому-чему-н. (книжн.): *Здравый ум. Здравая критика. Здравый смысл (рассудок). Здраво рассуждать*; здравомыслящий — со здравым смыслом, правильно, толково рассуждающий; благоразумный — осторожный, рассудительный, житейски мудрый (Ушаков).

Здравый — разумный, правильный: *В его словах есть здравый смысл.* Здравомыслие — способность правильно, разумно мыслить,

рассуждать; благоразумие — обдуманность в действиях и поступках; рассудительность, осмотрительность (БТС).

Здравый смысл — это логика человека, способность рассуждать разумно, спокойно, последовательно. *Здравый смысл подсказывает: чем больше сотрудничества и чем меньше конфронтации, тем лучше для обеих держав*. Если в словах, поступках человека есть здравый смысл, значит, в его словах, поступках есть определенная логика, есть нечто разумное, правильное. *Мне кажется, в твоем предложении есть здравый смысл, мы попробуем сделать все именно так* (ТСРЯ).

Мы видим, что английские и русские дефиниции содержат общие и отличительные признаки. Бросается в глаза то обстоятельство, что в английских словарях рассматриваемый концепт объясняется более детально, чем в русских (строго говоря, только в одном русском словаре толкуется словосочетание «здравый смысл»). Меньшая детализация русского толкования может объясняться, во-первых, более богатой лексикографической традицией в английской культуре, чем в русской, и, во-вторых, большей значимостью этого концепта для англоязычного сообщества. Второй тезис не является бесспорным. Возможно, что дела обстоят наоборот: если концепт вообще не называется, то он аксиоматичен и его упоминание избыточно. Сравним: «Он красив, умен и благороден» и «Он зряч, вменяем и цел». Первое высказывание выделяет человека из ряда людей по признакам, присущим далеко не всем, упоминание этих признаков является позитивной идентификацией человека. Второе высказывание подразумевает некую ситуацию, в которой человек может потерять естественно присущие практически всем здоровым людям качества, упоминание этих качеств является его негативной идентификацией. Возможно, что в русской лингвокультуре тот концепт, который называется «здравый смысл», в известной мере соотносим с вменяемостью. Итак, на уровне понятийного анализа мы можем сделать предположение, что рассматриваемый концепт имеет несколько разное содержание в английской и русской лингвокультурах: для англоязычного сообщества важно противопоставлять поведение разумное и неразумное, практичное и непрактичное, основанное на базовых знаниях о жизни и на специальных знаниях, а в русском языковом сознании реализуется только первое противопоставление. Нельзя не заметить и важного стилистического различия в толковании данного концепта: в английском языке он является общеупотребительным, в русском же — в определенной степени ограничен

книжной или официальной речью. Для проверки и уточнения этого предположения обратимся к результатам анализа образной (точнее, образно-перцептивной) стороны рассматриваемого концепта.

Образная сторона концепта здравого смысла

Если исследование понятийной стороны концепта представляет собой его выделение, обозначение, структурирование, дефинирование и определение его места в системе концептов, то обращение к образной его стороне предполагает описание опыта, связанного с этим концептом, характеристику его ассоциативных признаков. Можно выделить, по меньшей мере, три процедуры такого описания: 1) написание короткого эссе на тему соответствующего концепта (в практике обучения иностранным языкам это называется составлением топика), в процессе такого написания информант неизбежно активизирует признаки характеризуемого концепта, в большей или меньшей степени актуальные для данного концепта. Совокупность таких признаков представляет собой когниотип (по А.Г. Баранову); 2) интерпретативный анализ контекста, в котором употребляются наименования концепта; 3) экспериментальная верификация модели концепта путем анализа непосредственных ассоциативных реакций информантов на имена этого концепта.

Осмысление концепции здравого смысла в эссе

Приведем несколько коротких эссе, написанных на тему концепта “commonsense” — «здравый смысл» носителями современных американской и русской лингвокультур.

> Common sense is a quality of people that enables them to make reasonable, sane and usually right decisions and choices. They see things as they are, they are shrewd and prudent in some way. Person possessing Common sense is sound, always prudent, his opinion is not influenced by any others. He feels at ease in any situation or at least tries to be. You asked in what way it is associated with prudence. To me, these two meanings are close, to be prudent is to be casual, reasonable, sane, to have common sense.

> I don't think that I connect Common Sense with Prudence. I think more of common sense as "the little voice" inside of you telling you what is right and what is wrong. I think that some people are blessed with a lot of it and some not so much. My one

cousin for example, not so much. He is extremely intelligent (book smart) but wow when it comes to common sense it's just not there. I also think that common sense comes from "living life." Experiencing different things and activities. Life learning experience. The more that you do the more that you know what limits in life you have.

When I think about common sense I imagine the life of simple people living far away in a little village, working hard in the field and enjoying good healthy food, fresh air, true love and friendship. Common sense is their inner order of life, they do not discuss what is good or bad, they do not think of it, they live in accordance with nature and their souls. We start to think about common sense when we come across someone's absurd or erratic behavior. For instance there are different food cranks now who make their diet the center of the Universe. They can do whatever they like but their tastes seem funny to many people. Very often people have to take a commonsense approach to political matters. Why should we wage a war against the people who prefer to live as they choose to live? The common sense solution would be to find a reasonable compromise and to gain what is really possible.

Когда я думаю о здравом смысле, я представляю себе человека, который без рассуждений принимает трезвое решение в обычной ситуации, например, избегает лишних усилий (умный в гору не пойдет, умный гору обойдет). У этого человека есть какая-то внутренняя логика в поступках, он не ведет себя глупо. Когда он говорит, в его рассуждениях есть зерно, его доводы самоочевидны. В отличие от здравого смысла мудрость для меня связана с выбором, который требует особого проникновения в суть вещей, мало кто ведет себя мудро, но почти все поступают в соответствии со здравым смыслом. Мудрец обладает особым статусом, это не только очень умный человек, но и носитель некоторого высшего знания, он не может причинять зло. Здравый смысл иногда подсказывает не самое безупречное решение с позиций этики, эгоисты сплошь и рядом руководствуются здравым смыслом. Благоразумие — это умение и привычка избегать опасных и неудобных ситуаций: благоразумный человек промолчит тогда, когда высказываться опасно, не станет предлагать свою помощь, если ничего не получит в ответ.

Когда я думаю о здравом смысле, я представляю себе процветающих, самодовольных и часто циничных людей, у которых нет высоких идеалов в жизни, которые не понимают, что такое любовь, самопожертвование, красота. Им недоступна поэзия, но они хорошо знают что почем. Такие люди не могут понять, зачем нужно открывать новые страны, искать неведомые миры. Это очень скучные люди, и они часто любят поучать всех, как надо себя вести. Они боятся любых неожиданных поворотов в жизни, им чужда романтика. Психологически здравый смысл — это оправдание трусости.

Когда я думаю о здравом смысле, я пытаюсь представить себе, как бы я себя повел в ситуации, когда нужно участвовать в каком-нибудь абсурдном ритуальном действии. Если бы я оказался на месте Евгения Онегина, я бы ни за что не стал стреляться с моим другом, даже если он и наговорил мне всяких гадостей. Почему нельзя было подняться над условностями и сказать: слушай, я тоже был не прав, зачем мы будем устраивать этот спектакль на потеху всяким мерзавцам? Я понимаю, что в таком случае великий и очень правдивый роман

А.С. Пушкина потерял бы свой трагический заряд. Я знаю, что человеческое поведение очень редко согласуется с логикой здравого смысла. Если жить по законам здравого смысла, то, возможно, всем нам станет скучновато. Но, возможно, цена за отрыв от здравого смысла чересчур высока?

Эти и подобные им тексты показывают, что ситуации, в которых люди демонстрируют наличие или отсутствие здравого смысла, рассматриваются с различных точек зрения. Главными отличительными признаками являются противопоставление 1) обиходного и книжного знания в англоязычном мироощущении и 2) романтического и прозаического отношения к жизни в русской лингвокультуре. Книжное знание оценивается иронически. Здравый смысл для американцев — это надежный ориентир успешного выполнения планов, он не ставится под сомнение. Основное отличие в отношении к здравому смыслу — это выбор позиции Реалиста или Романтика. Для Реалиста здравый смысл противопоставлен абсурду, бессмысленности, ненормальности и поражению в жизни. Для Романтика здравый смысл — это постоянная привязка к земле, к трезвому учету обстоятельств, это отказ от приключений, в результате чего жизнь теряет всякий вкус и становится невыносимой. В ответах русских информантов мы видим точку зрения как Реалиста, так и Романтика, у американцев, судя по полученным ответам, позиция Романтика не получает значительного отклика. Стремление избежать трудностей и опасностей связано с идеей риска, вернее, с мерой разумного риска. Понятно, что такая мера для разных людей будет разной. В англоязычном мире идея разумного риска сопряжена с идеей безопасности, защищенности (safety). Люди думают о безопасности тогда, когда она не гарантируется. Вероятно, исторически англичане как нация мореходов научились ценить безопасность и помнить о здравом смысле, отправляясь в странствия. Разумеется, без романтической устремленности в далекие края никаких дальних плаваний бы не было, но этот романтизм всегда уравновешивался требованием трезво оценивать ситуацию и вести себя в соответствии с нормами здравого смысла и благоразумия.

Еще один отличительный признак в понимании рассматриваемого концепта состоит в выборе между позицией между позициями конформиста и неконформиста в жизни. Вспомним сказку Андерсена о голом короле. Ребенок с его наивным здравым смыслом сказал всем, что король-то голый. Конформист ведет себя вопреки здравому смыслу, подчиняясь традициям и условностям. Неконформист

находит в себе силы взглянуть на ситуацию глазами нормального человека и отказаться принимать участие в абсурде. Здесь мы сталкиваемся с очень важной дистинкцией в поведении англичан и американцев. Для англичан здравый смысл — это баланс между традицией и реальностью, для американцев — это прямое и ясное обозначение реальности. Соответственно, отношение к абсурду у англичан и американцев является различным: англичане допускают определенную степень абсурдности в понимании мира, шутят по этому поводу, американцы же не находят место абсурду в жизни, квалифицируют его как патологию. В России абсурд есть постоянный значительный компонент бытия, люди свыклись с абсурдом и четко противопоставляют здешнюю земную жизнь как несправедливое и нелепое существование жизни вечной, нездешней и справедливой. Поэтому русский юмор не просто строится на обыгрывании абсурда, но и намеренно преувеличивает абсурдность бытия.

Интерпретативный анализ контекстов концепта здравого смысла

Обратимся к типичным контекстам, в которых интерпретируется рассматриваемый концепт. В качестве источника англоязычного материала использовался канал открытого доступа к компьютерной базе данных Британского национального корпуса [http://info.ox.ac.uk/bnc], русские примеры были взяты из корпуса текстов художественной и публицистической литературы, размещенной в электронных библиотеках на компакт-дисках.

Можно выделить следующие направления, в которых уточняется концепт «здравый смысл»: 1) связанные с именем данного концепта имена других концептов, 2) его атрибуты, 3) люди, которые упоминают о нем, 4) ситуации, в которых этот концепт упоминается.

В корпусе примеров на английском языке здравый смысл ассоциируется со следующими концептами.

Высоко развитый интеллект: *I don't have that much brains, but I'd say I had good common sense*.

Целесообразность: *On the street, expediency and common sense taught a different style*.

Восприимчивость, чуткость: *I think common sense and sensibility will eventually shine through*.

Философское восприятие жизни: *In assuming that it may be rational to be a sceptic about value alone, we had stopped at an uncomfortable halfway house between philosophy and common sense, between the pure thinker who doubts everything and the plain man who questions neither what he sees nor what he likes or dislikes.*

Предрассудок, предубеждение: *The prejudices of common sense must be acknowledged, and this includes the notion of "prejudice" itself.*

Эмоциональность: *She had allowed her emotions to run wild over common sense and, now that she was well and truly embroiled in an impossible situation, found that her every reaction was triggered by her heart rather than her head.*

Безопасность, защищенность: *We promote safety, but coupled with this is common sense.*

Специальные знания: *Sociology, however, insists on a willingness to reject what is "obvious", "common sense", "natural";, and to go beneath the surface of such understanding of the world.*

Предвидение: *During the past two days we have heard a vast number of contributions and I pay tribute to the common sense and foresight of Labour Members who have not only pointed out the inequalities of the system that is still in being but the pitfalls that we see ahead of us.*

Приведем примеры на русском языке.

Сила, мощь: *Бывают ситуации, когда здравый смысл сильнее всех ученых построений. (А. Бушков).*

Эмоциональность: *У нее мощный аналитический ум, она серьезная, вдумчивая и рассудительная девочка с сильно развитым чувством ответственности за свои поступки, а здравый смысл в ней преобладает над эмоциями и сиюминутными порывами. (О. Авраменко).*

Риск: *Ни одному здравомыслящему человеку в голову не придет так рисковать! (В. Доценко).*

Внутренняя логика: *Мое чудесное спасение противоречило здравому смыслу и логике вещей, и я поверил в него только потому, что был поставлен перед фактом — я мыслю, следовательно, существую (О. Авраменко).*

Возраст: *Очевидно, под старость Мстислав окончательно лишился здравого смысла (А. Бушков).*

Хорошие манеры: *По всем правилам приличия и здравого смысла она должна была уйти, но не сделала этого (О. Авраменко).*

Опыт: *Эта загадка до сих пор мучает и меня, — признался протектор. — Невероятно нелогичный поступок, полностью противоречащий*

здравому смыслу и опыту телохранителей, гвардейцев. По-моему, существует одно-единственное объяснение: обстоятельства нападения были таковы, что пришлось действовать вопреки здравому смыслу (А.Бушков).

Хитрость: *Он не так умен, чтобы играть серьезно. Хотя отменно хитер. Я не очень понимаю такую наивную хитрость, но именно такая наивная хитрость может переиграть и логику, и здравый смысл (Ю. Семенов).*

Надежда: *Вопреки всем доводам здравого смысла я продолжал надеяться, что компьютер подскажет мне, где искать Диану... (О. Авраменко).*

Закон: *Он и сам, размышляя о Мушмакаеве и о том, что происходило и происходит в Чечне, все чаще приходил к выводу, что многое не только ему не понятно, но и противоречит всякому здравому смыслу и происходит вопреки любым законам, как государственным и военным, так и общечеловеческим (В. Доценко).*

Справедливость: *Поняв, наконец, что с казнокрадством и взяточничеством (вызванными к жизни его же реформами) обычными средствами не справиться, Петр создал особые комиссии по расследованию. Каждая состояла из гвардейских офицеров — майора, капитана и поручика, которым было приказано рассматривать дела и вершить суд не по закону, а «согласно здравому смыслу и справедливости» (А. Бушков).*

Интересно отметить, что в русских примерах мы часто сталкиваемся с обозначениями «вопреки здравому смыслу» и «здравый смысл и логика вещей», в то время как в английском материале частотны другие комбинации концептов: «здравый смысл и специальные знания (либо философия)» и «здравый смысл и высокий интеллект».

Типичными атрибутами здравого смысла в английских примерах являются следующие слова.

Хороший: *This is an approach to gardening which looks good because it is good, common sense.*

Простой: *They are certainly simple and that is one of the chief advantages of cash accounting: it takes little more than common sense to understand and interpret.*

Надежный, проверенный: *Much of Thatcherism is common sense and it should not go out of fashion.*

Наивный: *Hence, social psychologists attempt to transcend the naivety of common sense, to clear up its confusions and "unfounded speculation", and to transform lay into scientific theories.*

Практичный: *But in practice here again common sense prevails*.

Очевидный: *It is so obvious that it sounds like "common sense"*.

Императивный: *Despite the nagging of common sense, Mungo knew he would never be satisfied until he found some answers*.

Базовый: *The unwritten rules, in such instances, are the purest common sense*.

Нормальный: *The Theosophical teachings were all new to me but seemed to be most natural and consistent with normal common sense and logic*.

Допускающий отклонения: *In doing so he diverges from common sense*.

Охраняющий: *Common sense returned quite suddenly, hitting her like some tangible thing, and she jumped, an involuntary reaction as if she'd been bitten*.

Помогающий: *A bit of common sense will usually give you some answers*.

Сравним полученные данные с русскими примерами:

Простой: *Здесь задача наблюдения упростилась до простейшей схемы линейного сопровождения: с позиций здравого смысла, деваться «объекту» было попросту некуда. Но сам он не руководствовался тем, что казалось сопровождающим «здравым смыслом» (Д. Корецкий)*.

Элементарный: *И капиталистический лагерь тогда был еще очень силен, собственнические, расовые, религиозные и тому подобные интересы в нем ставились выше элементарных требований здравого смысла, выше интересов человечества (Е. Войскунский, И. Лукодьянов)*.

Нормальный: *Шаваш не видел причины отличать Ира от любого другого идола или природного явления, — так подсказывал ему обыкновенный здравый смысл (Ю. Латынина)*.

Хороший: *Нас трогает стремление к чистоте, к справедливости и к общему благу. Нас приятно удивляет, что люди, которые все равно умрут, стремятся к этому. И нас радует здравый смысл, к чему рано или поздно приходят люди, отсеяв весь сор и шелуху (М. Зощенко)*.

Обывательский: *Увы, история полезна только тому, кто ее выучил. В обратном случае обывательский «здравый смысл» провозглашает губительную концепцию покорения живой природы (Л. Гумилев)*.

Циничный: *Мой ум трезво взвешивал все обстоятельства и делал соответствующие выводы, но сердце мое отвергало цинизм здравого смысла (О. Авраменко)*.

Императивный: *Здравый смысл вынудил нас объединиться в защите справедливости (Ю. Латынина)*.

Охраняющий: *Любой землянин носит с собой целый зверинец бактерий и целый зверинец идей. Большинство из них безобидно, с другими незаметно справляются иммунная система и здравый смысл (Ю. Латынина).*

Намеренно извращаемый: *Вопреки логике и здравому смыслу двуногих зверей перестали расстреливать: косящие глазами государственные мужи лукаво высказывают уверенность, что они переведутся сами собой. (Д. Корецкий).*

Легко отвергаемый: *Налицо была добрая воля обеих сторон, желание предотвратить губительную войну, но все доводы здравого смысла оказались бессильными перед эмоциями. (О. Авраменко).*

Напрасный: *Они тщетно пытались оправдать свои действия здравым смыслом (Ю. Латынина).*

Здравый смысл в английских контекстах часто актуализируется в связи с определенными типами людей.

О нем упоминается, если речь идет о женщинах: *Her common sense told her that this was no ruffian*.

Здравый смысл — это довод решительных людей, которым нужен простой ответ на поставленный вопрос: *Her sturdy common sense, the downright attitude to life which never ceased to surprise him, the constant loving references to a papa and a mama who sounded remarkably practical themselves, even if they had spoiled their beautiful daughter, informed him that she came from a background very unlike any that Dr Neil had ever encountered*.

Иностранцам не хватает здравого смысла: *The conversation drifted to whaling, where the Norwegian record also seemed lacking in compassion and common sense*.

К нему прибегают необразованные (и поэтому примитивные) люди: *Those groups with other forms of consciousness anchor their thoughts and perceptions into "common sense", "mythology", etc., but not in social representations*.

В русских примерах акцентируются следующие типы людей, имеющих отношение к здравому смыслу.

Те, кто обязан иметь здравый смысл, обычно представители власти: *Подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры (А. Бушков).*

Люди, у которых нет здравого смысла (обычно представители власти): *Если бы у правительства была хоть капля здравого смысла, —*

они бы выиграли бой, обещав нам помилование и раздав зерно... (Ю. Латынина).

Люди, имеющие специфический здравый смысл (обычно женщины с позиций мужчин): *Нет, подумал я, умом женщин никогда не понять, и судить их по мужским меркам так же нелепо, как измерять длину в килограммах. При всем своем рационализме, здравомыслии и практичности, они начисто отвергают обычную логику, противопоставляя ей нечто совершенно несуразное и непостижимое мужскому уму — так называемую логику женскую (О. Авраменко).*

Люди, у которых неожиданно проявляется здравый смысл: *Мы мирно садимся кружком и обсуждаем подробности. Удивительно, но носороги выказывают определенный здравый смысл (С. Герасимов).*

Здравый смысл в примерах на английском языке связан с ситуацией выбора.

Это выбор между своими чувствами и чьим-либо советом: *To the very last he consulted his own common sense rather than the orders of his doctors whom he detested because they advised him to give up the roast meats that he loved.*

Выбор между простым и усложненным выражением мысли: *Plain English makes common sense!*

Выбор между хорошим и плохим поведением: *It nearly always came over in a bad light, as a bunch of cocooned scientists trying to hoodwink the common sense of ordinary folk.*

Выбор между честной и нечестной политикой: *Election 92: High on technical tricks, low on common sense.*

В русских примерах, характеризующих ситуации, связанные с актуализацией здравого смысла, речь идет о причинах поведения в соответствии или вопреки здравому смыслу.

Очевидная причина:

— Уж если разговор у нас пошел циничный и бесцеремонный — что мне мешает прикончить вас здесь же?

— Здравый смысл. Вы не станете навлекать лишние хлопоты на хозяйку этого уютного заведения (А. Бушков)

Скрытая причина: *По какой-то причине, несомненно, противоречащей здравому смыслу, ни один из чиновников не попытался спасти свою жизнь криком о том, что государь жив, и что его еще нетрудно догнать (Ю. Латынина).*

Странная логика: *Крестьянин имеет столько земли, сколько ему нужно для прокорма себя и семьи. Ремесленник «обладает здравым смыс-*

лом, чтобы не работать больше того, сколько необходимо для зарабатывания на веселое житье». Такие люди, если бы они увидели Рокфеллера, сочли бы его безумцем (Л. Гумилев).

Сравнительный анализ проанализированного материала показывает, что между русскими и американцами нет существенных различий в понимании здравого смысла и в отношении к нему. И те, и другие считают, что здравый смысл есть естественная рациональная реакция человека на обыденное развитие событий. Они положительно оценивают такую реакцию, но отмечают границы приемлемых для нее ситуаций. Отмечается, что в жизни люди часто жертвуют здравым смыслом, подчиняясь эмоциям, что здравый смысл необходим и желателен, т.е. не наличествует. В русских примерах подчеркивается идея намеренного или ненамеренного отсутствия здравого смысла в действиях властей. Основные различия в отношении к здравому смыслу состоят в том, что в английском языке подчеркивается его базовый, исходный характер, и соответственно акцентируется либо его основательная надежность, либо недостаточность для определенных ситуаций, а в русском языке здравый смысл достаточно часто оценивается с позиций романтиков как обывательское, приземленное отношение к жизни. Налицо важнейшее отличие в доминантах поведения: для рационального деятеля нужно учесть возможные условия риска, для мечтательного созерцателя важнее оценить всю ситуацию с позиций эстетики, а не утилитарной практики.

Анализ ассоциативных реакций информантов на «здравый смысл»

В непосредственных ассоциативных реакциях наиболее частыми ответами русских информантов были слова, связанные с идеей рациональности или нерациональности, и это соответствует внутренней форме обозначения рассматриваемого концепта. Обратим внимание на то, что вопреки словарным дефинициям большинство русских информантов отметило важность действий, а не рассуждений в соответствии со здравым смыслом. В качестве примеров часто использовались отклонения от здравого смысла. Русские информанты разграничивают здравый смысл и логику вещей, т.е. полагают, что существует естественный порядок в мире, и здравый смысл — это не

более, чем соблюдение такого порядка. Подчеркивать здравый смысл — это все равно, что подчеркивать вменяемость. Русские не восхищаются здравым смыслом, в то время как американцы и англичане эмфатически оценивают это качество, поскольку для них здравый смысл сопряжен с активной ролью субъекта в жизни и положительным отношением к преобразуемой действительности.

Для анализа ценностной стороны концепта необходимо рассмотреть те высказывания, в которых дается выраженная оценка поведению человека в терминах деонтической модальности: как следует или не следует поступать. Такие высказывания весьма многочисленны, их особый статус в общении привел к выделению специальных жанров для выражения поучений и реакций на поучения. Поучения выражаются прежде всего в пословицах.

Можно выделить следующие типы ценностных суждений.

Здравый смысл гораздо важнее, чем книжная мудрость:

Ounce of discretion is worth a pound of learning [wit for learning]. Ounce of mother-wit is worth a pound of clergy [learning]. Ounce of prudence is worth a pound of gold (English proverbs).

Следует быть благоразумным и осмотрительным:

One can't be too careful (English) : Цыплят по осени считают. Хвали день вечером. Не зная броду, не суйся в воду (Русские).

Следует выбирать меньшее из двух зол:

Лучше хлеб и вода, чем пирог и беда (Русская).

Список таких пословиц, выражающих нормы житейской мудрости, является очень большим. По сути дела, здравый смысл и есть выражение норм житейской мудрости. Такие речения создаются и в наши дни:

Сколько одуванчик не поливай, а огурец из него не вырастет.

Афоризмы в этом плане отличаются от пословиц. В старых афоризмах, впрочем, мы находим безусловное одобрение здравого смысла:

Experience joined with common sense, to mortals is a providence (M. Green).

Известное противопоставление высокоразвитого интеллекта и здравого смысла получает новое освещение, когда к этой оппозиции присоединяется третий компонент:

No brilliance is needed in the law. Nothing but common sense, and relatively clean finger nails (J. Mortimer).

Сравним этот афоризм с известной формулой Ф. Дзержинского: «У чекистов должны быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки».

В афоризмах отмечается, что здравый смысл — явление редкое:

Nothing astonishes men so much as common-sense and plain dealing (R. W. Emerson).

В современных афоризмах мы часто сталкиваемся с высмеиванием здравого смысла, поскольку он либо противоречит этическим нормам, либо тривиален:

It is by the goodness of God that in our country we have those three unspeakably precious things: freedom of speech, freedom of conscience, and the prudence never to practice either of them (M. Twain).

A man of great common sense and good taste — meaning thereby a man without originality or moral courage (G. B. Shaw).

В английской поэзии нонсенс часто оперирует концептом «здравый смысл»:

Mothers of large families, who claim to common sense, will find a Tiger well repay the trouble and expense (H. Belloc).

Резко отрицательное отношение к здравому смыслу прослеживается у английских романтиков:

Prudence is a rich, ugly, old maid courted by Incapacity (W. Blake).

Такое отношение к рассматриваемому концепту очень характерно для русской культуры:

Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман (А.С. Пушкин).

В этой блестящей сентенции четко прослеживается существенное для русской культуры противопоставление двух миров — здешнего, низкого, земного и нездешнего, высокого, подлинного.

Вместе с тем трезвое отношение к действительности акцентируется и в русской культуре. Вспомним эпизод подготовки к дуэли главного героя в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Важно отметить, впрочем, что к доводам здравого смысла прибегает персонаж, рассуждающий с позиций простого народа. Герой попросил старого офицера выступить секундантом и услышал следующий ответ:

— Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело за-

колоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

В приведенном ответе выделяются следующие аргументы: 1) причина для дуэли смехотворна, 2) убивать людей грешно, 3) драться на дуэли опасно, можно погибнуть, 4) в целом дуэль есть глупость. Вся эта аргументация старого поручика была напрасной, но она имела целью изменить систему ценностей в душе молодого офицера, который руководствовался только эмоциями.

Таким образом, мы видим, что базовые ценности, лежащие в основе концепта «здравый смысл», затрагивают как утилитарные, так и моральные нормы поведения. В современном общении подобные нормы часто выражаются косвенно и в шутливой форме.

Резюме

Итак, в качестве основного итога можно констатировать, что сложившиеся стереотипы отношения к здравому смыслу в американской и русской культурах основаны на глубинном выборе позиции субъекта — Деятель либо Созерцатель. Для Деятеля этот концепт гораздо важнее, чем для Созерцателя. Деятель критически оценивает недостаточное проявление здравого смысла, Созерцатель же, признавая необходимость поведения в соответствии со здравым смыслом, критически оценивает чрезмерное проявление этого качества. Принципиально важным является разграничение обыденных и деловых ситуаций, связанных со здравым смыслом. В обыденной жизни здравый смысл наличествует как естественная составляющая поведения, а в деловых ситуациях часто наблюдается отсутствие здравого смысла. Вероятно, в деловых ситуациях принятие решений требует не только здравого смысла, но и мудрости. Мудрым созерцателем быть, конечно же, легче, чем мудрым деятелем.

4 «Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье» — Дискурсивно-прагматическое осмысление мудрости

Понимание текста есть ответ на вопрос, что этот текст значит для меня. Приведем интерпретацию одного из афоризмов: *«Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье»*.

Содержательный минимум этой сентенции сводится к констатации того, что мудрость сопряжена с трезвым отношением к обстоятельствам и жизненным опытом, который включает и горькие переживания, счастье есть состояние высшей радости, обычно оно связано с молодостью и беспечностью, и поэтому человек, пришедший к мудрости и знакомый с превратностями судьбы, может потерять способность быть счастливым.

Интерпретация в информативной тональности есть формулирование личностного смысла. Прямое информативное понимание этой фразы выражено в строке А.С. Пушкина *«Блажен, кто смолоду был молод»*. Способность быть счастливым дана всем людям, но с годами некоторые ее утрачивают. Счастье считается предназначением человека: *«Человек создан для счастья, как птица для полета» (Короленко)*. Счастье есть субъективное и сиюминутное переживание жизни (*Он сейчас так счастлив*), мудрость же представляет собой объективное постоянное качество человека (**Он сейчас так мудр*). Нормальная последовательность жизненных переживаний человека сводится к трем этапам жизни с их важнейшими характеристиками: 1) молодость — беспечность, ошибки, счастье, 2) зрелость — воля, испытания, успех, 3) старость — здравый смысл, утраты, мудрость. Разумеется, эти характеристики условны. Но людям всегда было свойственно задумываться над основными характеристиками возраста. Сравним: *Каждому возрасту свойственны свои пороки, молодости — вожделение, зрелости — ссоры, старости — скупость.* Эта сентенция коррелирует с анализируемой фразой и приведенными выше возрастными характеристиками мужчины. Вожделение в определенной мере связано с наслаждением, толкуемым как счастье, ссоры — с испытаниями и волей, а скупость — с утратами материальных ценностей и завистью, которую старики иногда испытывают к молодым. Мудрость приходит не ко всем. Приведу еще одну сентенцию, имеющую отношение к возрасту: *Отцам приходится всю жизнь переживать из-за своих дочерей, в юности — чтобы не связались с дурными людьми, в зрелости — чтобы не ссорились с мужьями, в старости — чтобы не стали*

колдуньями. В этой фразе также прослеживается связь с вожделением, ссорами и специфически понимаемой мудростью. Автором последней фразы, несомненно, был мужчина. Тема искажения жизненных этапов волновала многих поэтов: «*Я встретил осень, не прожив весны. Все закрома до осени полны. Год подарил мне тяжесть урожая и, обессилев, облетел, как сад, где не восход я видел, а закат. Я был бы рад не знать того, что знаю» (Р. Киплинг).* Мудрость для человека часто связана с непомерной ношей. Такое понимание мудрости восходит к библейским текстам, где говорится о скорби, связанной с многознанием: «*Сердце мудрого — в доме плача, сердце глупого — в доме веселья*». Глупость ассоциируется с молодостью, во всяком случае, молодой глупец имеет шанс поумнеть. Возникает вопрос: почему к некоторым людям мудрость приходит досрочно? Мудрость, в отличие от счастья, не приходит как дар, она связана с усилиями человека, который намеренно ускоряет свой жизненный путь, избегает ошибок, свойственных молодости, и конфликтов, свойственных зрелости, лишает себя права на естественное поведение. Такая преждевременная мудрость приводит к горечи. Подлинная мудрость, однако, основана не на ускоренном прохождении жизненного лабиринта, а на созревании в срок, она оптимистична: «*У всякого глупца хватает глупости для скорби, и лишь мудрец разрывает смехом завесу бытия» (И.Бабель).* Итак, существует подлинная и поспешная мудрость, первая связана с полным прохождением жизни, со всеми ее радостями и горестями, вторая — с ускоренным, конспективным приобретением мудрости, приносящей человеку только страдания.

Интерпретация в фатической тональности есть использование текста как инструмента для обеспечения правильного, красивого или уместного течения беседы. Целый ряд выражений подходит для успешной аргументации, выгодного самопредставления, или для учебных целей. Фатическая интерпретация текста в данном случае — это его инструментальное освоение. На мой взгляд, здесь уместно сравнение с характеристикой слова, фиксируемой в пометах («твань» — диалектное, «бутить» — профессиональное, «чувырла» — просторечное). В газетной статье приводится интервью с популярным актером.

Журналист: «Что Вы хотели бы сказать о Вашей личной жизни? Наши читатели знают, что Ваша жена моложе Вас почти на 30 лет». Актер: «Моя жизнь — это моя жизнь, в ней были и радости, и беды... А Света — я даже и не думал, что у нас что-то получится. Знаете,

ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье. Мне хочется возвращаться вечером домой».

Приведенная сентенция в контексте интервью используется, на мой взгляд, для самопрезентации. Говорящий конструирует себе имидж умудренного опытом человека, невольно или намеренно свидетельствуя о том, что он сам не совсем верит в свое счастье. С аналогичной целью в иной коммуникативной ситуации приводятся пословицы, популярные речения, отрывки из анекдотов. Например, ответственный работник выступает по местному телевидению и говорит: «*Звучат нарекания в адрес областной администрации, люди жалуются, что из-за перекупщиков цены на рынке слишком выросли. Но это — компетенция муниципалитета, мэр города обещал ситуацию исправить. Как говорится, взялся за гуж — не говори, что не дюж».* Ведущий с пониманием улыбается. Местные жители хорошо знают о противостоянии губернатора и мэра города, выступающий не упустил возможности отрицательно охарактеризовать руководителя городской администрации. У некоторых публицистов подобное орнаментальное цитирование известных сентенций является способом создания своего индивидуального стиля.

Фасцинативное осмысление афоризма выражается как оценка: красиво или некрасиво сказано. Например: «*Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье» — «Как хорошо сказано! Кто автор?*». В романе Юрия Полякова «Замыслил я побег...» один из персонажей, заведующий складом ремонтных материалов, любил блеснуть афоризмом в разговоре с деятелями искусства, и результат всегда был ощутим:

«Вообразите: вы артист театра и кино, задумчиво разглядывающий чешскую керамическую плитку, за которую вам предстоит переплатить вдвое, а сидящий за конторским столом златозубый мужичок в телогрейке, поигрывая складным метром, вдруг невзначай бросает:

— Прав, прав был чертяка Анатоль Франс! У художника два смертельных врага — вдохновение без мастерства и мастерство без вдохновения...

И вы, потрясенный артист театра и кино, пришедший за дефицитами, тут же приглашаете странного мужичка на свою премьеру».

Со стороны персонажа это — желание самоутвердиться в недоступной для него сфере, со стороны артиста — фасцинативная реакция на мудрое глубокое изречение. Интерпретация в фасцинативном ключе может быть и отрицательно-оценочной. Например: «*Как*

сказал поэт, В напрасных поисках за ней я исходил земные тропы...» — «Не исходил, а исследил, и звали поэта Максимилиан Волошин». Говорящий поправляет собеседника, неверно процитировавшего стихотворение.

Интерпретация в шутливом ключе представляет собой создание комической ситуации на базе любого материала. Часто комический эффект возникает при состыковке разностилевого материала, высокого и низкого. Например, критически оценивая заявление одного из депутатов о том, что тот готов нагим выйти на площадь, если обстоятельства того потребуют, известный поэт Д.А. Пригов замечает: «*Это — крик души посредством обнаженного тела*». Комический эффект строится на ряде пресуппозиций (депутат должен вести себя достойно и сдержанно; выйти нагим на площадь — экстравагантность; фигура депутата вряд ли соответствует канонам красоты и др.). В наши дни весьма распространены виртуальные романы, которые завязываются и порой долго существуют в Интернет-переписке. Люди общаются с неизвестными им партнерами, часто детально раскрывают свою душу (подобным образом бывают очень откровенны случайные попутчики в купе поезда, знающие, что больше никогда не встретятся). Но иногда виртуальным коммуникантам хочется выйти за рамки своего условного общения и встретиться, как они говорят, «в реале», в действительности. В ряде случаев встреча в реальном мире подтверждает их ожидания, большей частью же они бывают разочарованы. Представим себе ситуацию, когда в кафе или на остановке троллейбуса должны встретиться двое, которые уже давно пришли заранее, замаскировались в тени и с огорчением отмечают, что человек, с которым хотелось познакомиться, неприятен внешне. Каждый из них допускает такую возможность, и старается прокомментировать ее в шутливом ключе. Здесь уместна приведенная выше сентенция: *Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье*. Мудрость в данном контексте понимается как прозрение. В компьютерной переписке каждый имеет право использовать после письма некий девиз, служащий для создания имиджа. Иногда эти девизы служат своеобразными эмоциональными указателями, ключами для интерпретации любой, самой серьезной информации. Например: «*Все обломалось в доме Смешальских*». Перед нами шутливая модификация известной, ключевой фразы из романа Л.Н. Толстого «*Все смешалось в доме Облонских*». В обиходном диалоге муж, желая сделать комплимент своей жене, согласившейся с ним, говорит: *“Great*

people think alike" (Великие люди мыслят сходно). Его жена отвечает: *"Fools seldom differ" (Дураки редко отличаются друг от друга).* Такая игра на понижение приводит к комическому эффекту.

Интерпретация в идеологическом ключе есть позиционирование: свои и чужие, это поиск враждебных прямых и косвенных смыслов и активная, иногда почти маниакально выраженная интенция объяснять текст или коммуникативное поведение кого-либо, используя заранее заготовленные выводы. Так, с позиций революционного романтизма счастье заключается в борьбе за лучшее будущее человечества, а мудрость представляет собой идеал убогих приспособленцев, стремящихся к покою и благополучию. Отмечу, что такое отношение к мудрости выражено в русской литературе достаточно ясно (Премудрый пескарь у М.Е. Салтыкова-Щедрина). Эта оппозиция сформулирована в известной поэме М. Горького «Песня о соколе»: «*Рожденный ползать летать не может*». Сравним: *Не кляните, мудрые. Что вам до меня? Я ведь только облачко, полное огня. Я ведь только облачко. Видите: плыву. И зову мечтателей... Вас я не зову! (К. Бальмонт).* Соответственно, сентенцию «Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье» в идеологическом ключе можно трактовать как осуждение мещанской мудрости.

Идеологический ключ может полярно изменять смысл высказывания. Так, известное изречение М. Горького «*Если враг не сдается, его уничтожают*» понималось во время Великой отечественной войны как призыв уничтожать врагов. Однако вдумаемся: прямое толкование этой фразы включает условие — врага следует уничтожать, если он не сдается. В Евангелии есть одно место, которое трудно согласуется с общепринятыми нормами поведения. К Иисусу пришел ученик с просьбой отпустить его, чтобы похоронить умершего родителя. Спаситель не разрешил ему уйти, сказав: «*Иди за мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов*» (Матф., 8:22). Обычно цитируется речение «*Пусть мертвые хоронят своих мертвецов*». Эта парадоксальная фраза резко противоречит заповеди из Декалога «Чти отца своего и мать свою». Интерпретация этого ответа в информативной тональности характеризует Христа как бессердечного человека. Но в идеологическом ключе под мертвыми понимаются люди, придерживающиеся старых норм поведения, не принявшие нового вероучения. Дело уверовавших — нести свет нового откровения, все остальное не заслуживает внимания. Идеологическая интерпретация текста предполагает в определенной мере произволь-

ное его толкование. Соответственно, возвращение к содержательному минимуму высказывания есть деидеологизация текста. В 70-е годы двадцатого века на улицах многих советских городов красовался большой плакат с изображением Л.И. Брежнева и надписью: «*Советские люди знают: там, где Партия, там успех, там победа!*». Этот лозунг выражал кредо конформизма со скрытой угрозой: пойдешь против Партии — потерпишь поражение. Интересно отметить, что абсолютизация успеха характерна для англоязычной культуры, там резко отрицательно относятся к неудачникам, этикетка «loser» является знаком неприкасаемых. В России, как известно, неудачников жалеют. В русской культуре успех всегда соотносился с той ценой, которую пришлось за него заплатить. Характерен афоризм: *Победы — истины подлецов*. По сути дела, лозунг, призывавший людей идти за Партией потому, что это безопасно и выгодно, был аморален, с точки зрения критиков господствующей идеологии. Идеологическая тональность в силу априорного оправдания определенной позиции прагматична. Во время войны во Вьетнаме многие американцы протестовали против этой грязной войны, но нашлись и защитники правительства, выступавшие под лозунгом: «*Rightorwrong, it'smycountry*» — «*Права она или нет, это моя страна*». Идеологическое позиционирование в данном случае означает поддержку своей администрации, что бы она ни делала. Замечу, что такая позиция подвергается критике в США, американский писатель Уильям Дин Гоуэлс иронически заметил: «*Как хорошо, что твоя страна всегда права, и даже когда не права, то все равно права!*». В этой связи приведем афоризм: «*Победителей не судят. А зря!*». В первой части содержится известная сентенция о том, что при успешном результате не принято обсуждать средства достижения успеха. Вторая часть афоризма показывает недвусмысленное отрицание этой позиции. Подобные двухчастные афоризмы представляют собой контраст позиций, обычно их первая часть хорошо всем известна и используется как поучение, как констатация правильности определенного положения дел, как подтверждение власти. Вторая часть критически отрицает первую. Критическая интерпретация является, на мой взгляд, разновидностью идеологической.

Интерпретация в эзотерической тональности, подобно идеологической, направлена на поиск невыраженного смысла, но, в отличие от нее, не предполагает заранее заданного результата. Эзотерическое толкование — это поиск таких тайных смыслов, которые могут быть

условно связаны с общеизвестным значением слов. В известной мере такие тексты парольны, они не поддаются рациональному толкованию с опорой на исходные значения и прямые ассоциативные переносы. Вместе с тем в том или ином высказывании не все слова допускают эзотерическое толкование. Применительно к сентенции «*Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье*» открытые смыслы концентрируются в диаде «мудрость» — «счастье». Например, «мудрость» может означать земную жизнь, право на влияние на судьбы других людей, переход в иное состояние сознания и т.д., а «счастье» — единство с Творцом, полное растворение, рождение и т.д. Эзотерическая интерпретация представляет собой своеобразную смысловую магму в рамках той или иной школы. Смыслы всех слов переходят друг в друга. Эзотерические знаки предназначены для конкретного адресата в конкретной ситуации, они уникальны. В эзотерических школах ставится задача отучить человека от привычной жесткой ориентации в рамках обиходного или научного сознания, человек должен выйти на уровень континуального сознания. Смысл того или иного текста должен приходить к человеку как озарение, а дискурсивное логическое рассуждение отменяется.

5 Мудрость и юмор

Юмор как признак лингвокультурного типажа *мудрец*

Самые известные мудрецы из фэнтази-литературы, успешно экранизированной во второй половине XX века, — волшебники Гэндальф в книгах *Хоббит*, *Властелин колец*, Альбус Персиваль Вулфрика Брайан Дамблдор и Гарри Поттер в поттериане и Гранд-мастер Ордена джедаев Йода в *Звездных войнах* — являются не только могущественными, но и юмористическими персонажами. В развитии сюжетной линии этих персонажей дети играют важную роль: Дамблдор — учитель и директор школы, мастер Йода дает указания будущим рыцарям-джедаям, а Гэндальф организует фейерверк для детей в Хоббингене в начале *Властелина колец*.

Их юмор напрямую связан с языком. Именно он делает наших персонажей мудрецами и очень своеобразными людьми. Это сплетение языка и юмора: языковая игра, комические штрихи к условно-

стям языка, особенный взгляд на язык и даже оригинальная манера разговора.

В свое первое появление в *Хоббите* Гэндальф нарочито играет с семантикой вежливых фраз и приветственных ритуалов, чтобы «вырвать» хоббита Бильбо Бэггинса из комфортной рутины и подготовить его к главным приключениям своей жизни.

> "Good Morning!" said Bilbo, and he meant it. The sun was shining, and the grass was very green. But Gandalf looked at him from under long bushy eyebrows that stuck out further than the brim of his shady hat.
>
> "What do you mean?" he said. "Do you wish me a good morning, or mean that it is a good morning whether I want it or not; or that you feel good this morning; or that it is a morning to be good on?"
>
> "All of them at once," said Bilbo. "And a very fine morning for a pipe of tobacco out of doors, into the bargain.[...]" [...]
>
> "Good morning!" he said at last. "We don't want any adventures here, thank you! You might try over The Hill or across The Water." By this he meant that the conversation was at an end.
>
> "What a lot of things you do use Good morning for!" said Gandalf. "Now you mean that you want to get rid of me, and that it won't be good till I move off."
>
> (J.R.R. Tolkien, The Hobbit)

> — Доброе утро! — произнес Бильбо, желая сказать именно то, что утро доброе: солнце ярко сияло и трава зеленела. Но Гэндальф метнул на него острый взгляд из-под густых косматых бровей.
>
> — Что вы хотите этим сказать? — спросил он. — Просто желаете мне доброго утра? Или утверждаете, что утро сегодня доброе — неважно, что я о нем думаю? Или имеете в виду, что нынешним утром все должны быть добрыми?
>
> — И то, и другое, и третье, — ответил Бильбо. — И еще — что в такое дивное утро отлично выкурить трубочку на воздухе. [...]
>
> — Доброго утра вам! — произнес он наконец. — Мы тут в приключениях не нуждаемся, благодарствуйте! Поищите компаньонов За Холмом или По Ту Сторону Реки.
>
> Он хотел дать понять, что разговор окончен.
>
> — Для чего только не служит вам «доброе утро», — сказал Гэндальф. — Вот теперь оно означает, что мне пора убираться.
>
> (Дж.Р.Р. Толкин, Хоббит — пер. А.А.Грузберг)

Альбус Дамблдор Дж. К. Роулинг играет с языковыми и коммуникативными абсурдами. В сцене с учениками Хогвартса по поводу начала нового учебного года, когда Альбус Дамблдор впервые появляется на страницах романа «Гарри Поттер и Философский камень»,

он произносит фразу «сказать несколько слов» в буквальном смысле, но, иронизируя над ожиданием учеников традиционного приветствия, эффектно выдает бессмыслицу.

> Albus Dumbledore had gotten to his feet. He was beaming at the students, his arms opened wide, as if nothing could have pleased him more than to see them all there.
>
> "Welcome!" he said. "Welcome to a new year at Hogwarts! Before we begin our banquet, I would like to say a few words. And here they are: Nitwit! Blubber! Oddment! Tweak!"
>
> "Thank you!"
>
> He sat back down. Everybody clapped and cheered. Harry didn't know whether to laugh or not.
>
> "Is he — a bit mad?" he asked Percy uncertainly.
>
> "Mad?" said Percy airily. "He's a genius! Best wizard in the world! But he is a bit mad, yes. Potatoes, Harry?"
>
> (J.K. Rowling, Harry Potter and the Philosopher's Stone)

> Альбус Дамблдор поднялся со своего трона и широко развел руки. На его лице играла лучезарная улыбка. У него был такой вид, словно ничто в мире не может порадовать его больше, чем сидящие перед ним ученики его школы.
>
> — Добро пожаловать! — произнес он. — Добро пожаловать в Хогвартс! Прежде чем мы начнем наш банкет, я хотел бы сказать несколько слов. Вот эти слова: Олух! Пузырь! Остаток! Уловка! Все, всем спасибо!
>
> Дамблдор сел на свое место. Зал разразила радостный криками и аплодисментами. Гарри сидел и не знал, смеяться ему или нет.
>
> — Он... он немного ненормальный? — неуверенно спросил Гарри, обращаясь к сидевшему слева от него Перси.
>
> — Ненормальный? — рассеянно переспросил Перси, но тут же спохватился. — Он гений! Лучший волшебник в мире! Но, в общем, ты прав, он немного сумасшедший. Как насчет жареной картошки, Гарри?
>
> (Дж.К.Ролинг, Гарри Поттер и философский камень — пер. И.В. Органский)

Использование в тексте четырех слов, звучащих в русском переводе как *Олух! Пузырь! Остаток! Уловка!*, бессмысленно с точки зрения логики, но они, казалось бы, осмыслены с точки зрения символической системы романа. Может быть, слов именно четыре, потому что в Хогвартсе четыре факультета – Когтевран, Гриффиндор, Слизерен, Пуффендуй. На что намекают эти странные слова Альбуса Дамблдора, можно только догадываться. Возможно, они являются своеобразной характеристикой факультетов или выражают мнение учеников друг о друге, но с такой же долей вероятности они могут

означать что-то другое или вообще ничего не означать. (ср. https://www.livelib.ru/review/868537-harry-potter-and-the-sorcerers-stone-j-k-rowling). Интеллектуальная игра с ерундой и юмористические головоломки являются частью мудрости.

Мастер Йода — забавный персонаж. Большие руки и большие уши, карликовая округлая форма — атрибуты смешного героя из комиксов. В его лице почти детские черты сочетаются с мимическими морщинами старика. Но лицо не кажется пугающим, напротив, оно кажется очень милым. Особенно бросается в глаза его своеобразная манера говорения, характеризующийся последовательными инверсиями, которые в переводе, к сожалению, нередко теряются.

> "Nothing more will I teach you today."
> "Size matters not."
> "Much to learn you still have."

> «На сегодня урок окончен.»
> «Не важен размер.»
> «Многому тебе еще нужно учиться.»

Манера говорить как Йода настолько популярна и привлекательна, что ее часто повторяют или имитируют. В интернете предлагаются генераторы, которые преобразуют обычные предложения в "Yoda-Speak", например: http://www.yodaspeak.co.uk/index.php.

Язык Йоды грамматически неправилен, но в своем роде мудрый. Такое сращение неправильности формы и мудрости смысла достигается просто: самое главное, так называемый фокус высказывания, всегда закреплен в начале. Это можно продемонстрировать следующим коротким диалогом между Люком Скайуокером и Йодой, в котором Йода ставит решающее слово *время* в начало:

> Luke "Skywalker: So it is time for the Jedi Order to end."
> Yoda: "Time it is for you to look past a pile of old books, hmm?"

> Люк: «Пришло время заката Ордена Джедаев.»
> Йода: «Время пришло. Хмммм... Тебе оставить в прошлом идеи из затертых книг.»

Юмор как мудрость и как качество мудрого человека способствовал распространению в истории культуры очень разных типов коммуникативной личности: популярного шутника и балагура, интеллектуального ирониста, комика, шута. В немецкоязычном мире Тиль Эйленшпигель (или Уленшпигель), народный герой позднего Средневековья, известен и сегодня. Истории о нем восходят к XIII веку. Первое книжное издание было опубликовано в 1510 г. В шутов-

ском колпаке Эйленшпигель бродит по маленьким городкам и деревням, с жителями которых он разыгрывает иногда довольно злые шутки, иронизируя над их человеческими слабостями. Сова и зеркало, которые он носит не только в своем имени, но и в руках в качестве атрибутов на рисунках того времени, сочетают в себе символику мудрости (сова) и функцию разоблачения, выраженную в немецком языке пословицей «держать зеркало перед людьми» — „den Menschen den Spiegel vorhalten“. В этом контексте можно вспомнить яркую русскую поговорку про зеркало: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива».

В XVIII веке популярные афоризмы ученого-физика и сатирика эпохи Просвещения Георга Кристофа Лихтенберга (нем. Georg Christoph Lichtenberg, 1742–1799) были ироничной формой мудрости эпохи Просвещения. Их коллекции в обширных тетрадях занимают тысячи печатных страниц. Вот лишь несколько примеров в русском переводе со страницы *https://citaty.info/man/georg-kristof-lihtenberg* (доступ: 18.07.2021):

> Характер человека никогда нельзя понять вернее, чем по той шутке, на которую он обижается.
>
> Причина того, что люди так мало запоминают прочитанное, заключается в том, что они слишком мало думают сами.
>
> Ничто так не способствует душевному спокойствию, как полное отсутствие собственного мнения.
>
> Люди, которым всегда некогда, обыкновенно ничего не делают.
>
> Книга — это зеркало. И если в него смотрится обезьяна, то из него не может выглянуть лик апостола.

В XX веке, с появлением новых форм развлечений и средств массовой информации, таких как театр эстрады, радио и кино, сложилась новая актерская профессия, связанная с юмором, — комик. Знаменитые комики, такие как Чарли Чаплин, также принимали на себя роль современного мудреца в шутовском костюме. В Германии с межвоенного периода до окончания Второй мировой войны самым известным мудрецом-юмористом был Карл Валентин (Фалентин, нем. Karl Valentin, 1882–1948) из Мюнхена, чьи высказывания, диалоги и миниатюры получили широкое распространение, особенно по радио. Многие из них цитируются и сегодня: см. следующие две цитаты в русском переводе со страницы *https://newfraza.ru/avtori/valentin-k* (получено 18.07.2021):

> Раньше и будущее было лучше.

Все уже было сказано раньше, но не всеми.

Из недавнего прошлого, второй половины XX века, следует упомянуть юмористического телеведущего и комика, кинорежиссера и карикатуриста Вико фон Бюлова (нем. Vicco von Bülow, 1923–2011), который прославился под псевдонимом Лорио. Его небольшие фильмы-зарисовки в серии *Лорио* в 1970-х годах до сих пор являются прецедентными текстами в современной немецкой культуре. Лорио, который говорил о себе «Смех надо мной — это смех узнавания», также относится к типу мудреца-комика, который, однако, уже не пользовался только словами, а мультимодально в карикатурах и фильмах иронизировал над человеческими слабостями и особенно над современной жизнью: ср. известную цитату в русском переводе на сайте *https://ru.citaty.net/avtory/lorio/* (доступ: 18.07.2021) :

Из всех живых существ лишь человек в полете имеет возможность есть горячие блюда.

Самый любимый сказочный образ у русского народа — дурак — уходит своими корнями в далекую древность. Этого самого распространенного героя русских сказок, само собой, мудрецом считать нельзя. Но рассказы о его судьбе включают в себе мудрый смысл. Неприглядно представленный в начале сказок дурак всегда претерпевает чудесные превращения в результате нестандартных поступков, которые противоречат здравому смыслу.

Из XX века можно предложить как источники мудрости некоторые популярные фильмы, в том числе *Ирония судьбы, или С легким паром* 1975 года и *Служебный роман* 1977 года. Особый интерес представляет собой образ Жени Лукашина из *Иронии судьбы*, советского интеллигента, удивительно неуклюжего. Его диалоги испещрены мудрыми цитатами:

— Такие, как Вы, всегда правы, во всем, потому что живете как положено, как предписано, но в этом и Ваша слабость — Вы не способны на безумство, великое Вам не по плечу, а жизнь нельзя подогнать под вымеренную схему.

— Да, я хирург. Мне часто приходится делать людям больно, чтобы потом им жилось хорошо.

— У меня такое ощущение, что за эту ночь мы прожили целую жизнь...

«Надо уметь сдерживать свои чувства...» — «Зачем? Не слишком ли часто мы в жизни сдерживаемся?»

— У нас иметь собственное мнение особенно трудно. А вдруг оно ошибочное?

«Ошибки врачей дорого обходятся людям». — «Да. Ошибки учителей менее заметны, но в конечном счете они обходятся не менее дорого».

Герой фильма *Служебный роман* Анатолий Ефремович Новосельцев, тихий и ироничный интеллигент, также говорит своеобразными сентенциями:

«Мы Вас любим. Где-то в глубине души, где-то очень глубоко».

«Ничего не скажешь, вы настоящий современный мужчина!» — «Какое вы право имеете меня так оскорблять?!»

«Это директор нашего учреждения Людмила Прокофьевна Калугина. Она знает дело, которым руководит. Такое тоже бывает».

Нельзя не сказать о Михаиле Михайловиче Жванецком, известном писателе-сатирике. У него тоже был своеобразный мудрый юмор:

Жизнь коротка. И надо уметь. Надо уметь уходить с плохого фильма. Бросать плохую книгу. Уходить от плохого человека. Их много.

Это все теория: красный свет, зеленый свет, а пока тебя не переедет, пока грузовик на себе не почувствуешь — никому не поверишь.

В историю трудно войти, но легко вляпаться.

Резюме

Юмор играет большую роль в мудрости. Он характерен для лингвистического типажа мудреца как в прошлом, так и в настоящем. Юмор можно считать мудрым взглядом на мир и жизнь в том числе собственную. Мудрый юмор часто отличается тонким знанием языка. Известные мудрецы-юмористы любят языковые игры и нередко иронизируют над коммуникативными привычками.

Мудрые назидания
в иронических пословичных инсценировках

В словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа» выделяется группа высказываний, представляющих собой разыгрываемую сценку:

Медведя поймал! — Веди сюда! — Да нейдет! — Так сам иди! — Да не пускает!

Подобные высказывания — это не повествование о чем-либо, а прямое презентационное действие, подобное театральному пред-

ставлению. Их можно терминологически обозначить как пословичные инсценировки. Составитель словаря не случайно включил такие миниатюры в состав паремиологического корпуса — они в концентрированном виде выражают определенный жизненный опыт, заслуживающий осмысления, содержат очевидную норму поведения (обычно осуждаемого), экспрессивны и хорошо запоминаются. Данные инсценировки являются разновидностью коммуникативной фиксации ценностно маркированных (точнее — ценностно порождающих, или аксиогенных) ситуаций (Карасик, 2014), наряду с легендами, притчами, афоризмами, анекдотами и рассказами о заслуживающих внимания событиях.

Инсценировка как коммуникативный поступок, насколько мне известно, не была предметом специального лингвистического анализа, но презентационное действие охарактеризовано в работах И. Гофмана (2000) и Ю. Хабермаса (Habermas, 1984), а специфике презентационного дискурса посвящено исследование А.В. Олянича (2007). Лингвистически значимая суть презентационного действия состоит в его противопоставлении повествованию о чем-либо (по Платону это — мимесис и диегесис, в терминах В.И. Тюпы — дискурс драматурга и теоретика) (Тюпа, 2010). Одну и ту же аксиогенную идею можно выразить в виде сентенции, притчи, развернутого нарратива либо драматургически построенного диалога. Диалог оказывает наибольшее воздействие на адресата, активизирует его интеллектуальные и эмоциональные реакции, направив их по нужному для говорящего пути (Кухаренко, 2002, с. 92). Обратимся к описанию таких диалогов (в ряде случаев усеченных до одной реплики).

В структурном отношении пословичные инсценировки представлены несколькими типами. Выделяются диалоги, включающие несколько реплик:

Собака, чего лаешь? — Волков пугаю. — Собака, чего хвост поджала? — Волков боюсь.

Существуют нарративы с речью определенного персонажа, при этом кульминация состоит именно в прямой речи:

Сама мышь залезла в кувшин, а кричит: «Пусти!»

Подобного рода речения весьма распространены в пословицах разных народов:

Утопая, муха говорила: «Пусть вода зальёт весь мир!» (Ассир.).

Заслуживают внимания отдельные реплики, представляющие собой шутливые комментарии:

Нешто я у бога телёнка украл, что меня все обходят?

Как и другие автосемантические высказывания, являющиеся своеобразными инкрустациями в тексте, инсценировки требуют неких вводных образований, выраженных вербально либо мимически, например, «*как говорят*». Эти речения выделяются голосом так, чтобы адресат сразу же понял, что перед ним разыгрываемая сценка. Известно, что в диалектной речи часто используются звукоподражания, имитирующие чью-либо манеру говорить. Это же относится и к звукам, издаваемым животными:

Свиньи хрю, и поросята хрю.

Пословичный смысл подобных речений выражается и в более стандартной форме:

Куда конь с копытом, туда и рак с клешнёй.

Налицо параллелизм поведения больших и маленьких персонажей, при этом ситуация оценивается как занятная.

В семантическом плане важнейшей характеристикой подобных речений является их парадоксальность:

Да, это дело нехорошее... А дай-ка попробуем.

Намеренный алогизм вызывает улыбку и хорошо запоминается. Таковы, например, известные реплики бывшего российского председателя правительства В.М. Черномырдина:

«Такого еще никогда не было и вот опять случилось».

Семантически подобные инсценировки представляют собой имитацию речи двух персонажей, при этом первый задает высокий стилевой регистр, а второй его резко понижает:

Вечный мир — до первой драки.

Рассматриваемые речения часто представляют собой оппозитивные образования:

Что весел? — Да женюсь. — А что головушку повесил? — Да женился.

В приведенном примере контраст поддержан рифмой (*весел — головушку повесил*).

Контраст в инсценировке учит слушателей принимать многообразие мира:

Долго ль до вечера? — кричала квакушка. — Долго ль до зореньки? — тосковал соловушек.

Симпатии говорящего в этом тексте явно на стороне соловья.

В ряде случаев ключевая реплика является заведомо абсурдной:

Дай молочка! – Погоди, ещё не подоили бычка.

Отрицательный ответ выражен в форме насмешки.

Подобные диалоги бывают построены на эффекте неожиданного завершения:

Федул, что губы надул? — Да кафтан прожег. — Зачинить можно. — Да иглы нет. — А велика дыра? — Да один ворот остался.

Обратим внимание на комичное преуменьшение результата (кафтан прожег — фактически полностью его сжег).

Фольклорные речения характеризуются намеренным снижением стиля:

Не к роже платочек, утрись рукавичкой!

Обратим внимание на диминутивные формы слов «*платочек*» и «*рукавичка*», говорящий иронически характеризует девушку, которая, по-видимому, претендует на статус человека из более высокого социального круга.

В пословичных инсценировках осуждаются те, кто вызывает зависть:

Наша Дунька не брезгунька, жрет и мед.

Намеренное снижение стиля усилено рифмами.

Типичным приемом создания комического эффекта в пословичной инсценировке является демонстрация очевидности:

Ныне люди таковы: унеси что с чужого двора — вором назовут.

В подобных речениях мы сталкиваемся с раздвоением оценочного субъекта, который произносит трюизм и при этом пародирует сам себя. Подобные способы игрового речевого поведения распространены в устном непринужденном общении.

В прагматическом аспекте пословичные инсценировки характеризуют поведение определенных персонажей универсальной человеческой комедии.

Противопоставляются хитрец и простак:

Выпьем? — Выпьем. — А деньги где? — А шапка-то у тебя на что?

Инициатор общения разыгрывает манипулятивный сюжет, пытаясь получить выгоду от партнера, но адресат разгадывает эту стратегию.

Выделяются обычный человек и неумеха, ведущий себя нелепо (налицо аналогия с Пьеро из комедии дель арте) :

Окуля, что шьешь не оттуля? — А я, матушка, еще пороть буду.

Обыгрывается диалог матери и дочери, при этом дочь делает заведомо напрасную работу, и это вызывает смех.

Типичным является амплуа неумелого обманщика, которого выводят на чистую воду:

Кто съел пирог? — Не я. — А кому дать ещё? — Мне.

Осуждаются глупцы:

Воду толчешь? — Толку. — А пыль идет? — Нет. — Толки еще.

В данном случае прослеживается аллюзия к устойчивому сочетанию «*толочь воду в ступе*» — заниматься бессмысленным делом (в свое время это было наказанием в монастырях).

В пословичных инсценировках высмеиваются те, кто хочет воспользоваться чужим трудом:

Иван, скажи моей лошади тпру! — А сам что ж? — Губы замёрзли.

Интересно отметить, что причинно-следственные отношения в подобных сюжетах могут неожиданно меняться:

Иван, зануздай мою кобылу! — А ты что ж? — Да, вишь, ломоть в руках. — Ну, положи в шапку. — Да не лезет.

В этом диалоге высмеивается не только стремление воспользоваться чужим трудом, но и жадность.

В пословицах резко критикуются обманщики:

Говорит, слеп, а в избе печь нащупал.

Обратим внимание на то, что резко осуждается стремление обманом вызвать к себе сочувствие и жалость.

Отрицательной оценке подвергается скупость:

Разорился парень бедный: купил девке перстень медный.

Медный перстень стоит дёшево и поэтому его покупка не может привести к разорению.

Осуждается ханжество:

Пойдем в церковь! — Грязно. — Ну, так в кабак! — Уж разве как-нибудь под забором пройти.

Невозможно пролезть под забором и не испачкаться, но для ханжи это уже не важно.

Осуждаются умники, которых пытаются поставить на место бессмысленным ответом:

Отчего ты так глуп? — У нас вода такая.

Это речение можно проинтерпретировать и как иллюстрацию действительно полной глупости.

Заслуживает внимания противопоставление труда и досуга в паремиях:

Что мне соха — была б балалайка.

Эту фразу можно трактовать в разных смыслах, но представляется, что она используется в основном для осуждения тех, кто не хочет пахать.

В пословичных инсценировках прослеживается модель «лучше А, чем Б», при этом участникам общения ясно, что первое хуже второго. Перед нами фольклорный прием доведения до абсурда:

Лень, отвори дверь, сгоришь! — Хоть сгорю, да не отворю.

Осуждается лентяй, лежащий на печи и начинающий уже дымиться, но не желающий пошевельнуть рукой и спасти себя.

Сравним:

Пусть лучше брюхо лопнет, чем добро пропадет!

Обжорство, как лень и упрямство, приносит больший вред самому человеку, чем окружающим.

Интересно отметить, что партнер, реагирующий на инициальную реплику, иногда поддерживает собеседника и тем самым самокритично признает свои ошибки:

Что делали? — Ждали. — А что выждали? — Жданки.

Окказиональное слово «*жданки*» является оценочно маркированным и выражает напрасное ожидание чего-либо.

В таких речениях фигурируют типажи, с которыми ассоциируются заведомо осуждаемые нормы поведения:

Краденая кобыла не в пример дешевле купленной обойдется (сказал цыган).

Считалось, что цыгане занимаются конокрадством. Сравнение краденого и купленного выглядит комично.

Типичным приемом создания комического эффекта является передразнивание:

Сырого не ем, жареного не хочу, вареного терпеть не могу.

Так говорят о людях, которым не угодишь.

Несовпадение желаний — типичная причина для пословичной инсценировки:

Хорошо ты поешь (или: играешь), да мне плясать неохота.

Интересны речения, в которых диалектически уравновешиваются противоречивые позиции людей:

Ты, матушка, грози; а ты, девушка, гуляй!

Обратим внимание на самокритику в пословичных инсценировках:

Поглядел дурак на дурака, да и плюнул: эка-де невидаль.

Оценка в пословичной инсценировке является точной и запоминающейся:

Либо старо-уродливое, либо молодо-спесивое, либо в ровню упрямчивое.

Высмеивается чересчур разборчивая девица, отвергающая все варианты сватовства.

В ряде случаев игровой эффект инсценировки становится доминирующим:

Служба, не видал ли тут теленочка? — А какой он был? — Рыженький, с обрывком на шее. — А один бок потертый? — Да, да, он и есть! — Нет, не видал.

Солдат (слово «служба» является в этом речении эквивалентом обозначения «служивый») имитирует непонимание. Наигранная простота часто используется в фольклорных диалогах как способ высмеять умников.

Пословичные инсценировки обнаруживают широкую вариативность в плане их дидактического посыла. Выделяются диалоги с явно выраженной дидактичностью:

Тит, поди молотить! — Брюхо болит. — Тит, поди кисель есть. — А где моя большая ложка?

Осуждается любая форма нахлебничества и иждивенчества, и это вполне объяснимо для крестьянского быта.

Сравним:

Чай ты устал, на мне сидя?

Не менее категорично критикуется безосновательная отрицательная оценка:

Пришла свинья к коню, говорит: и ноги-де кривы, и шесть нехороша.

Подчеркивается не только условность оценки, но и стремление того, кто заведомо хуже, чем объект его критики, устанавливать свои нормы.

В инсценировках выражена резко отрицательная оценка неподобающего поведения. Так, саркастически характеризуется тот, кто должен довольствоваться хоть чем-либо, но пытается капризничать:

Дали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены не ладно».

Обратим внимание на аллитерацию и рифму в этом тексте (*голодной — Маланье — оладьи — не ладно*).

Осуждается неумение сдерживать свои чувства:

Я хочу! — Ну, хоти, поколе не расхочешь.

Идея насмешки над необоснованным либо неправильно выраженным желанием сформулирована в распространенной ответной реплике родителей:

Хотеть не вредно.

Обратим внимание на рифмованный вариант подобного ответа:

Мне хочется! — А мне хохочется.

Существуют и принципиально недидактичные инсценировки, служащие только игровой цели и сближающиеся в этом смысле с пустоговорками:

Я ли не молодец? У меня ли дети не воры?

Пьем, людей бьем; как не живем?

Подобные фразы настраивают общение на шутливый лад и являются своеобразными камертонами искренней дружеской коммуникации.

Интересно межъязыковое сопоставление пословичных инсценировок в разных лингвокультурах:

А где тот хлеб, что вчера съели?

Сравним:

Mais où sont les neiges d'antan ? (F.Villon) — Но где же прошлогодний снег?

Одна и та же идея может быть выражена в виде паремии и индивидуально-авторского текста (хотя следует отметить, что в балладе Ф. Вийона доминирует элегическая тональность, а в русской пословичной сентенции — ироническая).

Сравним осуждение ничегонеделания в русской и английской лингвокультурах:

Ты что делаешь? — Ничего. — А ты что? — Да я ему помощник.

If you have nothing to do don't do it here. — Если Вам нечего делать, не занимайтесь этим здесь.

Английская фраза выражает эту идею в виде совета, русская — в виде инсценировки.

Отметим, что в списке английских паремий инсценировки фактически отсутствуют, если не считать риторических вопросов:

Why keep a dog and bark yourself? — Зачем держать собаку и самому лаять? (Зачем держать слуг, за которых приходится работать?).

Составители немецких словарей пословиц приводят известное речение, соответствующее классу пословичных инсценировок:

Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute. — Завтра, завтра, не сегодня, все лентяи говорят.

Существуют пословицы, совпадающие или почти совпадающие в разных языках и весьма специфичные, свойственные какой-либо одной лингвокультуре. Пословичные инсценировки отличаются своеобразием, но среди них попадаются тексты, которые своеобразно выражают известные идеи. Например:

Невеста не умела плясать и сказала: «Пол кривой!» (Перс.).

Это речение соотносится с притчей о лисе и винограде: не сумев допрыгнуть до гроздьев, лиса заявила, что виноград еще зелен.

Интересны украинские пословичные инсценировки:

Якщо б не мій дурень, так і я б сміявся. — Если бы не мой дурак, так и я бы смеялся.

Превентивная самоирония говорящего лишает его собеседников возможности сделать ему замечание.

Осуждаются жадные:

Заліз кіт на сало та й кричить: «Мені мало!» — Влез кот на сало и кричит: «Мне мало!».

Необоснованные притязания часто сопряжены с чрезмерными запросами. Вместе с тем заметим, что один и тот же образ (в частности кошка и сало) может получить различную оценочную интерпретацию. Сравним:

Чует кошка, чьё сало съела.

В данном случае (в формате сентенционального описания) высмеивается страх напроказившего отвечать за свои поступки.

Актуальной для осмысления является идея несправедливого суда:

«Чия справа?» — «Війтова!» — «А хто судить?» — «Війт!» — «Чьё дело?» — «Войтово!» — «А кто судит?» — «Войт!».

Иронически осмыслена ситуация, когда представитель власти в судебном порядке рассматривает свое собственное дело (войт — выборное или назначенное должностное лицо в средневековых городах Польши, Украины, Белоруссии; староста в украинском селе).

Заслуживает внимания горькая ирония, выраженная в следующем тексте:

Мужа на виселицу ведут, а жена ему говорит: «На обратном пути купи мне розовую юбку» (Перс.).

Здесь речь идет об эгоизме, выходящем за любые мыслимые рамки. Есть люди, которые не способны видеть, что происходит с их близкими.

Пессимистична оценка людей в следующей пословичной инсценировке:

У одного горит борода, а другой кричит: «Постой, дай мне руки погреть!» (Арм.).

Идея о том, что всегда найдутся желающие извлечь выгоду из неприятностей соседа, не нова. В пословице найден яркий символический образ для этой идеи.

Интересны паремические образования, характеризующие определенные типы людей:

Осла пригласили на свадьбу, он сказал: «Наверно, нужно воду таскать» (Арм.).

Это речение объясняет нам поведение тех, кто с подозрением относится к другим: на ослах обычно возят воду (и всякий другой груз), и поэтому ничего хорошего этот персонаж от приглашающих не ждет.

Иной психотип показан в следующем речении:

Орел сказал: «Хороший человек в меня стрелять не будет, а дурак не попадет» (Осетинск.).

Оптимизм персонажа базируется на его вере в добрых людей, во-первых, и презрении к глупцам, во-вторых.

Вместе с тем у оптимизма должны быть разумные границы:

Курица заявила: «Мало ли что бог сказал, все равно я летать буду» (Осетинск.).

Это речение иллюстрирует смехотворность самонадеянности.

Среди пословичных инсценировок встречаются незатейливые розыгрыши и простые поучения, но иногда попадаются глубокие философские реплики, заставляющие задуматься о смысле жизни:

Я не говорил: не станешь царем, я говорил: не станешь человеком (Арм.).

В этой фразе суммируется множество идей, связанных с борьбой за власть и платой за нее.

Приведенные в сборниках пословиц и поговорок речения, разумеется, отражают предпочтения составителей этих сборников. Тем не менее обращает на себя внимание то, что пословичные инсценировки регулярно встречаются в корпусах соответствующих русских и украинских текстов, а также в Кавказском и Ближневосточном ареалах, в других же лингвокультурах к подобным высказываниям прибегают реже. Возможно, подобные инсценировки обнаруживают специфическое распределение по жанрам речи.

Заслуживают внимания комические паремии как особый тип языкового воплощения аксиогенных ситуаций.

Паремиологические единицы обладают, как известно, следующими признаками: 1) характеризуют значимую для людей ситуацию, 2) описывают эту ситуацию в виде универсального высказывания, 3) наделяют это высказывание персуазивным смыслом, 4) могут переосмысливать исходную ситуацию в юмористическом либо ироническом ключе. Несмотря на то, что эти единицы неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (Пермяков, 2001; Жуков, 1993; Сидоркова, 1999; Иванова, 2002; Семененко, 2011; Савенкова, 2011; Абакумова, 2013), некоторые их разновидности еще недостаточно освещены в научной литературе. Это относится к комическим паремиям.

Принято считать, что пословицы как наиболее яркий класс паремий выражают глубокие суждения, кристаллизованные в образной форме. Это верно, но лишь отчасти. Действительно, в ряде случаев пословицы метафорически фиксируют запоминающееся положение дел, которое необходимо учесть для того, чтобы избежать ошибок. Такова французская пословица:

On ne fait pas d'omelette sans casser les œufs. — Не сделаешь яичницы, не разбив яйца.

Имеется в виду, что для достижения некоторой цели необходимо в ряде случаев пойти на определенные жертвы, поскольку новая ситуация исключает старую. Эта же мысль в другом аспекте освещена в английской фразе:

You can't have your cake and eat it. — Нельзя съесть пирог и оставить его нетронутым.

Акцентируется идея о том, что нельзя совместить несовместимое. Повторение этой истины в образном запоминающемся виде свидетельствует о том, что многим людям свойственно вопреки здравому смыслу пытаться сохранить то, от чего следует отказаться ради получения желаемого результата.

Назначение пословицы — заставить человека задуматься, иногда для этого используется намеренная алогичность:

Warum kämmen sich, die kein Haar haben? — Почему расчесываются те, у кого нет волос?

В данном немецком речении говорится вовсе не о расчёсывании, а о соответствии реальности и представления об этой реальности.

Заслуживают внимания речения, в которых высказаны суждения о природе человека:

Fromme Leute lobt jedermann und lässt sie betteln. — Все хвалят набожных людей и позволяют им нищенствовать.

Пословица осуждает людей, которые не хотят помочь тем, кто этого заслуживает. Такие суждения сближаются с афоризмами моралистов.

Жизнеспособность паремии проявляется в ее деривативном потенциале. Так, известное изречение Сенеки «*Errare humanum est*» — «*Человеку свойственно ошибаться*» уточняется Цицероном: «*Cuiusvis hominis est errare, nullius nisi insipientis in errore perseverare*» — «*Каждому человеку свойственно ошибаться, но никому, кроме глупца — упорствовать в ошибке*». В средние века эта сентенция получила иное уточнение:

Errare humanum est, perseverare diabolicum– «Человеку свойственно ошибаться, дьяволу — упорствовать в ошибках».

Сравним с немецкой пословицей:

Fallen ist menschlich, liegen bleiben teuflisch. — Человеку свойственно падать, дьяволу — продолжать лежать.

Английский поэт Александр Поуп предложил иное развитие этой идеи:

To err is human; to forgive, divine. — Человеку свойственно ошибаться; богу — прощать.

Пословицы выражают набор житейских мудростей, но не сводятся к ним.

Есть пословицы, отражающие жестокие нормы архаического общества:

Spare the rod and spoil the child. — Пожалеешь палку — испортишь ребенка.

Некоторые речения закрепляют гендерное неравноправие:

От нашего ребра нам не ждать добра.

Согласно библейской легенде Ева была сотворена из ребра Адама. Симметричных речений о мужчинах в пословичном фонде разных языков не удалось обнаружить.

Среди паремий мы сталкиваемся с целым рядом фраз, обычно лишенных образности, в которых закреплено отрицательное отношение к представителям иных этносов:

Цыгану без обману дня не прожить.

Подобные речения выражают распространённые предубеждения.

Существуют паремические высказывания, содержание которых нас озадачивает:

Hexen weinen nicht.– Ведьмы не плачут.

Аналогичным образом можно было бы сказать, что вампиры ненавидят апельсины. Впрочем, возможно, в речении о ведьмах отражены наблюдения инквизиторов, проводивших дознание с использованием пыток.

Вместе с тем наряду с наблюдениями и обобщенными комментариями, какими бы субъективными они ни были, в паремиологическом фонде разных народов представлены речения, назначение которых — просто вызвать улыбку у собеседника:

Если голова болит, значит, она есть.

Некоторые пословицы очень саркастичны:

Gae hap and hang yoursel, then you'll dee dancing. — Иди, будь счастлив и попробуй повеситься — тогда ты умрешь танцуя.

В этой шотландской фразе можно увидеть насмешку над собеседником, который ведет себя вызывающе, либо над самим собой в безысходной ситуации. Такого рода речения отражают нежелание человека смириться с поражением.

В запоминающейся образной форме пословицы советуют людям делать выбор в трудной ситуации:

Friss, Vogel, oder stirb. — Ешь, птичка, (что дают) или помирай.

В ряду шутливых и ироничных паремий обращают на себя внимание парадоксальные речения, получившие в лингвистике название «веллеризмы» (по имени Сэмюэля Уэллера, часто изрекавшего их, веселого слуги, персонажа «Посмертных записок Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса). Такие фразы имеют трехчастную структуру: 1) некое высказывание, 2) указание на человека, который его произносит, 3) определение обстоятельств, в которых разворачивается это речевое действие. Например:

"It all comes back to me now," the Captain said as he spat into the wind. — «Всё теперь ко мне возвращается», — сказал капитан, плюнув против ветра.

Такие фразы имеют трафаретный характер и представлены в разных лингвокультурах. Например:

«Да будет свет!» — сказал электрик и перерезал провода.

В этой непритязательной шутке видна аллюзия к библейской фразе. Многие веллеризмы построены по такой модели. Их назначение — сделать общение более свободным и приятным, сократив коммуникативную дистанцию между собой и собеседником. Не исключено, что говорящий использует подобные речения в качестве манипулятивной самоиронии, стремясь нейтрализовать осторожное отношение к себе со стороны коммуникативного партнера. Парадоксальность подобных фраз состоит в том, что уточняющие обстоятельства (фактически это действие, которое совершает говорящий) радикально переворачивают смысл произносимой фразы. Перед нами интересный лингвистический феномен: построенные по трафарету высказывания, разрушающие трафаретные суждения.

Резюме

В паремиологическом фонде существует особый класс единиц — пословичные инсценировки, объединяющий высказывания, используемые для концентрированного выражения определенных ценностей. Эти единицы в структурном отношении представляют собой диалог или часть диалога, семантически построены на фигуре контраста и часто выражают парадоксальное положение дел, а в прагматическом плане соответствуют разыгрыванию микроспектаклей, в которых действуют персонажи, воплощающие, как правило, человеческие пороки, показанные в юмористическом или ироническом свете.

Паремиологические единицы выражают концентрированную житейскую мудрость, включая критику назойливой или неуместной назидательности. Такая критика носит большей частью игровой характер. Высказывания, в которых дана отрицательная оценка назидательности, относятся к разным типам паремий, среди которых выделяются веллеризмы и пословичные инсценировки. Конститутивными признаками оценочных паремий являются их содержательная парадоксальность и стилевое рассогласование инициальной и финальной частей.

Часть II

ТРАДИЦИИ МУДРОСТИ

Соломонов суд. Нюрнбергская хроника Хартмана Шеделя, 1493 г.

1 Притчи, Екклесиаст и Иисус: Мудрость в Библии

Книга *Притчи Соломоновы*, которая неоднократно комментировалась в богословии и этике (Бриджес, 2006; Лопухин, 1987; Мэтью, 2007; Олесницкий, 2005; Утевский, 2012; Golka 1994: Westermann 1990; Hausmann 1995), представляет собой сборник речений, состоящий из 31 главы, в каждой из которых около 30 стихов. Содержательно эти речения представляют собой наставления в виде прямых призывов и афоризмов, обращенных к молодому человеку и касающихся мудрого и праведного образа жизни. Эти наставления приписываются царю Соломону, великому правителю Израильского царства (965–928 гг. до н.э.), прославившемуся своей мудростью и богатством. Наставления перекликаются с содержанием книги *Екклесиаст*, также традиционно приписываемой царю Соломону, и находят множественные параллели в текстах Ветхого и Нового Заветов.

Важнейшим концептом в «Притчах Соломоновы» является «праведность» — «ṣədāqāh (צְדָקָה)», т.е. поведение и внутреннее состояние в соответствии с религиозными установками веры в Бога, выполнения божественных предписаний, доброго отношения к людям, ответственности за свои поступки. В рассматриваемых речениях сказано, что праведника любит Бог, что с праведным не приключится зла, что блаженны родители и дети праведного, и приводятся уточнения наград за праведность и наказаний за нечестивое поведение: праведник ест до сытости, а грешник голодает (проповедник уверяет, что такое положение дел непременно наступит), в доме праведника обилие сокровищ, а «в прибытке нечестивого — расстройство», молитва праведника будет услышана, а жертвы нечестивого будут отвергнуты.

Мудрость как практическое знание

Напомним, в главе 1 *Бабушкина кухня и мудрость известной попесни* мы пришли к выводу, что *Притчам* свойственно выстраивать причинно-следственные связи между человеческими поступками и их последствиями (von Rad 1985: 165–181; Koch 1991; Freuling 2008), что не принимается Екклесиастом. Поэтому можно сказать, что представления о познании мудрости в *Притчах* и в книге *Екклесиаст*

по сути противоположны, но поиск истины и устремление к этому поиску в одинаковой мере характерны для них, и они свойственны всем типам мудрости. Как пишет протестантский богослов Маркус Заур во введении к ветхозаветной мудрости, мудрость «обычно называют способностью вести успешную или, по крайней мере, удовлетворительную жизнь на основе собственного или чужого опыта. Поэтому мудрость имеет отношение к искусству жить, а значит — к умению справляться с жизнью и отвечать на ее вызовы» (Saur 2012: 9 — пер. с нем.: Х. К.). Здесь очевидно, что акцент делается на умении искусно жить. В древнееврейском языке Библии существует тесная связь между навыками ремесленника и способностью людей хорошо направлять свою жизнь и управлять жизнью общества. Обе они выражаются прилагательным *ḥākām* (חָכָם), от которого происходит имя существительное *ḥokmāh* (חָכְמָה) со значением *мудрость*. Тогда в древнееврейском под *мудрыми* понимаются «люди, которые являются "экспертами", "знающими" в каком-то смысле и в какой-то области. Это могут быть также мастера или моряки» (von Rad 1985: 34–35 — пер. с нем.: Х. К.). Поэтому в библейских текстах есть несколько видов мудрости: во-первых, мудрость как искусство и ремесло; во-вторых, мудрость как учение «безгрешно преуспеть в своих земных делах»; в-третьих, «“мудрость размышляющая”, направленная на раздумья о смысле жизни и конечной цели бытия» (Воркачев 2016: 40-41). Однако всегда мудрость в качестве определенного знания означает уметь справляться с задачами и трудностями жизни разумно, нравственно, правильно и успешно. Таким образом, в мудрости воссоединяются мастерство и успех, нравственность и счастье. Эта связь, впрочем, характерна не только для еврейского языка. Также первоначально *софос* в греческом языке обозначало человека, отличающегося особым мастерством и умением (ср. Степанов 2001: 480), а позднее, обретя переносное значение, греческое *София* стало выражать мудрость как особое знание, нравственное действие и необходимое условие для счастья и гармонии. Немецкое прилагательное *weise* также изначально было связано с практическими умениями человека. Согласно словарю братьев Гримм, «*weise*, обозначающий предмет [...], представляет собой самую древнюю форму словоупотребления» [https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB#4].

Притязание на мудрость, помогающее успешно справляться с задачами и жизненными вызовами, находит свое отражение и в форме самих текстов мудрости, которые должны быть успешными в

общении, то есть понятными и убедительными. Это, по крайней мере, так в отношении мудрости из знания и мудрости как знание.

Тексты мудрости на протяжении тысячелетий в определенном ритме все более расширяли жанровый кругозор от поговорки, стихотворения до притчи или рассказа, но оставались всегда понятными для слушателя, зрителя или читателя. Понимание и запоминаемость являются характеристиками мудрости, потому что только так она может сделать человека мудрым. Старая поговорка «Сделай как солнечные часы, считай только часы светлые» и песня «Не волнуйся, будь счастлив» МакФеррина также являются типичными мудрыми текстами в этом отношении.

В Ветхом Завете книги мудрости, к которым относятся, в частности, *Притчи*, *Екклесиаст* и *Иов*, в то же время многие псалмы, греческие тексты Ветхого Завета *Товит*, *Премудрость Соломона*, *Премудрость Иисуса, сына Сирахова*, а также притчи и рассказы в других библейских книгах, таких как *Второзаконие* и книга *Судьи израилевы*, во имя утверждения какой-либо истины заключают в себе художественную силу и имеют большое богатство выражения, но при этом их объединяет одно правило — быть ясным для понимания. Конечно, это не решает проблему двусмысленности, не примиряет противоречия, которые обнаруживаются в самом понимании мудрости, о чем более конкретно будет речь в другой главе. Но даже в этих случаях серьезные трудности понимания возникают только по истечении времени и в связи с переводом, когда стираются знания об исторической эпохе, знания об определенных предметах повседневного пользования, которые появляются в метафорах и в сравнениях, и тогда порождаются новые значения, происходят смысловые сдвиги, так называемая, смысловая эволюция, адаптированная под современный мир.

Мудрость как наставление и высказывание

В исследованиях Ветхого Завета были предложены разные классификации форм мудрости. Известный богослов Рудольф Бультман (1884–1976) в своих размышлениях о значении ветхозаветной мудрости в Евангелиях выделял «принципы», «наставления» и «вопросы» и далее подразделял «принципы» на «фактически сформулированные», «лично сформулированные», «макаризмы», т.е. похвальные

слова, и «умозаключения a maiore ad minus» (Bultmann 1958: 74–77 — пер. с нем.: Х. К.). Так, к «фактически сформулированным» Бультман относит, например, Притчи 14:4, между тем, к «лично сформулированным» — Притчи 11:17:

> Где нет волов, там ясли пусты; а много прибыли от силы волов. (Притчи 14:4)
>
> Человек милосердный благотворит душе своей, а жестокосердый разрушает плоть свою. (Притчи 11:17)

Типичным макаризмом являются Притчи 3:13–14, где похвалу дополняет обоснование (дальнейшие обоснования следуют до 18-го стиха).

> человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум — потому что приобретение её лучше приобретения серебра, и прибыли от неё больше, нежели от золота. (Притчи 3:13–14)

Для вывода a maiore ad minus, т.е. вывода от большего к меньшему, Бультман приводит пример Притчи 15:11:

> Преисподняя и Аваддон открыты пред Господом, тем более — сердца сынов человеческих. (Притчи 15:11)

Объективно эта классификация все еще довольно груба, а принципы, заложенные в ее основе, довольно нечеткие. Точные критерии разграничения между «фактическим» и «личным» сформулированными принципами не приводятся. Немного яснее классификация исследователя Ветхого завета Клауса Вестермана, который в книге *Притчи* различает «притчи-высказывания», «наставления (Притчи в форме императива)» и «стихи». Как и Бультман, который выделял «принципы», Вестерман также предлагает различать формы мудрости, среди которых особенно выделяет «притчи-высказывания», и дифференцирует эти высказывания по содержанию как «наблюдение и опыт» и «человеческий характер», а по смысловым критериям — как «противоположения: глупец — мудрец», «сравнения», «высказывания оценки (компаративные высказывания)», «нумерные высказывания, поздравления и загадки» и «противоположения: праведник–нечестивый» (Westermann 1990). Еще одну попытку классификации, сформулированную на основе перечисления литературных жанров в Притчах, находим в уже процитированной во *Введении ветхозаветной литературы мудрости* Маркуса Заура: «Высказывание», «Нумерное высказывание», «Образное или сравнительное слово», «лучше, чем притча», «наставление», «назидание и учение» (Saur 2012: 45–47 — пер. с нем.: Х. К.).

Изложенные выше попытки классификации свидетельствуют о многообразии способов выражения мудрости в Ветхом Завете, что можно наблюдать в малых формах книги *Притчи*. Так или иначе все они позволяют ориентироваться в формах мудрости, но при этом критерии содержания смешиваются с формальными. Классификация, построенная на речевых актах позволит внести ясность, какие типы мудрых изречений можно различать по коммуникативной структуре и функции (см. выше Глава 1: *Бабушкина кухня и мудрость известной поп-песни*). Книга *Притчи* является ярким примером выражения мудрости из знания, которая выражается в наставлениях, советах или предупреждениях. Поэтому неудивительно, что в ней часто встречаются прямые указания в форме императива, например, «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым» (Притчи 6:6). К тому же ассертивы, к примеру, «Человек милосердный благотворит душе своей» (Притчи 11:17), и экспрессивы типа похвалы «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум» (Притчи 3:13–14), понимаются директивным образом. Собственно говоря, в этих изречениях обозначен косвенный призыв: «Будьте милосердны» и «Получите мудрость». Таким образом, в рамках форм мудрых высказываний можно различать косвенные и прямые акты речи. Косвенные речевые акты — это косвенные директивы в виде высказываний, вопросов, похвал и т.д. Прямые речевые действия могут быть как директивными (явные наставления и предупреждения), так и ассертивными (например, в случае утверждений, наблюдений и переживаний). Далее проводится различие между прямыми директивами, косвенными директивами и прямыми ассертивами. Самая простая форма — это прямой директив, в котором содержится прямой и однозначный призыв к определенному поведению или к воздержанию от действий.

> Не будь грабителем бедного, потому что он беден, и не притесняй несчастного у ворот, потому что Господь вступится в дело их и исхитит душу у грабителей их. (Притчи 22:22–23)

> Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему; но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих. (Притчи 26:4–5)

Вместе с тем приведенные выше наставления предполагают, что можно всегда и четко различать правильное и неправильное поведение, а также мудрецов и глупцов, любителей мудрости или ее врагов. Заметим тут, что наставления, построенные по принципу по-

лярных координат, относятся к мудрости из знания, в том числе мудрости ветхозаветной книги *Притчи*, где выделяются три группы людей, отвергающих мудрость: 1) невежды, т.е. грешники, которым нравятся их порочные мнения о добре и зле, 2) буйные, которым нравится обижать окружающих либо глумиться над святынями, 3) глупцы, которые ненавидят знание и имеют укорененную антипатию к благочестию (Мэтью, 2007: 640–641). В исходном тексте невежды обозначены словом «ptaim» — «простаки, или легковерные», букв. «соблазняемые», эти люди пытаются уйти от ответственности за свои поступки, полагая, что кто-то другой должен принимать решения, их этические нормы полностью обусловлены практической целесообразностью (вспомним известный пример готтентотской морали: *Если у меня украли стадо, это плохо, а если я украл стадо, это — хорошо*). Слово «буйные» не совсем точно передает смысл исходного слова «leitsim» — «насмешники, или кощунствующие», в английском варианте перевода мы видим более точное соответствие — «scorners». Эти люди высмеивают веру в Бога и признают лишь ту мудрость, которая может быть доказана логически (Утевский, 2012). Насмешники преувеличивают интеллектуальный компонент веры.

> Надменный злодей — кощунствующий имя ему — действует с буйной гордостью. (Притчи 21:24)

Насмешка, как известно, ассоциируется с поведением Сатаны как главного искусителя человечества. Третью группу составляют глупцы, «ksilim» — букв. «тупицы». Они презирают мудрость и знание, склонны к пустословию. Они названы в вышецитированном примере Притчи 26:4–5, который можно толковать как призыв не вступать в дискуссию с глупцами по обиходным вопросам, но прилюдно отстаивать ценности вероучения. Глупец отличается от невежды тем, что невежду можно исправить, а глупый пустослов неисправим. Особую опасность глупцы представляют для мудрецов: если невежду можно просветить, а циника убедить логически, то спор с глупцом — это потеря времени, и в ходе такого спора мудрец может потерять терпение и впасть в гнев, т.е. уподобиться глупцу. Показательно речение:

> Лучше встретить человеку медведицу, лишенную детей, нежели глупца с его глупостью. (Притчи 17:12)

Этот образ является гиперболой — разъяренная медведица готова разорвать тех, кто убил ее детенышей. Глупцам свойственно давать нелепые обеты и жить сегодняшним днем, пренебрегая будущим. В притчах сказано, что «*упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их*» (1:32). Более точный перевод — «отступничество невежд», их склонность легко уступать соблазнам. Беспечность глупцов объясняется их неспособностью вести себя в соответствии с обстоятельствами. Заметим, что в пословичном фонде разных народов резко осуждается глупость, поскольку устранить вред от глупости бывает сложнее, чем от сознательно нанесенного вреда. Юлиан Семенов иронически заметил: «С дураками следует считаться ввиду их численного превосходства». Как видим, ситуация не изменилась за несколько тысячелетий и вряд ли изменится.

Последние два примера *Притчи 21:24* и *17:12* не представляют собой прямые директивы, а являются прямым ассертивом (Притчи 21:24), в котором высказываются наблюдения свойств и манер поведения различных групп людей, и косвенным директивом (Притчи 17:12), формально относящимся к большой группе «принципов» (Бультман) или «высказываний» (Вестерман). В переводах на русский язык у ассертивов есть различные синтаксические конструкции. Они выглядят как простое или сложное предложение, как относительное, сравнительное или условное предложение и т.д. Древнееврейский синтаксис, однако, не соответствует русскому синтаксису, так что синтаксическая классификация должна выглядеть совершенно по-другому. Поэтому мы должны довольствоваться здесь очень общими критериями классификации и различать при утвердительных косвенных директивах *простое высказывание*, *противоположение* и *сравнение*. Во всех этих конструкциях для оценивания поведений и поступков используются однозначно аксиологические лексемы, скажем, *нечестивый*, *беззаконный*, *мудрый* и *глупый*, что подтверждается следующими примерами:

> Со смертью человека нечестивого исчезает надежда, и ожидание беззаконных погибает. (Притчи 11:7)
>
> Видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него. (Притчи 26:12)

Оценка осуществляется не только с помощью оценивающей лексики, но и путем включения оцениваемого действия или поведения в контекст: какие последствия оно имеет или не имеет, какое

значение оно имеет для самого действующего или для его окружения, а также как Бог оценивает действие или поведение.

> Благотворящий бедному даёт взаймы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его. (Притчи 19:17)
>
> Соблюдение правды и правосудия более угодно Господу, нежели жертва. (Притчи 21:3)

В форме противоположения дается два утверждения: определение того, что хорошо, и определение того, что плохо.

> Собирающий во время лета — сын разумный, спящий же во время жатвы — сын беспутный. (Притчи 10:5)
>
> Желание праведных есть одно добро, ожидание нечестивых — гнев. (Притчи 11:23)

Сравнения, в которых приводятся аналогии между социальным действием и явлениями в природе, мастерством или другой практической деятельностью, играют большую роль в библейской мудрости книги *Притч*. Эти ассертивы также являются косвенной директивой, потому что, устанавливая аналогию, косвенно указывается, какие действия следует рекомендовать к выполнению, а какие нет.

> Что влагающий драгоценный камень в пращу, то воздающий глупому честь. (Притчи 26:8)
>
> Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою. (Притчи 26:11)

Даже экспрессивные речевые акты могут быть косвенными советами, наставлениями, предупреждениями, запретами или советами.

> Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, — потому что приобретение её лучше приобретения серебра, и прибыли от неё больше, нежели от золота: она дороже драгоценных камней; и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею. Долгоденствие — в правой руке её, а в левой у неё — богатство и слава; пути её — пути приятные, и все стези её — мирные. Она — древо жизни для тех, которые приобретают её, — и блаженны, которые сохраняют её! (Притчи 3:13 — 18)

Косвенно, но в то же время настойчиво, эта похвала мудрых и проницательных людей побуждает всех искать идостигать мудрости и проницательности.

Мудрость как поэзия познания

Однако в книге *Притчи* есть не только прямые и косвенные наставления, но и наблюдения, переживания, не содержащие прямой призыв. Функция этих прямых ассертивов скорее в передаче знаний о порядке (или беспорядке) в мире, в примирении с абсолютной безысходностью, глубоким разочарованием, непоправимой ситуацией и гнетущей действительностью, в утешении скорби и в проникновенной радости. Таким образом, из следующей *Притчи 26:7* можно вывести в принципе и призыв не слушать глупцов, не становиться глупцом самому собой, не быть ослепленным глупцом и т.д., но на первом плане стоит само наблюдение, а именно то, что слово не может быть отделено от говорящего.

> Неровно поднимаются ноги у хромого, — и притча в устах глупцов. (Притчи 26:7)

В случае прямых директивов также различаются простое утверждение, сравнение и противопоставление. Простым утверждением является, например, положительная оценка доброй жены:

> Кто нашёл добрую жену, тот нашёл благо и получил благодать от Господа. (Притчи 18:22)

Типичные формы человеческого поведения противопоставляются:

> С мольбою говорит нищий, а богатый отвечает грубо. (Притчи 18:23)

Прямые ассертивы встречаются также в виде сравнения в сравнительной конструкции *ṭôb–min* (*лучше — чем*), в которой первая часть представляет собой положительную оценку, а вторая — отрицательную.

> Лучше блюдо зелени, и при нём любовь, нежели откормленный бык, и при нём ненависть. (Притчи 15:17)

Прямые ассертивы во многих высказываниях являются обоснованием прямых директив, т.е. в них указывается причина или цель приглашения, напоминания, предупреждения или совета. В этих обоснованиях утверждается связь между поступком и его последствием. Часто, хотя не обязательно, приводятся нормы поведения, позволяющие избежать ущерба или получить прибыль (*jitrôn*, יִתְרוֹן) (Michel 1989: 3). Отношения между директивом и обоснованием могут быть причинно-следственными, последовательными, окончательными, уступительными и другими, однако на древнееврейском язы-

ке они, как правило, связаны с универсальным знаком познания *ki* (כִּי), который в европейских языках допускает многочисленные переводы (Michel 1989: 200–202). В русском языке наиболее часто *ki* переводится союзами *потому что* и *ибо*.

> В уши глупого не говори, потому что он презрит разумные слова твои. (Притчи 23:9)
>
> Не ревнуй злым людям и не желай быть с ними, потому что о насилии помышляет сердце их, и о злом говорят уста их. (Притчи 24:1–2)
>
> Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою: ибо, делая сие, ты собираешь горящие угли на голову его, и Господь воздаст тебе. (Притчи 25:21–22)

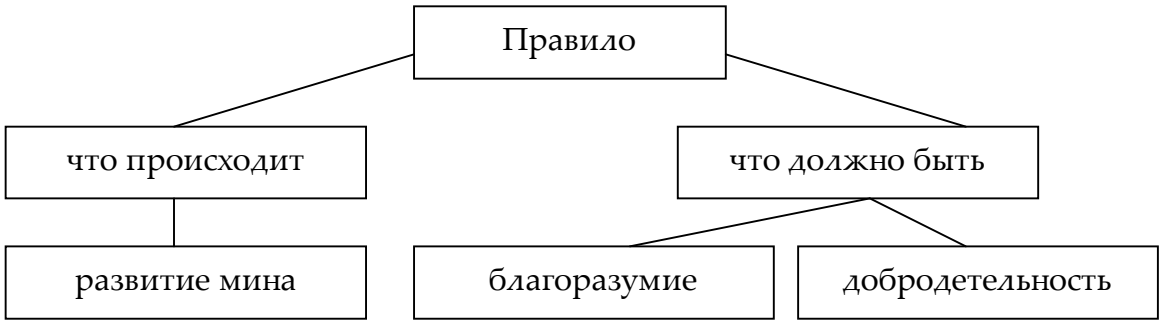
В древнееврейском языке обоснование директива может быть выполнено без специального коннектора, особенно если причина напоминания последовательна и последствия действия напрямую связаны с напоминанием. В таких случаях синтаксис притчи может быть переведенным придаточным предложением цели, но и соединительными или бессоюзными конструкциями.

> Слушайся совета и принимай обличение, чтобы сделаться тебе впоследствии мудрым. (Притчи 19:20)
>
> Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится. (Притчи 22:6)
>
> Прогони кощунника, и удалится раздор, и прекратятся ссора и брань. (Притчи 22:10)

Мудрость в *Притчах* и в других книгах Ветхого Завета — это не только назидание, высказывание и оправдание. Она также является поэзией и отличается целым рядом эстетических и языковых особенностей, которые нельзя отделить от знания мудрости. В мудрости поэзия и знание — это один мир. Поэтическая форма — это то, как создается знание. Творческая интенция определяет свою внутреннюю инстанцию. В значительной степени мудрость можно назвать *поэзией знаний*, которая хочет показать соответствие между сущим и должным посредством своей формы. Древнееврейское понятие *māšāli* (מָשָׁלִי) означает «быть равным» или «то, что равно».

В этой практике познания речь идет о том, что является или должно быть «одним и тем же». Притчи устанавливают соответствие между сущим и должным, что выражается в аналогиях между тем, что можно наблюдать в мире, и тем, как человек должен или не должен действовать. По мнению богослова Александра Меня, особенно мудрость книги *Притчи* «утверждает связь космического и

нравственного миропорядка в их общем происхождении из божественной Воли» (Мень 1992: 133). Но соглашение между бытием и должным встречается не только в ветхозаветных изречениях. Подобная когнитивная архитектура встречается в пословице, она в принципе представляет собой поэтическую форму знания, в которой сущее и должное не разделены. Прием аналогии является характерной чертой универсальной культурной традиции пословиц, что позволяет сравнить западноевропейские, в том числе немецкие, или африканские пословицы с библейскими притчами (Westermann 1990; Golka 1994; Klein 1994: 172–173). К ним принадлежит также поговорка из бабушкиной кухни «Сделай как солнечные часы, считай только часы светлые». Наблюдение из материальной реальности переносится модельным путем в социальный и ментальный мир человека, где физическая действительность воспринимается как доказательство правильности наставления. Иными словами, от познания истины бытия следует правильность должного. Оба связаны между собой по общему правилу. Следующая схема иллюстрирует эту связь:



(Bausinger 1980: 103; Klein 1994: 171 — пер. снем.: Х. К.)

Вместе с тем наиболее поэтичной и убедительной фигурой в русле аналогии с сущим выступает *риторический вопрос*:

> Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины. (Притчи 6:27–29)

Привлекательность и убедительность этой аргументации заключается в том, что косвенный директив — наставление не идти к чужой жене сформулировано напористо как следствие действия — оправдан косвенным ассертивом, в котором сравнение представлено в виде вопроса. Таким образом, форма сложна, но содержание, тем

не менее, ясно и легко понятно, что может вызвать у воспринимающего сильное чувство познания.

Притчи не всегда обладают прямой функцией директива. Прямые ассертивные высказывания (утверждения) передают в первую очередь знание, которое следует интерпретировать в назидательном смысле. В них наблюдения окружающей среды, т.е. наблюдения в мире бытия, увязываются с социальными явлениями, т.е. с областью «должного». Отдельным родом таких прямых ассертивов являются числовые афоризмы (нумерные высказывания). Этот вид мудрости был широко распространен на Древнем Востоке и, безусловно, он старше, чем книга *Притчи*. Текстовые таблички с числовыми афоризмами были найдены во время раскопок в северном сирийском портовом городе Угарит (между 1400 и 1200 гг.) (Preuß 1987: 48).

> От трех трясется земля, четырех она не может носить: раба, когда он делается царём; глупого, когда он досыта ест хлеб; позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей. (Притчи 30:21–23)

> Вот четыре малых на земле, но они мудрее мудрых: муравьи — народ не сильный, но летом заготовляют пищу свою; горные мыши — народ слабый, но ставят дома свои на скале; у саранчи нет царя, но выступает все они стройно; паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах. (Притчи 30:24–28)

> Вот трое имеют стройную походку, и четверо стройно выступают: лев, силач между зверями, не посторонится ни перед кем; конь и козел, и царь среди народа своего. (Притчи 30:29–31)

Поэтическая форма, широко распространенная в ивритской поэзии в Ветхом Завете, — это семантический параллелизм слов (*Parallelismus membrorum*; подробно: Десницкий 2007). Речь идет о «параллельном присвоении утверждения A′ предыдущему утверждению A» (Saur 2012: 11 — пер. с нем.: Х. К.), с помощью которого высказывания и утверждения экспрессивно подкрепляются. Такие «симметрические образования» (Р. Якобсон), отмечающие тоже состояние аналогии, являются подтверждением и эмоциональным доказательством истины высказанного. Параллелизм может быть синонимичным и антитетическим, т.е. повторение — это переформулирование или создание оппозиции:

Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой (Притчи 1:20)

Начало мудрости — страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление. (Притчи 1:7)

Более сложной формой является синтетический параллелизм, в котором ничего не повторяется и не устанавливается оппозиция, но мысли формулируются в обоснованиях, причинах, следствиях установленного в начале конструкции факта (ср. von Rad 1985: 45; Saur 2012: 12–13 — пер. с нем.: Х. К.).

Венец славы — седина, которая находится на пути правды. (Притчи 16:31)

Смерть и жизнь — во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его. (Притчи 18:21)

Бинарная структура этих речений сводится к тезисам, дублирующим и уточняющим друг друга. Соотношение темы и подхвата подчиняется эстетическому правилу, согласно которому фон должен быть слабее, чем акцентируемая часть стиха. Можно согласиться с известным мнением о том, что для Библии в целом и для Книги *Притчи* в частности характерна особая рифма — рифма понятий.

Для полного текста книги *Притчи*, а также других библейских книг мудрости – *Екклесиаст*, *Премудрость Соломона* или *Премудрость Иисуса, сына Сирахова* – значимым является отсутствие тематической группировки поучений: содержательно можно выделить назидания, касающиеся отношения к родителям, призывы вести себя честно и праведно, избегать разврата и т.д. Эти фразы распределены в свободном порядке по разным главам текста и представляют собой своеобразную разноцветную мозаику. Это также может быть воспринято как поэтическая форма. Мозаичное переплетение тем превращает текст в некое музыкально-поэтическое произведение, тематика которого является сложным пестрым узором, настраивающим слушателя на особое мировосприятие. Известно, что логическое причинно-следственное развитие темы легко запоминается, но и открыто для возражений. Алогическая последовательность речений обладает гипнотической силой. Например:

> Не доставляют пользы сокровища неправедные, правда же избавляет от смерти. Не допустит Господь терпеть голод душе праведного, стяжание же нечестивых исторгнет. Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает. Собирающий во время лета — сын разумный, спящий же во время жатвы — сын беспутный (Притчи 10:2–5).

В этих речениях говорится об отношении к собственности, о праведности, о лени и трудолюбии. Обратим внимание на специфический контекстный контраст: наряду с узуальными антонимами «неправедность — правда», «бедность — богатство», «лень — приле-

жание», «разумный — беспутный» мы видим окказиональные противопоставления «польза — смерть», «собирающий — спящий».

Слушатель оказывается под воздействием ритма библейских назидательных фраз. В соответствии с древнееврейской грамматикой на первом месте в повествовательном предложении стоит глагол, и поэтому синтаксический повтор фразовой структуры с ударением, как правило, падающим на последний слог, усиливает идею высказывания. Сравним русскский и англиский переводы и исходный текст:

> Расстроивающий дом свой получит в удел ветер, и глупый будет рабом мудрого сердцем. (Притчи 11:29)
>
> He that troubleth his own house shall inherit the wind; and the foolish shall be servant to the wise of heart.
>
> Исходный текст (транскрипция): [Okherbeitoinkhalruakhveeved evil lakhakham lev]. — Букв. «Губит дом свой — унаследует ветер, потрудится глупец на мудрого сердцем».

Энергетика исходного текста обусловлена также краткостью фраз, переводы которых оказываются длиннее оригинала.

Мудрость в Ветхом Завете не ограничивается формой поговорки или стихотворения. Существуют и другие типы текстов, такие как речь, аллегория и особенно басня, формы, встречающиеся во всем Ветхом Завете и подпадающие также по термин *māšāl* (מָשָׁל), сравнение или уравнение (Eißfeldt 1913; Klein 1994: 16–39). К примеру, известная мудрая басня о терновнике, ставшем царем деревьев, которая встречается в книге *Судьи израилевы*:

> Пошли некогда дерева помазать над собою царя и сказали маслине: царствуй над нами. Маслина сказала им: оставлю ли я тук мой, которым чествуют богов и людей, и пойду ли скитаться по деревам? И сказали дерева смоковнице: иди ты, царствуй над нами. Смоковница сказала им: оставлю ли я сладость мою и хороший плод мой и пойду ли скитаться по деревам? И сказали дерева виноградной лозе: иди ты, царствуй над нами. Виноградная лоза сказала им: оставлю ли я сок мой, который веселит богов и человеков, и пойду ли скитаться по деревам? Наконец сказали все дерева терновнику: иди ты, царствуй над нами. Терновник сказал деревам: если вы по истине поставляете меня царём над собою, то идите, покойтесь под тенью моею; если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские. (Судьи 9:8–15)

Это повествование так же легко понять, как и поговорку в книге *Притчи*, и по сей день оно является предупреждением всем тем, кто жаждет царя над собой, в том числе и над государством своим. Терновники в роли царей — сегодня их обычно называют президента-

ми — и в современном мире не редкость, и опыт того, насколько разрушительны такие «терновые кусты» для стран, в которых они власть имеют и которые они разрушают своим «огнем», не является редким. Однако примечательно, что мудрая критика власти исходит из следующего суждения: совершенно бесполезный для общины правитель, более того, приносящий ей только вред, также опасен, как и те, кто не хочет брать на себя ответственность за свою общину. Последние подвергаются косвенной критике.

Истоки и контексты ветхозаветной мудрости

Библия — это книга, а точнее, собрание книг, которое создавалось на протяжении нескольких веков. Это относится и к содержащимся в них мудрым писаниям. Ранние формы мудрости, которые содержатся, вероятно, особенно в книге *Притчи*, зародились на Древнем Востоке (до 1000 г. до н.э.) и навевают параллели с литературой мудрости Древнего Египта, Месопотамии, Шумеров и др. Такие тексты Библии, как последние притчи и книги *Екклесиаст*, *Иов*, *Премудрость Соломона* и *Премудрость Иисуса, сына Сираха,* встречаются во времена и после Вавилонского изгнания (597 г. до н.э. – 539 г. до н.э.) и эллинизма (ок. 330 г. до н.э. – 30 г. до н.э.); в Евангелии Иисус выступал как учитель мудрости, который говорит притчами. Он может даже рассматриваться как воплощение мудрости, когда в прологе Евангелия от Иоанна (Иоанна 1:1–5) отождествляется с Логосом мира. Подобным образом в книгах *Премудрость Соломона* (7:24–25) и *Премудрость Иисуса, сына Сирахова* мудрость, по-гречески *София*, отождествляется с порядком мира.

В Еврейской Библии (*Танах*) книги мудрости принадлежат к *Кетувимам*, которые представляют собой писания, не входящие ни в Пятикнижие Моисея (*Тора*), ни в Пророки (*Невиим*). Книги мудрости — это *Притчи*, *Иов* и *Екклесиаст*. Книга *Притчи* является самой древней по времени происхождения. Своими корнями она уходит в культуру Древнего Востока, примерно, до 200 г. до н.э. Считается, что книга *Иов*, которая противоречит некоторым традициям учения мудрости в *Притчах*, возникла после вавилонского изгнания, но не позднее 200 г. до н.э., а происхождение *Екклесиаста*, вероятно, относится к середине III века. Далее следуют книги, которые не относятся к Еврейской Библии, но являются частью *Септуагинты*, датируемой

около 250 г. до н.э. и содержащей греческие переводы *Танаха* и другие греческие письменности. Книгами мудрости в *Септуагинте* считаются *Товит* (около 200 г. до н.э.), *Премудрость Соломона* и *Премудрость Иисуса, сына Сирахова*.

Книги мудрости имеют особую связь с культурой своего времени, в том числе со старыми преданиями. *Иов* и *Екклесиаст* — это критическая реакция на традицию мудрости в *Притчах*, для которой египетская мудрость является важным источником. Египетский термин для мудрости *маат* (*ma*ᶜ*at*) обозначает «универсальный принцип порядка, на котором покоится все» (Saur 2012: 16 — пер. с нем.: Х. К.). По мнению известного египтолога и культуролога Яна Ассмана, именно по этому принципу космос обретает свою бесконечность, государство — свою стабильность, а отдельное человеческое существо — свою долю вечности (Assmann 1990: 98). Эта космологически всеобъемлющая мудрость как знание, по мнению Ассмана, уже вытекает из этимологии понятия *маат*, которое, вероятно, вытекает из глагола, означающего «направлять, судить, давать направление вещам» (Assmann 1990: 15 — пер. с нем.: Х. К.). Ассман указывает на один и тот же контекст в немецком языке: «"richten", "richtig" и "Richtung" относятся к одному и тому же единству права, истины и контроля или "чувства направления", как это явно выражено в египетском маатском термине» (Assmann 1990: 16). То же самое наблюдается в русском языке, ср.: *управлять — правильно — направление*. Распространение социального опыта и деление порядка на правильный и неправильный между правильным и неправильным от порядка, гарантированное *маатом*, нашли свое четкое отражение в *Притчах*, но было подвергнуто критике и сомнению в книгах *Иов* и в *Екклесиаст*. К концу эллинизма, примерно в 30–80 г. до н.э., в Александрии в книге *Премудрость Соломона* она вновь была взята в еврейскую диаспору, и вполне возможно, что это сочинение, основанное на древних традициях, откликнулось как на критику мудрости Екклесиастом, так и на философское состязание в греческой среде.

Книга *Премудрость Иисуса, сына Сирахова*, с другой стороны, уходит корнями в еврейский иудаизм, так как по сути является греческим переводом еврейского оригинала, из которого известны фрагменты (Saur 2012: 143–144). Переводчик — это скорее всего внук автора, полное имя которого по-еврейски дано как *Иешуа бен-Элеазар Бен-Сирах*. Также в этой книге, как и в *Притчах*, речь идет о правильном действии и поведении и о знании того, что такое правиль-

ное действие и поведение. Отправной точкой является страх перед Богом, который также в начале книги *Притчи* называется началом познания (Притчи 1:7), в *Псалтыре* — началом мудрости (Пс. 111:10), а в книге *Иов* приравнивается к мудрости (Иов 28:28). Однако в книге *Премудрость Иисуса, сына Сирахова* он становится главной мыслью и связан с потребностью в систематическом образовании, что можно считать влиянием эллинизма (см. Saur 2012: 144; Карасик 2015: 32–33; см. ниже *2 Осмысление мудрости в поучениях Бен Сиры*).

Таким образом, мудрость Библии не может рассматриваться изолированно. Некоторые из книг ссылаются друг на друга, у всех есть исторические корни за пределами библейского канона, и все они имеют связи и параллели в религиозных и культурных средах времени их возникновения (ср. Saur 2012: 15–30). Все это уже хорошо изучено в библеистике за последние сто лет и, в конце концов, не вызывает удивления, поскольку культуры никогда не развиваются изолированно, а всегда вступают в связь друг с другом, принимают, развивают, отвергают, преображают и т.д. свои собственные и чуждые традиции. В культуре и языке нет ничего «чисто собственного», но зато наблюдаются активные процессы развития ассимиляции и трансформации.

С историческим происхождением традиций индивидуальной мудрости связано и обсуждение контекста, в котором мудрость рождалась, развивалась и передавалась. Грубо говоря, речь идет о том, является ли мудрость, в соответствии с ее происхождением, скорее придворной, а позже литературной и, следовательно, элитарной формой, или же она берет свое начало в самопонимании широких слоев населения, т.е. может ли она быть понята как «выражение души народа». Последнее может означать не только национальное, но и социальное в смысле противостояния мудрости как изначального выражения малоимущих слоев населения или же социально и иерархически предпочитаемых групп людей. Исследователь Ветхого Завета Герхард фон Рад, например, отстаивал придворное происхождение мудрости (von Rad 1985: 28–34). Это подтверждается сугубо книжно-языковыми формами, такими как риторический вопрос и, прежде всего, высказывания, непосредственно адресованные правящему сословию:

> Человек мудрый силён, и человек разумный укрепляет силу свою. Поэтому с обдуманностью веди войну твою, и успех будет при множестве совещаний. (Притчи 24:5–6)

В связи с тем, что фон Рад приписывал мудрость придворному обществу, он был обвинен некоторыми исследователями в буржуазной наглости, которая мешает признавать поэзию и мудрость простых людей (ср. Saur 2012: 41). Конечно, такой аргумент бессмыслен. Как литературная форма и как собрание такая книга, как *Притчи*, а также все собрания мудрости Древнего Востока могли появиться только в литературной среде, и это неизбежно приведет к дворам ранних цивилизаций. Важным жанром литературы мудрости, который был широко распространен в Европе со средневековья до 18 века, но чьи корни уходят в античность и, в конечном счете, в ранние цивилизации, является *Зеркала для принцев*. Это учение, данное правителю или претенденту на трон. Учитель может быть сам правителем, который наставляет своего сына, или воспитателем. В египетской литературе мудрости есть образцы таких учителей: в Притчах отец часто обращается к сыну. В Ветхом Завете правитель, царь Соломон, становится олицетворением справедливости и мудрости, которые не могут быть отделены друг от друга (ср. рассказ о суде Соломона в 1 Царств 3,16–28). Притчи приписываются Соломону (Притчи 1:1), а Екклесиаст, в явном намеке на Соломона, называет себя «царем в Иерусалиме» (Екклесиаст 1,1). В более поздней книге *Премудрость Соломона* это предание продолжается, и называются адресаты, которые указывают на придворный контекст: «Судьи земли» (Премудрость 1:1), «цари» (Премудрость 6:1) и т. д.

Сам правитель действует как учитель и гарант мудрости и воплощает в себе добродетели мудрости, величайшей из которых является мир. Мир признается важнейшей ценностью бытия (в тексте притч нет упоминания о героизме как высшей доблести человека, хотя в одной фразе содержится призыв вести войну обдуманно), в этом плане имя царя Соломона — Шломо, от слова «шалом» — «мир», соответствует приоритетам мудрого правления. Мир неизбежно предполагает необходимость договариваться с другими людьми, идти на компромиссы. В древнем сообществе считалось, что дело царя — вести войну и вершить суд. В нарративной части Ветхого Завета приводится множество описаний различных войн, времена мира были счастливыми промежутками между постоянными вооруженными конфликтами. Неудивительно, что царь, которому удалось избежать войн, запомнился народу как мудрец. Последовательность упоминания долголетия и мира в цитируемом наставлении, возможно, следует трактовать как соотношение условия и

цели мудрого правления — царь должен вести себя мудро, чтобы стабильно оставаться на троне ради поддержания мира.

Придворный и литературный контекст, в котором учения мудрости собираются, записываются, превращаются в книги и, как вероятно, в случае с Иисусом Сирахом, в учебные материалы, однако, не исключает, что многие из этих изречений мудрости уже были распространены среди населения, оттуда были взяты и вновь сформировались. Потом, как правило, следует новое заимствование этих литературных форм, используемых для придворного образования широкими слоями населения. Об этом свидетельствует публичное позицирование мудрости, олицетворяемой как женщиной, стоящей «на возвышенных местах, при дороге, на распутиях». В восьмой главе книги *Притчи* мудрость становится публичной:

> Не премудрость ли взывает? и не разум ли возвышает голос свой? Она становится на возвышенных местах, при дороге, на распутиях; она взывает у ворот при входе в город, при входе в двери: «К вам, люди, взываю я, и к сынам человеческим голос мой! (Притчи 8:1–4)

В восприятии придворная, интеллектуализированная и грамотно сформулированная мудрость может вновь стать «народным достоянием», причем не только в самобытной культуре. Многие поговорки стали пословицами и поговорками на немецком, русском и многих других языках (Földes 1990).

Это довольно естественный процесс в развитии культур, который можно наблюдать и на других примерах мировой культуры. Одним из важнейших произведений немецкой литературы начала 19 века, которое и сегодня пользуется большой популярностью, являются *Детские и бытовые сказки* братьев Гримм. Давно известно, что эти сказки не являются свидетельством того, что было сказано «среди народа». Наличие бабушки-сказочницы, указанной братьями Гримм в качестве источника, придает лишь формальный характер устности, но то, что они сделали из собранного материала, — это романтическая литература для образованной аудитории. Большой успех сделал сказки Гримм «народными сказками», которые пережили все новые и новые вариации, в том числе адаптации в фильмах и мультфильмах, которые, в свою очередь, вновь сформировали представление о сказочных персонажах и их мирах. В этом контексте достаточно вспомнить *Snow White* Уолта Диснея 1937 г. Постоянный процесс обмена между разными слоями общества, эстетические и содержательные трансформации, традиции и, конечно, разрыв с

традицией демонстрируют такую же динамику трансформации культурного наследия на социальном уровне, что и между национальными культурами. Традиция жива только в том случае, если она способна распространяться и изменяться, приобретая новые и новые варианты в зависимости от времени, от общества и культуры, в разных обществах и культурах. Это относится к мудрости не меньше, чем ко всем другим формам человеческого самовыражения и общения, начиная с самого языка.

Почему мудрость может потерять свою мудрость

В этой динамике, конечно, тексты могут также выйти из моды, потерять свою актуальность и даже исчезнуть. Книга *Притчи* едва ли имеет какое-либо значение в повседневной жизни большинства людей в современном мире, и даже популярность распространенных ныне пословиц, которые из нее вышли, падает. Одна из причин этого — язык. Слова и выражения могут выйти из активного употребления и быть чужими на протяжении веков. Другая причина заключается в том, что предметы и деятельность, о которых говорится в притчах и других мудрых речах и пословицах, могут исчезнуть из повседневной жизни. Предпосылкой для понимания пословицы, однако, является знакомство с реальностями, упомянутыми в ней (Ebner 1998: 40), а также ее значение в повседневной жизни. Это уже можно было наблюдать в поговорке «Сделай как солнечные часы, считай только часы светлые» (см. выше). Утрата смысла объекта (солнечные часы) привела к потере смысла поговорки.

Переформулированные и новые переводы могут «обновлять» старые пословицы, но часто они не помогают сделать пословицу совместимой с реалиями настоящего. Хорошим примером этого является сцена из Евангелия от Матфея. Иисус призывает Своих учеников к публичной речи со следующим образным словом:

> И, зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. (Мф 5:15)

В русском языке понятие *módrios* для меры зерна, которое используется в оригинальном греческом языке, переводится как *сосуд*. В немецком языке Мартин Лютер выбрал выражение *Scheffel* (*бушель*), которое в прошлом немецкоязычных стран обозначало общую меру и прибор для измерения зерна и других сыпучих продук-

тов. В 1872 году единица измерения была упразднена, и предмет больше не требовался. До конца XIX века бушель был очень знакомой емкостью, а затем ушел в небытие. Поэтому при пересмотре перевода Лютера в семидесятые годы XX века слово *Scheffel* было заменено другим словом — *Eimer* (*ведро*). Этот, казалось бы, более понятный перевод, однако он вызвал лишь насмешки, поскольку семантически «столкнулся» с другим фразеологизмом, выражающим провал чьего-то намерения, планов, действий и т.п.: „Alles im Eimer" (дословно: «Все в ведре»). Неудачный перевод слова ввел в заблуждение и сделал предметом насмешки новый перевод всего текста, который впоследствии получил название «Ведровый Завет». Сегодня в Библии Лютера снова есть *Scheffel*. Другие контекстуальные синонимы, как, например, *Schüssel* (*чаша*) в переводе *Gute Nachricht* (*Радостная весть*), не были преданы осмеянию, но и не стали популярными. Это показывает, что пословицы, поговорки и другие малые формы обретают широкую распространенность или, напротив, исчезают из сферы употребления из-за взаимодействия содержащихся в них реалий и выражений, используемых для их описания.

Большой резонанс в русской культуре вызвал перевод «Писем апостола Павла» Валентиной Кузнецовой (1998). Не будем приводить всю критику в адрес указанного перевода (ср. Иларион 1999), поскольку это не касается предмета наших размышлений. Однако же остановимся на некоторых местах, непосредственно относящихся к нашему главному вопросу: почему мудрость может потерять свою мудрость. Следующие примеры иллюстрируют разницу между синодальным переводом и новым переводом Кузнецовой.

> О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне. (2-е Кор 11:1) — *Синодальный перевод*
>
> Ах, вам бы потерпеть меня, даже если я немного глуповат! Ну уж потерпите, пожалуйста. (2-е Кор 11:1) — *перевод Кузнецовой*
>
> Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов: «хотя я и невежда в слове, но не в познании. Впрочем мы во всем совершенно известны вам. (2-е Кор 11: 5-6) — *Синодальный перевод*
>
> Я считаю, что ни в чем не уступаю этим самым что ни на есть сверхапостолам. Может, я не мастер говорить, но что касается знания, тут другое дело. (2-е Кор 11: 5-6) — *перевод Кузнецовой*
>
> Еще скажу: не почти кто-нибудь меня неразумным; а если не так, то примите меня, хотя как неразумного, чтобы и мне сколько-нибудь похвалиться. (2-е Кор 11:16) — *Синодальный перевод*

> Повторяю еще раз: не принимайте меня за дурака! А если принимаете, то дайте мне еще немножко побыть дураком и чуть-чуть побахвалиться! (2-е Кор 11:16) — *перевод Кузнецовой*

> Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. (1-е Кор 6:13) — *Синодальный перевод*

> Пища для брюха и брюхо для пищи... И ты часть тела Христа хочешь превратить в тело проститутки? Боже упаси! (1 Кор 6:13) — *перевод Кузнецовой*

Утрата значения еще более серьезна, когда фундаментальные этически-моральные нормы претерпевают изменения, и мудрая речь перестает звучать мудро в связи с социальными и культурными изменениями. «В отличие от просто интеллекта — когнитивной категории — мудрость носит смешанный, этико-гносеологический характер» (Воркачев 2016: 17). Поэтому, когда меняются нравственные понятия, мудрость перестает быть знанием. Но все же в *Притчах* есть стихи, которые переживают все времена и, безусловно, будут существовать до тех пор, пока есть люди:

> Тоска на сердце человека подавляет его, а доброе слово развеселяет его. (Притчи 12:25)

Однако многие вещи сегодня кажутся странными и вызывающие сомнение. Это начинается со стереотипного сопоставления мудрых и глупых, благочестивых и нечестивых, в котором человечество делится на две взаимоисключающие категории (ср. Hausmann 1995: 9–103). В современном обществе некоторые вещи кажутся не только чуждыми, но и даже неприятными и аморальными. *Притчи* являются свидетельством сугубо патриархального общества. В них не обращаются к женщинам, которые не являются действующими субъектами в индивидуальных высказываниях и не являются прямыми адресатами (Hausmann 1995: 105, 148–163). Только в аллегорическом воплощении мудрости как женщины, которая стоит на площадях и улицах и провозглашает свою истину (Притчи 1:20–33), женщина выступает в качестве субъекта, но, еще раз подчеркнем, в данном случае это не настоящая женщина, а всего лишь аллегория, уходящая своими корнями до женского рода еврейского слова *ḥokmāh* (оно также соответствует греческому и другим европейским языкам). В противном случае женщина в книге *Притчи* появляется только в виде «трудолюбивой домохозяйки», которую мужчина должен хвалить, или же она соблазнительница, от которой мужчина должен держаться подальше. В тексте отсутствует прямое отноше-

ние к женщине и четкая дифференциация ее роли едва ли соответствует самооценке женщины в современном обществе. Нужно сказать еще о высказываниях, кажущихся в сегодняшних реалиях совершенно неуместными, особенно в тех притчах, которые касаются воспитания. Проповедник призывает юношу смириться с неизбежностью наказания:

> Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его; ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему (Притчи 3: 11–12).

Наказание рассматривается как неизбежная инициация взрослеющего человека, т.е. как испытание, которое следует достойно преодолеть. Речь идет о божественном наказании. Но видна параллель с воспитанием ребенка в семье: любовь, по мнению автора притч, должна быть сопряжена со строгостью. Такое отношение к детям является традиционным для народной культуры в целом и ярко выражено в педагогике «Домостроя»:

> И не жалей, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. ... Так не дай ему воли в юности, но пройдись по ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой (Домострой, глава 21).

Физическое наказание ребенка считалось не только допустимым, но и необходимым. В качестве основания для такого поведения взята установка — держать ребенка в страхе, и тогда страх перед суровым отцом преобразуется в страх Божий как главный мотив поведения взрослого человека. Фразы из «Домостроя» недвусмысленно говорят нам о том, чего искренне опасается носитель той культуры — неповиновения, ущерба, насмешки и порицания.

Вместе с тем в книге настойчиво повторяется идея о том, что наказание ждет именно тех, кто нарушает законы:

> Злое наказание — уклоняющемуся от пути, и ненавидящий обличение погибнет (Притчи 15:10).

Тот, кто сегодня последует советам по воспитанию детей, изложенных в Притчах, в соответствии с современным действующим законодательством Федеративной Республики Германия может подвергнуться законному преследованию («Закон о запрете насилия в сфере образования» — § 1631/2 Гражданского кодекса Германии).

Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его. (Притчи 13:24)

Мудрость претендует на знание, которое не зависит от времени и пространства, но работает как практическое знание в реальном времени и пространстве и поэтому не может быть «вечным», а подвержена социальным и культурным изменениям, как и вся культура. Слова могут сохраняться тысячелетиями, но через годы, столетия или даже тысячелетия они также могут исчезнуть, стать непонятными, неуместными или даже аморальными. Эта мимолетность в свете вечного может и нашло отражение в самой традиции мудрости. Признание границ мудрости само по себе может быть актом мудрого мышления и говорения. В книге *Притчи* есть, по крайней мере, одна поговорка, в которой выражается непонимание, а мудрец мудр именно потому, что он осознает то, чего не понимает. Познание имеет форму числового афоризма (см. выше):

Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице. (Притчи 30:18–19)

Эта притча вводит мудрость в свои пределы. Есть еще несколько мест, в которых границы мудрости показаны в самой мудрости (von Rad 1985: 131–148). В этих случаях, однако, всегда речь идет об отношении человеческой мудрости к величию Божьему, т.е. человеческому мышлению и рассуждению, и, наконец, мудрость находит свои пределы в воле Божьей.

Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой. Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои. (Притчи 3:5–6)

Нет мудрости, и нет разума, и нет совета вопреки Господу. (Притчи 21:30)

Самоанализ мудрости на протяжении всей истории происходил гораздо более решительно и нашел свое полное выражение в каноне Еврейской Библии в двух впечатляющих книгах — *Иов* и *Екклесиаст*.

Четыре авторитета мудрости

Кто на самом деле гарантирует правду мудрости? И откуда мудрец знает то, что он знает? В различных библейских книгах мудрости всего четыре авторитета: Бог, учитель мудрости, само творение и, наконец, мудрость как личность. Первый авторитет, упомяну-

тый в разных библейских книгах мудрости, — это Бог, ср., например: Псалм 111:10; Притчи 9:10; Иов 28:28 или:

> Господь даёт мудрость; из уст Его — знание и разум. (Притчи 2:6)

В греческих книгах *Премудрость Соломона* и *Премудрость Иисуса, сына Сирахова* Бог является учителем учителя мудрости:

> Только дал бы мне Бог говорить по разумению и достойно мыслить о дарованном, ибо Он есть руководитель к мудрости и исправитель мудрых. (Премудрость Соломона 7:15)

Вторым источником и авторитетом мудрости является сам учитель мудрости. Поскольку мудрость — это эмпирическое знание или, по крайней мере, преподается как эмпирическое знание, а также основана на знании традиции, т.е. учёности, то прототипом мудреца является, как правило, пожилой человек. Сергей Воркачев цитирует испанскую пословицу «Дьявол мудр не потому, что дьявол, а потому, что стар» (Воркачев 2016: 17). В книге *Премудрость Иисуса, сына Сирахова* опыт и ученость выступают характеристиками учителя:

> Только тот, кто посвящает свою душу размышлению о законе Всевышнего, будет искать мудрости всех древних и упражняться в пророчествах: он будет замечать сказания мужей именитых и углубляться в тонкие обороты притчей; будет исследовать сокровенный смысл изречений и заниматься загадками притчей. Он будет проходить служение среди вельмож и являться пред правителем;будет путешествовать по земле чужих народов, ибо испытал доброе и злое между людьми. (Сирах 39:1–5)

Такой учитель может обращаться к правящему дому или ко всей общине (как в Екклесиасте), а также к отдельным людям, в том числе когда учитель выступает в роли отца, обращающего к сыну:

> Сын мой! храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей (Притчи 6:20)

Третий авторитет — это порядок самого творения, который мудрому открывается. Эта мысль особенно чувствуется в египетской мудрости, которая, по крайней мере, повлияла на старые части книги *Притчи*, даже если еврейская вера в Бога исключает автономию самооткрывающегося космоса (von Rad 1985: 100, 199–200). Уверенность, с которой в книге *Притчи* представляется связь между действием и последствиями, хорошим поведением и хорошей судьбой, плохим поведением и плохой судьбой, указывает на идею о ясном и узнаваемом порядке творения, согласно которому мудрец может видеть насквозь. Творение само открывается мудрецу (von Rad 1985:

189–228). Так, например, Бог призывает Иова найти ответы на свои вопросы у творений рук Божьих (Иов 12:7–9). Эта возможность самооткровения есть необходимое условие для того, чтобы порядок мира сам себя мог выражать в форме персонифицированной мудрости. Так, выражение в седьмой главе книги *Притчи* «Говори мудрости: “Ты сестра моя!”, и разум назови родным твоим» (Притчи 7:4) можно понять только метафорически, а в случае, когда мудрость говорит на площадях и на улицах (Притчи 8:1–21), это, возможно, всего лишь аллегория, но аллегория, которая подчеркивает авторитет мудрости. Однако в Древнем Востоке в общественных местах, на перекрестках улиц и возле городских ворот стоят женщины, которые предлагают определенные услуги (Schneider 2011: 35). Именно сюда приходит Хокма, чтобы отговорить мужчин от посещения этих женщин. Однако она также стоит на перекрестке между городом и всем миром, чтобы призвать тех, кто покидает город, не забывать мудрость и добродетель, которые действительны везде и всегда и должны вызывать уважение у всех людей всеми людьми. Поэтому с большим авторитетом мудрость говорит о себе в первом лице, что она была у Господа еще до того, как Он сотворил небо и землю, и что она пришла из вечности и радуется и веселится на земле во все времена (Притчи 8:22–31). Мудрость тем самым выступает как олицетворение порядка творения, через который этот порядок устанавливается. Эта персонифицированная мудрость представляет четвертый тип авторитета мудрости, особенно в греческих писаниях *Премудрость* и *Иисус Сирах*, находящихся под влиянием эллинистического софийского мистицизма (ср. Schneider 2011; см. ниже главу *Олицетворение мудрости: Ḥokmāh, София и Софиология*).

Дыхание ветра на границах мудрости

В книгах *Иов* и *Екклесиаст* критика мудрости, которая проводит границы в пределах самой мудрости, является также критикой первых трех авторитетов мудрости. В книге *Иов* это начинается со скрытой критики Божьей авторитетности. Благочестивый и богатый Иов становится жертвой пари между Богом и дьяволом о том, могут ли страдания уничтожить благочестие благочестивых (Иов 1, 6–12). Возникает вопрос: почему Бог вступает в такое пари, чтобы познать истину, которую он уже знает, и почему он нарушает свой собствен-

ный порядок? Ибо страдания, которые Иов должен пережить, не заслужены и не соответствуют его поступкам. Половина книги состоит из речей друзей Иова, которые защищают Бога как учителя мудрости и порядок его творения (Иов 4–27, 32–37). В ответах Иова ставится под сомнение авторитет учителей, которые думают, что точно знают порядок творения и действия Бога, и поэтому могут учить своего друга. А мнимый порядок и справедливость Божья ставятся под сомнение, когда Иов ропщет на Бога, настаивая в своих ответах на своем праве и признавая свои страдания несправедливыми и необъяснимыми. В ответе, который Бог дает в конце книги Иову, подтверждается именно это познание ненадежности якобы причинно-следственной связи между поступками и их последствиями. В каскаде риторических вопросов Бог заявляет, что ни один вопрошающий не может познать до конца порядок мира и Божью справедливость: «[Г]де был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь» (Иов 38:4).

В книге *Екклесиаст* скепсис относительно познавательной силы мудрости становится преобладающей тенденцией. Принципиальная правильность жизненных правил не отрицается, но убеждение, что они являются надёжным знанием, подвергается сомнению из-за простого жизненного опыта. Поэтому «Екклесиаст» говорит в форме первого лица:

> Сказал я в сердце моем: «дай, испытаю я тебя весельем, и насладись добром»; но и это — суета! (Екклесиаст 2:1)

Таким образом, мудрость как знание окончательно превращается в мудрость как познание границ знания, что выражается в парадоксальных утверждениях и в часто употребляемых отрицательных конструкциях, а также в вопросах:

> Все реки текут в море, но море не переполняется. (Екклесиаст 1:7)
>
> Все вещи — в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. (Екклесиаст 1:8)
>
> Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать. (Екклесиаст 1:15)
>
> Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю? (Екклесиаст 3:21)
>
> Смотри на действование Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым? (Екклесиаст 7:13)

Екклесиаст «парадоксален во многих отношениях, являясь частью Библии, он во многом противоречит фундаментальным биб-

лейским догматам. Проповедник восхваляет мудрость как главную добродетель человека и констатирует, что нам не дано понять жизнь, говорит о праве наслаждаться жизнью и напоминает о бесполезности усилий, направленных на изменение обстоятельств, призывает вести себя благоразумно и повторяет о неумолимой смерти и неизбежном забвении» (Карасик 2010: 238–239). Подобное наблюдение мнимой противоречивости книги и ее, как кажется на первый взгляд, несозвучности всей Библии было сделано не впервые. Уже в еврейской рецепции книга была спорной. На пороге I века до н.э. — I века н.э. влиятельный учитель мудрости Шаммай выступил против включения Екклесиаста в канон Священного Писания, в то время как не менее авторитетный Хиллель выступал за это (Witte 2006: 10). В христианстве окончательное воцерковление книги считается заслугой Святого Иеронима, переводчика *Вульгаты* на рубеже четвертого и пятого веков. В протестантизме Мартин Лютер включил книгу Екклесиаст, которую он именовал *Проповедником*, в свое учение о святости светской работы и повседневной жизни, чтобы преодолеть восприятие книги как выражения мрачного чувства бессмысленности, провоцируемого первой ее фразой (ср. Michel 1988: 116–122).

То, что бросается в глаза, — это колебание Екклесиаста между восхвалением мудрости и отрицанием ее в качестве надёжного знания, но именно в этом состоит специфика этой разновидности языка мудрости, которая в рамках Ветхого завета представляет собой также критику доминирующего направления мудрости как знания правил жизни. Маркус Заур называет Екклесиаст «античным деконструктивистом»: Он «тем, которые думают, что они должны большими системами определить мир, противопоставляет свое наблюдение, что все переходит и ничего остается» (Saur 2012: 120 — пер. с нем.: Х. К.).

Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета! (Екклесиаст 1:2)

Или в буквальном переводе ключевого слова *hevel* (הבל), т.е. *ветер* или *дыхание ветра*:

Ветер ветров сует, сказал Кохелет, ветер ветров, — все ветер!

Как «деконструктивист» Екклесиаст не просто отрицает мудрость, он показывает ее пределы, которые являются как эпистемическими, так и социальными. Не только для «глупцов», но и для всех людей (Michel 1989: 11), невозможно познать и постичь все в мире; прежде всего, невозможно признать правила, согласно которым по-

следствия человеческой деятельности могут быть предсказаны с уверенностью, чтобы быть успешными в жизни, так как «реальная, длительная, гарантированная "прибыль" (*jitrôn*) предполагает прозрение всех возможностей», и именно это невозможно. Екклесиаст «поэтому является эпистемологическим скептиком» (Michel 1989: 7– пер. с нем.: Х. К.). Скептицизм в отношении производного от бытия, как это происходит при многочисленных сравнениях в Притчах, также вытекает из наблюдения за фактической социальной и политической жизнью, которая разрушает мудрость мудрых.

> Слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели крик властелина между глупыми. Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго. (Екклесиаст 9:17–18)

Мудрость не признает природных потребностей, когда она извлекает должное из сущего, но рекурсивно показывает, что должно быть дано, чтобы связь между бытием и тем, что должно быть, могла быть стабильной. «Стабильные социальные условия [...] являются основной предпосылкой функционирования связи между хорошим поведением и благосостоянием» (Klein 1994: 198 – пер. с нем.: Х. К.). Если, однако, должное не выполняется, то мудрое правило взаимоотношений между действием и последствием не может быть обращено вспять, и даже может произойти обратное. Это понимание Екклесиаста, возможно, также является реакцией на культурную и социальную среду своего времени. «Исторические изменения эллинистической эпохи и их последствия в истории мысли требуют тем самым фундаментальное переосмысление отношений между Богом, человеком и мировым порядком. Либо в противоборстве, в ориентации на традиционную, т.е. специфически еврейскую мысль, либо как попытка синтезировать традицию с духом времени. Екклесиаст — один из самых выдающихся представителей второго пути. Подбирая и изменяя данные жанры мудрой речи, опираясь на общие убеждения, насколько они еще существуют, и продолжая их, он начинает критическую беседу со своей традицией» (Klein 1994: 199 — пер. с нем.: Х. К.).

Этот разговор с традицией в изменившихся условиях начинается в первых предложениях книги с метафоры. С точки зрения Екклесиаста, «все в мире — *дыхание ветра* (הבל, *hevel*)». Нет сомнений в том, что это высказывание содержит в себе какой-то негативный смысл, но что именно подразумевается? В истории европейских переводов были даны разные ответы, некоторые из которых несколько расхо-

дятся со смыслом метафоры и определенным образом интерпретируют скептицизм Екклесиаста: Как вопрос о смысле жизни или о том, имеет ли жизнь смысл вообще (Карасик 2010: 237–248).

В каноническом (синодальном) русском переводе вместо *ветер* мы читаем о *суете*: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует — всё суета!» (Еккл. 1:2). Этим переводом смысл проповеди фокусируется на бессмысленности человеческой жизни, а в оригинале акцент лежит, скорее всего, на быстрой перемене времени, на том, что жизнь со всеми ее стараниями и страданиями быстро проходит. Подобный плач также часто встречается в псалмах (Псалмы 39:5–7. 90:5–12. 94:11. 102:12. 103:14–16), и из него возможно заключить бессмысленность всего сущего, но утверждение, что все бессмысленно, и наблюдение, что все — только ветер, который быстро уходит, — не тождественны.

Подобные разночтения при переводе метафоры «дыхание ветра» имеет долгую историю и весьма широко распространена в других европейских языках, в том числе в английском и в немецком. Синодальный перевод соответствует переводу церковнославянской (Елизаветинской) Библии, где читаем: «Соуета соуетствїй, рече єкклесїастъ, соуета соуетствїй, всѧчєскаѧ соуета.» В греческой *Септуагинте* плач Екклесиаста переводится как «Ματαιότης ματαιοτήτων», т.е. дословно «Суетности суетностей» или же «Суета сует». В латинской *Vulgata* им соответствует «Vanitas vanitatum», что отражается также в каноническом переводе Англиканской церкви *King James Bible* во всех версиях, начиная с 1611 года, а также в *English Standard Version* 2001 года: «Vanity of vanities, saith the Preacher, vanity of vanities; all is vanity».

В переводе на простой современный язык так называемой *Good News Bible* сегодня уже не совсем понятное слово *vanity* заменено однозначным существительным *nonsense* и общеупотребительной фразой *nothing makes sense*: «Everything is nonsense. I have seen it all — nothing makes sense!» Этот перевод легко воспринимаемый, но смысл исходного текста ограничивается единственно возможным толкованием.

Мартин Лютер в свое время выбрал слово *eitel*, значение которого тогда было ничтожно, бессмысленно: «Es ist alles ganz eitel, sprach der Prediger, es ist alles ganz eitel». Эта в немецкой литературной традиции знаменитая фраза стала неизменной и в последней обработке в 2017 году. Переводчики другой распространенной в немецкоязыч-

ных протестантских церквях *Эльберфельдской Библии*, которая возникла в середине девятнадцатого века в маленьком городе Эльберфельд (ныне часть города Вупперталь), вернулись к существительному, но корень *eitel* остался: «Eitelkeit der Eitelkeiten! Spricht der Prediger; Eitelkeit der Eitelkeiten! Alles ist Eitelkeit». Однако поскольку *Eitelkeit* в сегодняшнем немецком языке обозначает скорее *тщеславие*, при обновлении текста 2006 года это слово было заменено более однозначным выражением *Nichtigkeit* (ничтожество): «Nichtigkeit der Nichtigkeiten! — spricht der Prediger; Nichtigkeit der Nichtigkeiten, alles ist Nichtigkeit!». Подобный перевод недвусмыслен и понятен, однако значение переходности и мимолетности теряется, что все-таки нельзя сказать о вышеназваных переводах в русской традиции и Лютера. В самом деле, несмотря на силу переводческой традиции, различие между еврейским источником и его переводами очевидно, заметно. Выходом из сложившейся ситуации стал перевод еврейского *hevel* двумя словами. Стандартный перевод реформатской церкви в Швейцарии — *Zürcher Bibel*, где имя библейского проповедника и мудреца дано по-еврейски *Кохелет*, предлагает конструкцию *nichtig und flüchtig*, т.е. *ничтожно и мимолетно*: «Nichtig und flüchtig, sprach Kohelet, nichtig und flüchtig, alles ist nichtig». В *Gute Nachricht Bibel* (Библия Радостная весть), которая является переводом Библии на современный разговорный язык, выбран подобный подход. По образу известных переводов *Good News Bible* и *The Living Bible* текст должен быть максимально понятным современному читателю, и в самом деле переводчики нашли общеупотребительные слова для раскрытия смысла Екклесиаста современному миру: «Vergeblich und vergänglich!, pflegte derLehrerzu sagen. Vergeblich und vergänglich! Alles ist vergebliche Mühe». Если перевести указанный перевод на русский язык, то получится: «Напрасно и бренно! — говорил учитель. Напрасно и бренно! Все — напрасное усилие». Этот перевод в нескольких выражениях передает три значения метафоры «дыхание ветра», содержащихся в книге *Екклесиаст*: все — ничтожно, все — преходящее, все усилия ни к чему не приводят. Конечно, поэтическая сила ветхозаветной проповеди при этом теряется. Она может сохраняться при дословном переводе, т.е. при сохранении самой метафоры. Такой путь выбран в каноническом переводе для католической церкви в Германии, который именуется *Einheitsübersetzung* (Единый перевод). И в первой версии 1980 года, и в обработке 2016 года перевод дословный: «Windhauch, Windhauch, sagte Kohelet,

Windhauch, Windhauch, das ist alles Windhauch» — «Ветер, ветер, говорил Кохелет, ветер, ветер, все это ветер». В данном случае читатель должен сам интерпретировать, что имеется в виду под метафорой «дыхание ветра».

Сохранение метафоры в переводе лишает фразу однозначности, в особенности когда, как в этом случае, метафора чужда языковой картине мира иного языка, на который она переводится. Однако сохранить метафору «дыхание ветра» имеет смысл и для нынешнего понимания, потому что в ней скрыта полнота мудрости, которую стремится выразить и сохранить Екклесиаст. Скептицизм Екклесиаста означает не только то, что все «бессмысленно» и «пусто», и не только то, что все «мимолетно», но прежде всего то, что все «неясно» и «непредсказуемо», как дыхание ветра, направление и сила которого не могут быть рассчитаны заранее. Ветер дует иногда так, а иногда и эдак, и невозможно сказать, почему и где. Ветер изменчив, непостоянен, не имеет исчислимой причинно-следственной связи, в отличие от мудрости как знание правил, он не имеет ни Потому, ни Почему и ни Куда. С помощью этой метафоры Екклесиаст вступает в диалог с мудростью, как с расчетливым знанием правил, и ведет этот путь к своим пределам, пока, наконец, не останется одно знание: наслаждаться хорошими днями.

Когда Екклесиаст таким образом доводит мудрость до ее границ, где ощущается только дыхание ветра, то из этого не следует, однако, что он отворачивается от нравственности и веры в Бога, которая так глубоко заключена в мудрости изречений. То, что люди достигают предела мудрости, даже проявляется как воля Божья.

> Смотри на действование Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым? Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него. (Екклесиаст 7:13–14)

Отрицается не нравственность мудрости, а обещание хорошей судьбы, основанное на нравственно правильном поведении. Нравственность становится внутренне присущей, т.е. хорошо ли дело или плохо, не зависит от того, извлекает ли действующий выгоду из своих действий или нет (см. Карасик 2010: 246). Об этом свидетельствуют, например, высказывания в конструкциях *Лучше-чем*, которых в Екклесиасте не менее 29 (Klein 1994: 97–105).

> Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа. (Екклесиаст 4)

Лучше видеть глазами, нежели бродить душею. И это — также суета и томление духа! (Екклесиаст 6:9)

Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти — дня рождения. (Екклесиаст 7:1)

Конец дела лучше начала его; терпеливый лучше высокомерного. (Екклесиаст 7:8)

Кто находится между живыми, тому есть ещё надежда, так как и псу живому лучше, нежели мёртвому льву. (Екклесиаст 9:4)

Когда утверждение является обоснованным, обоснование направлено на внутреннюю ценность, а не на прибыль:

Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. (Екклесиаст 7:3)

Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых; потому что смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом. И это — суета! (Екклесиаст 7:5–6)

Резюме: Составляющие ветхозаветной мудрости

• Мудрость встречается в Библии в многочисленных книгах и собрана в истории Ветхого Завета в собственных книгах. Их можно найти как в Еврейском Танахе, так и в тех частях, которые находятся только в Греческой Септуагинте. Книги мудрости в Танахе — это *Притчи*, *Иов* и *Екклесиаст*, в Септуагинте — *Товит*, *Премудрость Соломона* и *Иисус Сирах*.

• Тексты мудрости написаны в течение длительного времени, частично взаимосвязаны и находятся под влиянием окружающей их культурной среды и древних традиций: от мудрости древнего Востока в книге *Притчи* до эллинизма в Екклесиасте и книгах Септуагинты.

• В древнейших частях мудрости в Библии, особенно в книге *Притчи*, мудрость — это знание связи между правильным действием и хорошей судьбой и неправильным действием и плохой судьбой. Хорошее и плохое, правильное и неправильное поведение, мудрецы и глупцы и так далее четко различаются. В более поздних текстах, особенно в Иове и Екклесиасте, эта четкая связь между делом и судьбой отрицается, а мудрость доводится до предела знаний.

• Знание мудрости о собственных ограничениях не подразумевает релятивизации морали, содержащейся в мудрости. Нравствен-

ность становится скорее внутренней, т.е. добро само по себе является добром и должно совершаться ради него, а не потому, что оно обещает выгоду.

• Библейская мудрость знает четыре авторитета: Бог, учитель мудрости, порядок самого творения и персонализированный порядок творения, который как лицо был с Богом в начале творения и обращается к человеку и провозглашает порядок творения и нормы правильного поведения. Персонифицированная мудрость уже появляется в книге *Притчи*, но приобретает особое значение в книгах Септуагинты, Премудрость и Иисус Сирах, находящихся под эллинистическим влиянием. В критике мудрости в книгах *Иов* и *Екклесиаст* ставится под сомнение авторитет первых трех авторитетов мудрости, особенно второго и третьего.

• Формы мудрости от книги *Притчи* до книг мудрости в Септуагинте варьируются от притч до повествовательных кратких форм. Мудрость проявляется как прямая и косвенная речь. Заявления и наставления могут быть обоснованными и принимать различные поэтические формы, такие как повторение слов и предложений (*Parallelismus membrorum*), сопоставление и сравнение, метафора и каламбур, загадка и риторический вопрос. На границах мудрости особенно распространены отрицание и противительные конструкции.

2 Осмысление мудрости в поучениях Бен Сиры

Книга *Премудрость Бен Сиры* или, с его греческим именем, *Иисуса, сына Елеазара, сына Сираха* (Иисус Сирах 50:27, 51:30), называется по-гречески *Премудрость Сираха* (*Σοφία Σείράχ*). В русском синодальном переводе оба были объединены, так что здесь полное название — *Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова*. В Библии Лютера она называется *Иисус Сирах*. В латинской Библии, с другой стороны, книга известна как *Ecclesiasticus*. Таким образом, еврейское и греческое названия, а также зависящие от них названия на русском и немецком языках содержат настоящее имя автора, в то время как латинское название делает ссылку на книгу *Екклесиаст*.

Одно только это разнообразие названий говорит о характере книги. Можно ли предположить, что *Сирах* в действительности зависит от *Екклесиаста*, является сегодня спорным (Michel 1988: 108–111), но с точки зрения содержания вполне возможно, что книга, как и *Премудрость Соломона*, является реакцией на скептицизм *Екклесиаста*. Многочисленные отрывки показывают диалог с Книгой Екклесиаста или с мыслью, выраженной в ней. Если Екклесиаст был написан, вероятно, в середине III в. до н.э., то указания в предисловии и в 50-ой главе Иисуса Сирах (Иисус Сирах 50, 27; Сирах 50:29) позволяют сделать вывод, что эта книга была написана в Иерусалиме между 170 и 180 гг. до н.э. Поражают параллели между *Сирахом* и Книгой *Притч*. Однако в Сирахе связь между поступком и судьбой менее выражена, а структура книги более систематизирована по темам. Тем не менее Иисус Сирах также не является системным трактатом, а собрание нравоучительных изречений, перемежающихся с молитвенными обращениями к Всевышнему и восхвалениями мудрости как высшей ценности жизни. Таким образом книга представляет собой компендиум сформулированных норм поведения, с одной стороны, и выражение поэтической проповеди, с другой стороны, и нельзя не отметить, что она отличается определённой алогичностью: автор говорит об одном, затем о другом, и возникает впечатление некоторой мозаичности изложения материала (Рождественский, 1911). Но возможно, подобная мозаичность была намеренно избрана автором как способ воздействия на слушателя и читателя: так построены многие тексты такого жанра, возникает смысловая магма, в которой всё связано со всем, и таким образом образуется

множество ассоциаций, которых бы не было при логическом упорядочении советов и наставлений в виде некоторого кодекса.

Староеврейская мудрость в контексте эллинистизма

Особенность *Сираха* в том, что книга представляет традиционные идеи в современном контексте и пытается объединить эллинистические идеи с еврейскими библейскими преданиями. В предисловии особенно заметно, что по крайней мере внук и переводчик Иисуса Сираха знает о различиях между языками и культурными традициями. Он утверждает, что читать текст на еврейском или в переводе на греческий язык — это не одно и то же, и что некоторые выражения могут быть переводены только неудовлетворительно. Он также говорит, что провел некоторое время в Египте, в центре эллинистической еврейской культуры того времени, и что он сделал свой перевод для этой культурной области. Отмечено, что и дальнейшие переводы этого текста с древних времён в определённой мере отличаются друг от друга, поскольку переводчики вносили редакторскую правку в исходный вариант. Однако, этим мы в следующем не будем заниматься. Важнее для нас, что вопрос о том, как древнее знание мудрости может быть перенесено в настоящее время и как оно может быть сохранено в переводе с одного языка на другой и из одной культурной традиции в новую культурную среду, уже поставлен в самой книге *Сираха*. Поэтому она особенно подходит для того, чтобы задаться вопросом о его непреходящем значении в наше время.

Суть мудрости

Нормы поведения в рассматриваемом тексте тесно взаимосвязаны и подчинены общей идее праведной жизни в соответствии с божественными заповедями, сформулированными в Библии, с одной стороны, и правилами разумного достойного поведения, с другой стороны. В первой главе «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова» определяется ключевой концепт этических норм праведника — премудрость:

Всякая премудрость от Господа и с Ним пребывает вовек (1: 1); Прежде всего произошла Премудрость, и разумение мудрости от века (1: 4); Источник премудрости слово Бога Всевышнего, и шествие ее вечные заповеди (1:5).

Так как в Притчах 1:7 или Псалом 111:10 в основе премудрости лежит Страх Господень, эта идея уточняется и повторяется в тексте:

Начало премудрости бояться Бога, и с верными она образуется вместе во чреве (1:15); Полнота премудрости бояться Господа; она напояет их от плодов своих (1: 16); Венец премудрости страх Господень, произращающий мир и невредимое здравие (1: 18); Корень премудрости бояться Господа, а ветви ее — долгоденствие (1:20).

Этот страх специфичен: он рождается вместе с появлением на свет, он предохраняет людей от совершения дурных поступков, и те, кто живёт с таким трепетом, получают мир, здоровье и долголетие. Перед нами первоначальное обоснование ценностей.

Пороки человека

В начале книги поучений названы основные пороки, представляющие собой грех, т.е. отступление от норм праведного поведения — несправедливый гнев, лукавство и гордыня:

Не может быть оправдан несправедливый гнев, ибо самое движение гнева есть падение для человека (1: 22); Не лицемерь пред устами других и будь внимателен к устам твоим (1: 29); Не возноси себя, чтобы не упасть и не навлечь бесчестия на душу твою, ибо Господь откроет тайны твои и уничижит тебя среди собрания за то, что ты не приступил искренно к страху Господню, и сердце твое полно лукавства (1: 30).

Заметим, что в отличие от Декалога в поучениях Бен Сиры названы не юридические, а моральные нарушения норм поведения. Почему первым из пороков назван гнев? В этом эмоциональном состоянии человек теряет контроль над собой и может причинить другим людям боль. Потеря самоконтроля есть падение для человека, т.е. утрата статуса венца творения. Вторым осуждаемым качеством является лицемерие, т.е. лукавство, стремление обмануть других и Бога. Этот грех способны проявить только те, кто контролирует себя, но хочет добиться корыстной выгоды нечестным путём. Лукавство сопряжено с завышенной самооценкой, гордыней, в основе которой лежит неуважение к людям и Создателю. Не случайно именно гордыня наиболее строго осуждается во многих вероучениях как сатанинское искушение. Этот грех угрожает не всем: тем, кто не контро-

лирует себя и буйствует, как в безумии, не до завышенной самооценки, и не каждый лицемер в душе считает себя выше других, но этому подвержены те, кто чувствует, что обладает большими способностями. Соответственно, наказание за гнев — потеря человеческого облика и дальнейший мучительный стыд, за лицемерие разоблачение и позор среди людей, за гордыню — падение и унижение.

Далее говорится о необходимости приготовиться к искушению и выработать у себя долготерпение. Сурово осуждается малодушие:

Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным и грешнику, ходящему по двум стезям! (2: 12); Горе сердцу расслабленному! ибо оно не верует, и за то не будет защищено (2: 13); Горе вам, потерявшим терпение! что будете вы делать, когда Господь посетит? (2: 14).

Для религиозного моралиста принципиально важно противопоставить страх Божий и боязнь человеческую. Страх Божий наполняет сердце трепетом перед Создателем, ощущением чуда и ужаса одновременно. Для обозначения этого состояния немецкий теолог Р. Отто воспользовался латинским концептом *numen* — «могущественная божественная сила», отсюда нуминозное — это религиозный опыт, связанный «с интенсивным переживанием таинственного и устрашающего божественного присутствия» (Забияко 1998: 101). Этому возвышенному чувству противопоставлен тот страх за свою жизнь, который обусловлен слабостью и безверием. Чудесное противопоставлено тварному. Резко осуждается безволие, сопряжённое с неверием и внешне выражающееся в нетерпении.

Заповеди, советы и предупреждения

В книге комментируется заповедь почитания родителей. Представляют интерес не формулировки исходного предписания, а их обоснования:

Почитающий отца будет иметь радость от детей своих и в день молитвы своей будет услышан (3: 5); Делом и словом почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословение от них, (3: 8); ибо благословение отца утверждает домы детей, а клятва матери разрушает до основания (3: 9).

Радость от детей даруется только тому, кто уважает своих родителей. В этой этической формуле сжато изложены основы не только семейного, но и государственного благополучия: почитать родителей — почитать свое прошлое. Обратим внимание на важное до-

полнение: тот, кто не уважает своих родителей, не будет услышан Создателем. Заслуживает внимания указание на священные родительские действия — благословение и проклятие. Утверждение дома — метонимическое обозначение благоденствия всему роду, а разрушение дома — уничтожение рода: человек, проклятый родителями, не имеет будущего.

Здесь же содержится совет придерживаться золотой середины в освоении и осмыслении мира (перекличка с Аристотелем) :

Чрез меру трудного для тебя не ищи, и, что свыше сил твоих, того не испытывай (3: 21); Что заповедано тебе, о том размышляй; ибо не нужно тебе, что сокрыто (3: 22); При многих занятиях твоих, о лишнем не заботься: тебе открыто очень много из человеческого знания (3: 23).

Можно трактовать эти советы в утилитарно-практическом ключе, но есть и более глубокий моральный смысл в этих предписаниях: поиск чрезмерно трудного свидетельствует о неадекватной трудностям самооценке, т.е. о гордыне, это же относится и к стремлению преждевременно найти скрытое.

Щедрость является необходимым условием праведного поведения:

Сын мой! не отказывай в пропитании нищему и не утомляй ожиданием очей нуждающихся (4: 1); не опечаль души алчущей и не огорчай человека в его скудости (4: 2); спасай обижаемого от руки обижающего и не будь малодушен, когда судишь (4: 9).

Ситуация наставлений конкретизируется: мы видим, что в качестве носителя мудрости выступает человек, занимающий высокое положение, имеющий определённое богатство и опыт судьи. Его речь адресована наследнику. В данном случае помощь нищему не сводится к милостыне, но предполагает некую более стабильную поддержку. Нуждающиеся ждут решения этого человека, и он понимает, что нельзя затягивать принятие решения. Этот опытный и мудрый правитель имеет полномочия спасать притесняемых.

В Книге премудрости Бен Сиры обсуждаются очень тонкие нюансы поведения:

...есть стыд, ведущий ко греху, и есть стыд — слава и благодать (4: 25).

Вероятно, имеются в виду ситуации, когда принимающий решение может выглядеть странно в глазах людей своего круга, и возникает соблазн поступить по принятому канону и сохранить репутацию. С другой стороны, есть стыд, заставляющий принять решение по зову совести. Хорошо известно речение о том, что слово — серебро, а молчание — золото, но мудрец напоминает:

Не удерживай слова, когда оно может помочь (4: 27).

Этот текст точно соответствует словам Конфуция:

Когда нужно говорить и не говорят, теряют людей. Когда не нужно говорить и говорят, теряют слова. Мудрый не теряет людей, не теряет слов (Луньюй, 15: 8).

Вряд ли мудрость Конфуция была известна в Ближневосточном ареале во втором веке до н.э. Такое совпадение свидетельствует об универсальности этических норм. Обратим внимание на чеканность формулировок Бен Сиры:

Да не будет рука твоя распростертою к принятию и сжатою при отдании (4: 35).

Заслуживает внимания предостережение, адресованное дерзким людям:

Не говори: «я грешил, и что мне было?», ибо Господь долготерпелив (5: 4).

Насмешка над раскаянием — типичное проявление гордыни. Мудрец напоминает о неизбежности Божьей кары. Обратим внимание на неоспоримые высказывания о дружбе:

Если хочешь приобрести друга, приобретай его по испытании и не скоро вверяйся ему (6: 7); Бывает друг в нужное для него время, и не останется с тобой в день скорби твоей (6: 8); Отдаляйся от врагов твоих и будь осмотрителен с друзьями твоими (6: 13); Верный друг крепкая защита: кто нашел его, нашел сокровище (6: 14).

Признавая, что верный друг — это великая ценность, носитель мудрости призывает к осмотрительности в выборе друзей и напоминает о возможности предательства. Заметим, что врагами здесь названы не противники на поле боя, а соперники и недоброжелатели.

Отношение к власти и славе — особый предмет поучений:

Не проси у Господа власти, и у царя почетного места (7: 4); Не оправдывай себя пред Господом, и не мудрствуй пред царем (7: 5); Не домогайся сделаться судьею, чтобы не оказаться тебе бессильным сокрушить неправду, чтобы не убояться когда-либо лица сильного и не положить тени на правоту твою (7: 6); Не греши против городского общества, и не роняй себя пред народом (7: 7).

Праведник не должен стремиться к власти и приближаться к сильным мира сего. Заметим, что причины такого поведения представляются очевидными, в то время как рекомендация не становиться судьей требует объяснения: перечисляются типичные опасности, свойственные этой должности — бессилие против неправды, угрозы со стороны правителей и поступки против собственной совести. Думается, что за два тысячелетия ситуация во многих странах мира

вряд ли изменилась в лучшую сторону. Она может меняться только там, где верховенство права, правовое государство и разделение ветвей власти являются реальностью. Конечно, Бен Сир еще не мог знать эти фундаментальные государственные ценности, но, к сожалению, они и сегодня неизвестны и внутренне чужды многочисленным современным представителям власти. Заслуживает внимания поучение, в котором даны советы относительно поведения праведника по отношению к обществу. Имеется в виду та часть общества, которая влияет на выборы или формирование общественного мнения. Моралист рекомендует не обманывать народ, но и не терять себя перед ним, добиваясь популярности. Можно сравнить эти поучения с известными строками Р. Киплинга в стихотворении «Заповедь»:

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой

(Перевод М. Лозинского).

Тот факт, что назидания мудрецов не теряют своей актуальности, свидетельствует о важности повторения этих норм и типичности их нарушения на протяжении многих веков.

В книге подчеркивается необходимость соблюдения норм сдержанности:

> Не спорь с человеком, дерзким на язык, и не подкладывай дров на огонь его (8: 4); Не шути с невеждою, чтобы не подверглись бесчестию твои предки (8: 5); Не радуйся смерти человека, хотя бы он был самый враждебный тебе: помни, что все мы умрем (8: 8).

Есть люди, для которых любой спор — удовольствие. Нельзя не отметить психологической точности этих рекомендаций. В наши дни подобные советы повторяются в сниженной юмористической формулировке: *I learned long ago, never to wrestle with a pig. You get dirty, and besides, the pig likes it (G.B. Shaw) — Я давно усвоил, что не нужно бороться с поросёнком. Ты весь испачкаешься, а кроме того, поросёнку это нравится.* Шутки с невеждой опасны, поскольку он в силу своего невежества может допустить оскорбительные выпады против тех, чьи имена для тебя святы. Очень важен запрет на выражение радости по поводу смерти врага: понятно, что речь идёт не о победе над врагом, а о смерти как естественном стечении обстоятельств.

К числу важнейших достоинств мудреца относится способность прощать нанесённый вред:

> Прости ближнему твоему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои (28: 2).

Сравним английский вариант:

> Forgive your neighbour the wrong he has done, and then your sins will be pardoned when you pray.

Обида в данном случае — это вред. Обратим внимание на то, что прощение ближнему даётся не после его признания в своей неправоте, но и без такого признания, в то время как для получения прощения от Бога необходима молитва — без молитвы прощение, как следует из этого речения, не будет дано.

Социальные отношения и нормы

В ряде случаев Бен Сира формулирует тезисы, с которыми вряд ли будут спорить современные экономисты, культурологи и социологи:

> Владычество переходит от народа к народу по причине несправедливости, обид и любостяжания (10: 8).

Английский вариант проще и точнее:

> Sovereignty passes from nation to nation on account of injustice and insolence and wealth (insolence — высокомерная наглость, wealth — богатство).

Признавая тесную связь между несправедливым устройством мира, концентрацией богатства в руках немногих и презрительным отношением хозяев жизни ко всем остальным, автор недвусмысленно осуждает такое положение дел.

Полезные советы Бен Сиры актуальны и сегодня для каждого из нас:

> Сын мой! не берись за множество дел: при множестве дел не останешься без вины. И если будешь гнаться за ними, не достигнешь, и, убегая, не уйдешь (11: 10); Не будь навязчив, чтобы не оттолкнули тебя, и не слишком удаляйся, чтобы не забыли о тебе (13: 13); Поучающий глупогото же, что склеивающий черепки или пробуждающий спящего от глубокого сна (22: 7).

Эти назидания относятся к трезвой самооценке в планировании дел, поддержании дружеских отношений и общении с учениками.

Интересны выделенные моралистом типажи, которые служат примером добра и зла:

> Тремя я украсилась и стала прекрасною пред Господом и людьми: (25: 1); это единомыслие между братьями и любовь между ближними, и жена и муж, согласно живущие между собою (25: 2); И три рода людей возненавидела душа моя, и очень отвратительна для меня жизнь их: (25: 3); надменного нищего, лживого богача и старика-прелюбодея, ослабевающего в рассудке (25: 4).

Сравним с английским переводом:

> I take pleasure in three things, and they are beautiful in the sight of God and of mortals: agreement among brothers and sisters, friendship among neighbors, and a wife and a husband who live in harmony. I hate three kinds of people, and I loathe their manner of life: a pauper who boasts, a rich person who lies, and an old fool who commits adultery.

Уточняются наименования отношений — согласие между братьями и сёстрами, дружба между ближними, гармония между супругами, с одной стороны, и хвастовство нищего, лживость богатого и развратность старика, с другой стороны. Примеры братских, добрососедских и гармоничных отношений между людьми представляются самоочевидными, но почему в качестве иллюстрации порочного поведения выбраны хвастовство, лживость и развратность? Вероятно, перед нами раскрываются типы противоестественного поведения: хвастать плохо, но тем более, если хвастун нищ, лгать не следует, лживый богач ставит под сомнение справедливость вознаграждения, а развратный старик (по-английски сказано жёстко — *старый дурак*) компрометирует идею любви. При кажущейся разнородности этого противопоставления я бы подчеркнул в нём естественность примеров блага и противоприродный характер зла.

Заслуживает комментария перечень того, чего следует стыдиться:

> Стыдитесь пред отцом и матерью блуда, пред начальником и властелином-лжи; (41: 21); пред судьею и князем преступления, пред собранием и народом беззакония; (41: 22); пред товарищем и другом неправды, пред соседями кражи: (41: 23); стыдитесь сего и пред истиною Бога и завета Его. Стыдись и облокачивания на стол, обмана при займе и отдаче; (41: 24); стыдись молчания пред приветствующими, смотрения на распутную женщину, отвращения лица от родственника, (41: 25); отнятия доли и дара, помысла на замужнюю женщину, ухаживания за своею служанкою, (41: 26); и не подходи к постели ее; (41: 27); пред друзьями стыдись слов укорительных, и после того, как ты дал, не попрекай, (41: 28); повторения слухов и разглашения слов тайных. И будешь истинно стыдлив и приобретешь благорасположение всякого человека (41: 29).

Перед нами развёрнутый список грехов и нарушений принятых норм и обыкновений. В этом списке соседствуют разнородные поступки. Но интересен принцип соотнесения запрета и ситуации, в которой этот запрет является значимым. Указаны те, перед кем нужно стыдиться — родители, начальство, судьи, сообщество, друзья и соседи. В качестве базовых грехов названы блуд, ложь, преступление, беззаконие, неправда и кража. Сравним с более точными английскими наименованиями:

> Be ashamed of sexual immorality, before your father or mother; and of a lie, before a prince or a ruler; of a crime, before a judge or magistrate; and of a breach of the law, before the congregation and the people; of unjust dealing, before your partner or your friend; and of theft, in the place where you live.

Отметим тонкие различия: ложь перед начальником (по сути дела, очковтирательство) и нечестное поведение с другом или партнёром; преступление, которое рассматривает суд, и нарушение закона или традиции, за которое нужно отвечать перед всем сообществом. Удивляет сопоставление нарушения клятвы и облокачивания на стол, но, вероятно, локти на обеденном столе считались признаком непростительного неуважения к ритуалу принятия пищи. В некоторых сообществах этот ритуальный момент актуален и сегодня. В этом же ряду фигурируют отсутствие ответного приветствия, прямой взгляд на проститутку, игнорирование просьбы со стороны родственника, отнятие чьей-либо доли, непозволительное рассматривание чужой жены, приставание к служанке (морализатор переходит на окрик — «*Не подходи к постели её!*»), грубые слова в адрес друзей, и особенно оскорбления после вручения подарков, распространение сплетен и разглашение секретов. Сравним с английским текстом:

> Be ashamed of breaking an oath or agreement, and of leaning on your elbow at meals; of surliness in receiving or giving, and of silence, before those who greet you; of looking at a prostitute, and of rejecting the appeal of a relative; of taking away someone's portion or gift, and of gazing at another man's wife; of meddling with his servant-girl— and do not approach her bed; of abusive words, before friends— and do not be insulting after making a gift. Be ashamed of repeating what you hear, and of betraying secrets. Then you will show proper shame, and will find favor with everyone.

Отсюда вытекают основные добродетели, определяющие поведение мудреца: целомудренность, правдивость, законопослушность, верность традициям, честность, доброжелательность и чуткость.

Многие из правил не менее актуальны сегодня, чем во времена Бен Сиры. Однако заметны и его социальные условия, из-за которых

его этика ограничена во времени. Его взгляды патриархальны, что особенно заметно в жалобах на злых жен.

> Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злою женою (25: 18); Злость жены изменяет взгляд ее и делает лице ее мрачным, как у медведя (25: 19); Сядет муж ее среди друзей своих и, услышав о ней, горько вздохнет (25: 20); Всякая злость мала в сравнении со злостью жены; жребий грешника да падет на нее (25: 21); Что восхождение по песку для ног старика, то сварливая жена для тихого мужа (25: 22).

Для топоса злой жены философа известны также другие примеры, в частности, Сократ и Ксантиппа, и поразительно, что в выражении таких конфликтов точка зрения является исключительно мужской, и даже не задается вопрос, почему когда-то милые жёны стали столь злыми. Мужская точка зрения также продолжает доминировать, когда мудрец прославляет добрую жену. О счастье жены не говорится:

> Не оставляй умной и доброй жены, ибо достоинство ее драгоценнее золота (7: 21); Счастлив муж доброй жены, и число дней его — сугубое (26: 1)

Английский вариант понятнее

> Happy is the husband of a good wife; the number of his days will be doubled. — ...число дней его удвоится; значение устаревшего слова «сугубый» вдвое больший).

Предписания эмоционального самоконтроля в тексте Бен Сиры говорят о том, что любовь не была для него высшим приоритетом:

> Не будь ревнив к жене сердца твоего и не подавай ей дурного урока против тебя самого (9: 1); Не отдавай жене души твоей, чтобы она не восстала против власти твоей (9: 2).

Ревность — разрушительное чувство, и автор проницательно замечает, что это чувство имеет тенденцию отражательно усиливаться. Но совет соблюдать эмоциональную дистанцию по отношению к любимому человеку свидетельствует о скрытом сомнении в чувствах этого человека и в своих чувствах тоже. На первый план выступает требование формального соблюдения старшинства в семье.

Педагогические установки Бен Сиры отражают жесткие нормы поведения в семье, свойственные архаичной ментальности:

> Есть у тебя сыновья? учи их и с юности нагибай шею их (7: 25); Есть у тебя дочери? имей попечение о теле их и не показывай им веселого лица твоего (7: 26).

Мы видим, что мальчикам нужно было давать знания (прежде всего — религиозного содержания), а забота о воспитании девочек сводилась только к поддержанию их здоровья, при этом считалось

правильным приучить юношей к подчинению (смирению гордыни), а девушек — к соблюдению норм скромности. Остаётся загадкой, почему автор считал, что гордыня свойственна преимущественно мужчинам. Вероятно, предполагалось, что гордыня возникает у тех, кто проявляет себя публично, а это было делом мужчин, в то время как сфера проявления женщин сводилась к приватности. В наши дни эти нормы и обыкновения, разумеется, вызывают критику.

Вместе с тем многие моральные предписания поведения, рекомендуемого в книге Бен Сиры, не потеряли своей актуальности:

> Милость даяния да будет ко всякому живущему, но и умершего не лишай милости (7: 36); Не устраняйся от плачущих и с сетующими сетуй (7: 37); Не ленись посещать больного, ибо за это ты будешь возлюблен (7: 38).

Милость по отношению к умершим — это свидетельство неразрывной связи живых с теми, кто был раньше, а утешение скорбящих — показатель душевной щедрости. Бен Сира призывает своих последователей быть выше сухой рассудочной прагматики. Эти предписания особенно значимы для нашего времени с его установками на целесообразность как доминанту поведения.

Приходится признать горькую правоту психологических наблюдений автора цитируемой книги:

> Не давай взаймы человеку, который сильнее тебя; а если дашь, то считай себя потерявшим (8: 15); С отважным не пускайся в путь, чтобы он не был тебе в тягость; ибо он будет поступать по своему произволу, и ты можешь погибнуть от его безрассудства (8: 18); Не заводи ссоры со вспыльчивым и не проходи с ним чрез пустыню; потому что кровькак ничто в глазах его, и где нет помощи, он поразит тебя (8: 19).

Действительно, сильные мира сего не всегда ведут себя порядочно по отношению к другим людям, многим смельчакам свойственно безрассудство, а те, кто легко впадает в ярость, могут быть очень опасны. Обратим внимание на символическое обозначение жизненных ситуаций — «переход через пустыню». Такой переход опасен и в прямом, и в переносном смыслах.

Хорошая жизнь

Не очень часто встречаются те, кто испытывает недоброжелательность по отношению к самому себе (вероятно, это особая разновидность психопатических расстройств), но в поучениях Бен Сиры нашлось определение и для таких людей:

Кто зол для себя, для кого будет добр? И не будет он иметь радости от имения своего (14: 5); Нет хуже человека, который недоброжелателен к самому себе, и это воздаяние за злобу его (14: 6).

Возможно, в данном случае речь идёт о скрягах, которые отказывают во всём и близким, и самим себе. Бен Сира советует не отвергать удовольствия в жизни:

Не лишай себя доброго дня, и часть доброго желания да не пройдет мимо тебя (14: 14); Не другим ли оставишь ты стяжания твои и плоды усилий твоих для раздела по жребию? (14: 15).

Богатство скупца, который не сумел им воспользоваться и не оставил завещания для близких, распределялось, как видим, по жребию.

Учение — достойное занятие, но мудрец предупреждает учителей и учеников:

Не научится тот, кто неспособен (21: 14); но есть способность, умножающая горечь (21: 15).

По-английски более прямолинейно обозначены неспособные: *The one who is not clever cannot be taught, but there is a cleverness that increases bitterness*. Глупцов невозможно научить. Речение о горечи познания перекликается с известной фразой: *во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь (Екклесиаст, 1: 14)*.

В цитируемой книге приводятся и советы по соблюдению здорового образа жизни:

Немногим довольствуется человек благовоспитанный, и потому он не страдает одышкою на своем ложе (31: 21).

Эту фразу можно трактовать и расширительно как призыв к трезвой сдержанности во всём. Поучения Бен Сиры продолжают диалог с Екклесиастом о непостижимости божественного замысла:

Почему один день лучше другого, тогда как каждый дневной свет в году исходит от солнца? (33: 7); Они разделены премудростью Господа; Он отличил времена и празднества: (33: 8); некоторые из них Он возвысил и освятил, а прочие положил в числе обыкновенных дней (33: 9).

Отсюда можно сделать вывод о предварительной заданности путей для праведника и грешника — вывод, который противоречит более важной мысли о личной ответственности человека за свои поступки. Именно эта идея ответственности представляется мне самой глубокой в поучениях Бен Сиры:

Доколе ты жив и дыхание в тебе, не заменяй себя никем (33: 21).

Несколько иначе расставлены акценты в английском варианте этого речения: *While you are still alive and have breath in you, do not let anyone take your place*. В английской версии сказано: *Не позволяй никому занять твоё место.* Это глубокое речение допускает несколько объяснений. В предшествующих стихах сказано:

> ...ни сыну, ни жене, ни брату, ни другу не давай власти над тобою при жизни твоей (33: 19);и не отдавай другому имения твоего, чтобы, раскаявшись, не умолять о нем (33: 20).

Первое прочтение — это практический совет быть самому хозяином своей собственности, поскольку другой человек, даже родной и любимый, может привести хозяйство в упадок. Но есть и другие прочтения. Нельзя заменять себя никем, потому что у каждого человека есть своё назначение в жизни, своя миссия, и такая замена приведёт к нарушению божественного замысла, в результате чего возникнет искажение как своей судьбы, так и судьбы другого человека, которому пришлось прожить чужую жизнь. Этого нельзя делать и потому, что отказ от выполнения своих обязанностей в определённой мере есть самоуничтожение. Можно увидеть и другое толкование этого предписания: нельзя навязывать другому человеку выбор, который он должен сделать сам, поскольку такое вторжение в иную судьбу есть покушение на права Создателя. Разумеется, толкования этими вариантами не исчерпываются.

Поэтика Бен Сиры

Запоминаются приведённые в книге образы:

> Кто пожалеет об ужаленном заклинателе змей и обо всех, приближающихся к диким зверям? (12: 13); Устами своими враг усладит тебя, но в сердце своем замышляет ввергнуть тебя в яму: глазами своими враг будет плакать, а когда найдет случай, не насытится кровью (12: 15); Если встретится с тобою несчастье, ты найдешь его там прежде себя, (12: 16); и он, как будто желая помочь, подставит тебе ногу: (12: 17); будет кивать головою и хлопать руками, многое будет шептать, и изменит лицо свое (12: 18).

Ужаленный заклинатель змей (распространенное занятие факиров на восточных базарах) — метафорическое обозначение человека, сознательно идущего на большой риск и терпящего бедствие. Аналогичный образ — толкающий кого-то в яму. Ярко показаны действия недоброжелателя: лицемерные слёзы сочувствия, выраже-

ние желания помочь, кивки и хлопки, доверительный шёпот, а затем — подножка, изменённое лицо и радость от удачного обмана («не насытится кровью»).

Образы из книги Бен Сиры давно стали общим местом в назидательном фольклоре:

> Кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову, и коварный удар разделит раны (27: 28); Кто роет яму, сам упадет в нее, и кто ставит сеть, сам будет уловлен ею (27: 29).

Иллюстрации в цитируемом тексте отличаются очевидной убедительностью:

> Не советуйся с женою о сопернице ее и с боязливым о войне, с продавцом о мене, с покупщиком о продаже, с завистливым о благодарности, (37: 11); с немилосердным о благотворительности, с ленивым о всяком деле, (37: 12); с годовым наемником об окончании работы, с ленивым рабом о большой работе (37: 13).

Поэтика этих наставлений базируется, прежде всего, на фигурах повторения и контраста. Некоторые образы требуют комментария:

> Строящий дом свой на чужие деньги то же, что собирающий камни для своей могилы (21: 9).

Идея этого речения понятна: нужно опираться на собственные ресурсы, и дом, построенный на чужие деньги, это чужой дом. На могилах по обычаю ставятся надгробные камни, но в данном случае речь идет о могильном холме, насыпанном из камней (в английском варианте эта мысль передана более точно: *Whoe ver builds his house with other people's money is like one who gathers stones for his burial mound*). Такие камни приносятся другими людьми. Возможно, в этом случае мы видим интертекстуальную связь с известным речением из Екклесиаста: *время разбрасывать камни и время собирать камни.* Люди приносят небольшие камни на могилы в качестве символа памяти.

Резюме: Поэтика и учение Бен Сиры

• Поэтика книги премудростей Бен Сиры характеризуется прямолинейной дидактичностью, конкретными сравнениями, акцентируемыми повторами и противопоставлениями, а также выраженной тематической мозаичностью, обусловленной библейским стилем речи.

• В основе поучений Бен Сиры лежит признание мудрости как высшей ценности поведения. Достойный человек должен вести себя праведно, т.е. испытывать страх божий, избегать гордыни, контролировать свои эмоции, учиться у мудрецов, трезво оценивать любую ситуацию, быть скромным, доброжелательным и вежливым по отношению ко всем, строго воспитывать детей, ценить друзей, не допускать крайностей в оценках и поступках, проявлять щедрость, уметь радоваться жизни, и главное — быть самим собой, принимая ответственность за свои решения и действия.

• Эти поучения во многом не потеряли своей актуальности и в наши дни, хотя определённые установки автора, относящиеся к гендерным стереотипам поведения и методам воспитания, представляются архаичными.

3 Иисус как учитель мудрости

Внутреннее добро

Признание границ мудрости, непонимание порядка мира и справедливости Божьей не обязательно влечет за собой отрицание нравственности, напротив, в некоторых случаях им сопутствует усиление нравственных норм, как в весьма значительном учении Иисуса из Назарета, что дано в Евангелиях. В *Евангелии от Иоанна* Иисус явно отвергает закономерную связь между праведным поведением и доброй судьбой и грешным поведением и страданиями. На странный вопрос, не слепой ли родившийся слепым человек, потому что он или его родители согрешили, Иисус просто отвечает: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии» (Евангелие от Иоанна 9:3), а в Нагорной проповеди в *Евангелии от Матфея* Иисус говорит, что солнце и дождь для всех одно и то же. Здесь четко приводится указание, основанное на главной заповеди любви к врагам, согласно которой доброе действие должно быть добрым само по себе, не подразумевая никакой выгоды.

> Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. (Евангелие от Матфея 5:43–45)

Все действия должны совершаться только и всегда во имя внутреннего блага и, как следствие, вести к образу жизни, который впервые прозвучал пронзительным эхом Екклесиаста о бренности, мимолетности, ничтожности и непредсказуемости существования. Мудрость как знание о становлении и развитии мира в своем многообразии бесчисленных правил о нем постепенно абсолютизирует лишь одно правило — творить добро ради себя самого. Ожидание прибыли как результата добродетели заменяется чистым доверием к Богу.

> Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть»? или «что пить»? или «во что одеться?» потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы. (Евангелие от Матфея 6:31–34)

Иисус в традициях мудрости

В истории христианства, начиная с писем апостола Павла, Иисус прежде всего Искупитель, чьи страдания, смерть и воскресение знаменуют собой космический поворотный пункт в истории человечества. Великие христианские символы веры — Никео-Цареградский Символ веры 451 года и Апостольский Символ веры — говорят только о рождении, страданиях, смерти, воскресении и вознесении Иисуса на небо, но не о Его учении. Однако на самом деле Иисус выступает в значительной части Евангелий как учитель мудрости, в чьих рассуждениях, образах и притчах Ветхий и Новый Завет связываются (ср. Westermann 1990: 9), а диалог между различными традициями мудрости книг *Притчи*, *Иов*, *Екклесиаст* и других книг мудрости продолжается. Еврейский религиозный ученый Шалом Бен-Хорин (1913–1999) поэтому рассматривал Иисуса как великого раввина первого столетия и ставил его в один ряд с известными авторитетами Гиллель и Шаммай (Ben-Chorin 1977: 15). В качестве свидетельства особой близости мудрости Иисуса с учениями раввинов может выступать притча, древнееврейское имя которой *машаль*, из ранних изречений мудрости (см. выше), нашедшая свое продолжение в *Мидраше*, еврейском толковании *Торы*. Многие притчи Иисуса, выраженные пословицами, аллегориями и более длинными повествованиями, уже внешне связаны с традициями еврейского богословия. И тот факт, что слова Иисуса на протяжении веков остаются действенными, свидетельствует об их универсальном значении и о центральной роли мудрости в новозаветном христианском учении. Известные притчи о блудном сыне (Лк 15 : 11–32), о добром самарянине (Лк 10 : 25–37), о сеятеле (Мф 13 : 18–23 и параллели) или о работниках в винограднике (Мф 20 : 1–16) относятся в христианстве к самым известным текстам Библии вообще.

Рудольф Бультман, который в эпохальном исследовании *История синоптической традиции* (первое издание датировано 1921 г.) признал Иисуса «учителем мудрости» (Bultmann 1958: 73), классифицировал многочисленные его высказывания и притчи так же, как и формы мудрости в книге *Притчи*. Сам Бультман считал, что мудрая речь Иисуса в значительной степени заимствована из традиции и вложена в уста Иисуса евангелистами (там же: 106), но это, следует признать, спекуляция (см. Ebner 1998: 2). В конце концов, нет ничего предосудительного в том, что Иисус использовал уже озвученные

ранее и известные ему пословицы и мотивы, воплощенные в запоминающихся образах и сюжетах и вызывающие знакомые ассоциации, чтобы сказать то, что Он хотел сказать.

Диалогическая мудрость

Особенность мудрости Иисуса, рассказанной в Евангелиях, заключается не только в словах и эстетической форме, но и в контекстах, в ситуациях, в которых Иисус произносит их. Возможно, что до Евангелий существовал сборник изречений Иисуса и других изречений, так называемый «Источник Q», вошедший вместе с *Евангелием от Марка* в *Евангелия от Матфея* и *Евангелия от Луки*, но, наверное, его утрата не является случайным. Вырванная из контекста поговорка не отражает мудрости Иисуса, даже если она исходила от Иисуса. Евангелистам было важно, чтобы Иисус всегда говорил в конкретных ситуациях и отвечал собеседникам, вмешивался в конфликты и участвовал в прениях. Даже Нагорная проповедь, которая оформлена в виде монолога, характеризуется диалогичностью: Иисус, выстраивая предположительную позицию собеседника, отвечает на нее вводным словом «А я говорю вам». Однако в большинстве случаев мудрое слово вызвано конкретной ситуацией или широко распространенными взглядами или представлениями и, прежде всего, должно быть понято в этих контекстах. Только тогда мудрость вступает в силу. Это не философская «книжная теория», а раскрытие высокой идеи в живом общении. Это тоже отражено в самой мудрости. В книге *Премудрость Иисуса, сына Сирахова* правильное использование мудрости, адекватной текущей ситуации, представлено термином *кайрос*, т.е. правильное, соответствующее время, которое «глупец» не признает:

> Притча из уст глупого отвратительна, ибо он не скажет ее в свое время. (Сирах 20:20)

Впечатляющий пример короткой мудрой речи Иисуса, которая останавливает конфликт, в последний момент превращает опасную ситуацию в добродетель и заставляет людей задуматься о своей морали, своих поступках и своей самоправедности, — это спасение «прелюбодейки» в *Евангелие от Иоанна*. Тем, кто только начинает бросать камни в «грешницу», Иисус произносит известное изречение:

Кто из вас без греха, первый брось на нее камень. (Иоан. 8:7)

Это выражение прочно закрепилось во многих языках как фигура речи, имеющая смысл только в конфликтной ситуации. Прозрение, дарованное как освобождение от противоборства, обычно возникающее при его разрешении, иногда выступает и в роли предупреждения, метафорически выраженного:

Не судите, да не судимы будете. (Евангелие от Матфея 7:1)

И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? (Евангелие от Матфея 7:3)

Эти наставления сформулированы в виде общих выражений, но также могут быть применимы, но только в том случае, если существует конкретный конфликт, в котором они призывают к примирению.

В Евангелиях Иисус прямо обращается к людям, притом не только к мужчинам, как в ветхозаветных книгах Библии, которые, казалось бы, написаны мужчинами для мужчин, а к мужчинам и женщинам одинаково (ср. Ebner 1998: 380). Именно в речах Иисуса впервые появляется мысль о том, что мудрость не может быть знанием только для мужчин. Само собой разумеется, что женщины, как и мужчины, могут оказаться в трудных ситуациях, в которых мудрое слово полезно и бесценно. Однако до Иисуса женщины прямыми адресатами мудрости не являлись.

Это не означает, что мудрость Иисуса имеет только «терапевтические» функции. Мудрость Иисуса, скорее, охватывает все пространство мудрости и простирается от строгих представлений об истине и лжи и о добре и зле, как в речи против «лжепророков» (Матфея 7,16–19), до границ мудрости, очерченных в парадоксальных выражениях, как в *Евангелии от Матфея* 19:30:

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. (ЕвангелиеотМатфея 7:16–19)

Многие же будут первые последними, и последние первыми. (Евангелие от Матфея 19:30)

Мудрость как знание проста и практична, т.е. применима в конкретных жизненных ситуациях. Также обстоит дело с выражениями и притчами Иисуса. Но это не исключает, что простая мудрость может быть двусмысленной. Также обстоит дело и с мудрым учением

Иисуса. Ярким примером может служить известное изречение «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Евангелие от Матфея 22:21). В ответ на вопрос, правильно ли благочестивому иудею платить подать римскому императору, подразумевается косвенное «да», которое объясняется указанием на изображение кесаря на монете и на надпись. Однако в иносказательном смысле ответ Иисуса ставит императора «в то же время на уровень меньшей релевантности» (Ben-Chorin 1977: 125 — пер. с нем.: Х. К.). Это тоже мудрость, и, действительно, мудрость в своей величайшей силе: она избегает конфликтов и разрешает их. Она диалогична и одновременно определяет иерархию ценностей.

Резюме: Иисус как учитель мудрости

• В Евангелиях Иисус выступает как учитель мудрости, у которого познание мудростью ситуативно и диалогично. В его беседах продолжается обсуждение авторитетов мудрости.

• Диапазон рассуждений Иисуса о мудрости содержит как строгие понятия о том, что истинно и ложно, хорошо и плохо, так и парадоксальные формы, которые ведут к пределам мудрости.

• Формы мудрости в речи Иисуса, как и в Ветхом Завете, варьируются от изречений до повествовательных кратких форм, особенно в виде притч.

4 Мудрость в аллегорическом выражении

Аллегория, или иносказание, представляет собой двуплановое высказывание, внешнее содержание которого связано с определенными характеристиками внешнего, наблюдаемого мира, а внутреннее содержание — с нормами поведения или законами миропорядка. Аллегория используется в тех случаях, когда говорящий считает необходимым дать возможность адресату сделать некоторое минимальное интеллектуальное усилие для того, чтобы прийти к определенным выводам. Сделав такое усилие, адресат овладевает престижным стилем общения, понимая, что непрямая коммуникация представляет собой выражение уважения к нему. Специфика аллегории в отличие от символа состоит в том, что аллегория допускает только одно прочтение, в то время как символ принципиально многозначен. У этих способов непрямого выражения смысла существует разная направленность: аллегория сориентирована на приобщение человека к неким нормам социума, она направлена на коллективное знание, символ же в его художественном понимании нацелен на выход за рамки коллективного знания, на актуализацию индивидуального творческого осмысления мира. Разумеется, речь идет о типичных аллегориях и символах. Например, известное русское речение «*Где тонко, там и рвется*» имеет одно прочтение: неудача случается чаще в тех ситуациях, где нет запаса прочности (это осуждение непредусмотрительности). В художественном тексте однозначная интерпретация вряд ли возможна: «*Женщина — подстрочник, мужчина — перевод, Бог — первоисточник. Вот!*» (Вера Павлова). Сравнивая разные типы текстов и предназначение мужчин и женщин, поэт приглашает нас задуматься и понять многомерность такого предназначения. Но наряду с однозначными аллегориями и многозначными символами существуют промежуточные образования, в частности сложные аллегории и относительно простые символы. Кроме того, к одному и тому же тексту можно подойти с разными интерпретативными установками, не случайно в любой фразе при желании можно найти эзотерический смысл.

Несмотря на то, что механизм аллегории универсален, существуют этнокультурные модели типичного выражения поучений. Эти модели отражают многовековой опыт освоения мира, свойственный определенному языковому сообществу. С позиций лингвокультурологии можно говорить об этноспецифической концептуализации

действительности (Воркачев, 2009; Карасик, 2004; Шмелев, 2002). Весьма продуктивной является новая лингвокультурологическая модель этностилистики, предполагающая выделение этностиля — стилевых характеристик, типичных для коммуникативной практики определенного народа (Ларина, 2009).

В данной работе рассматриваются этностилистические особенности русских и китайских аллегорий на материале пословиц и поговорок. Материалом для анализа послужили паремиологические справочники, составленные В.И. Далем, В.П. Жуковым, Г.Л. Пермяковым и Б.Л. Рифтиным.

Этнокультурная специфика пословиц проявляется в нескольких аспектах: 1) типичный образ, положенный в основу аллегории, 2) типичные модели универсальных высказываний, 3) типичная коммуникативная тональность таких речений.

Образы, положенные в основу аллегории

Типичные образы аллегорий связаны с реалиями, окружающими людей. Это реалии географические (в русских пословицах фигурируют лес, поле, река, а не горы, море, тундра), исторические (например, «*Душа божья, тело государево, а спина барская*» — здесь речь идет о физических наказаниях, которым подвергались в России крепостные крестьяне), обиходные (одежда и обувь, жилище, продукты питания), типичные представители фауны и флоры. В китайских паремиях отражены соответствующие реалии: «*У собаки во рту не вырастут бивни слона*», «*Даже красные цветы поддерживают зеленые листья*», «*Если дома почитаешь родителей, то зачем же идти далеко жечь ароматические палочки?*».

Обратим внимание на разные типы ситуаций, которые были осмыслены как основания для поучений. Например, интересна диалектическая русская паремия: «*Не прав медведь, что козу задрал; не права коза, что в лес ушла*». В этой фразе говорится о том, что в конфликте обычно виноваты оба его участника. Китайцы отмечают диалектику развития событий по-своему: «*Вода может нести лодку, а может и перевернуть ее*». Здесь говорится о том, что не следует рассматривать развитие событий только в благоприятном плане. Ситуации такого плана имеют место везде (домашние животные могут отвязаться и уйти в лес, лодка может перевернуться), но в одной

культуре они осмысливаются как повод для аллегории, а в другой — нет. Существуют и симметричные варианты аллегорического осмысления ситуаций, например, по-русски говорят о том, что «*Ложка дегтя портит бочку меда*», а по-китайски — «*Горошина мышиного помета портит котел каши*». В обоих случаях речь идет о том, что малая степень чего-то плохого перечеркивает все хорошее, каким бы большим оно не было. Такая симметричность рассматривается В.М. Савицким как семантический изоморфизм — «*возить уголь в Ньюкасл*» (англ.), «*возить борд — сорт ткани — в Йемен*» (перс.), «*со своим самоваром в Тулу ехать*» (рус.) (Савицкий, 2006, с.41). В этих выражениях критикуется бессмысленность усилий по доставке чего-либо туда, где соответствующий предмет имеется. Аналогичные изоморфные речения касаются и других ситуаций: «*Сапожник — сам без сапог*» (рус.), «*Продающий веер обмахивается рукой*» (кит.).

Критика социальной несправедливости отчетливо и разнообразно выражена в русских пословицах: «*Алтынного вора вешают, полтинного чествуют*» (простых людей сурово наказывают за кражу в малых размерах — алтын был равен трем копейкам, а преступников, расхитивших казну, хвалят: серебряная полтина — 50 копеек — считалась сравнительно большой суммой денег). В пословицах отчетливо выражено критическое отношение к представителям закона: «*Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос*». Вместе с тем в коллективном крестьянском сознании ясно выражена идея допустимости умеренного покушения на чужую собственность: «*Около печи нельзя не нагреться*», «*Быть у воды — как не напиться?*». В русских пословицах формулируется великая дилемма, стоящая перед честными людьми: «*Неправдою жить — не хочется, а правдою жить — не можется*». В этом речении нет образности, перед нами горькая этическая сентенция, которая конкретизируется в следующих паремиях: «*За правдивую погудку смычком по рылу бьют*», «*Грех воровать, да нельзя миновать*». Этическое и практическое в русском сознании четко разделены и противопоставлены. Такая антитеза имеет универсальный характер, человек живет в двойном измерении: он твердо знает, как следует себя вести, видит, что так прожить невозможно, сознательно идет на нарушения, оправдывая себя тем, что реальная жизнь не соответствует законам высшей справедливости. Бросается в глаза непрагматичность норм русского поведения, отраженного в пословице: «*Доносчику первый кнут*». Это речение объясняется исторически обычаем пытать доносчика первым, чтобы убедиться в истинно-

сти его показаний. Следовательно, доносительство не поощрялось. В русских пословицах выражена надежда на то, что справедливость будет восстановлена: «*Отольются волку овечьи слёзки / Отольются кошке мышкины слёзки*» — Обидчику придется держать ответ за обиды, причинённые слабому. Эта фраза обычно произносится как утешение обиженному.

Для русского языкового сознания весьма важной является идея трезвой оценки непреодолимых обстоятельств: «*Лбом стену не прошибёшь*», «*Плетью обуха не перешибёшь*», современное речение «*Против лома нет приёма*». Такая трезвая оценка базируется на необходимости смирения, весьма важного концепта традиционной русской лингвокультуры. Смирение предполагает жертвенность: «*Лес рубят — щепки летят*». Говорящий признает, что жертвы неизбежны и тем самым оправдывает их заранее.

В китайских паремиях акцент делается на практических последствиях поступков: «*Выбитые зубы попадают в живот*» (когда нет возможности жаловаться, надо молча переносить обиду). Вместе с тем констатируется несправедливость мироустройства: «*Все хорошие дела достаются прекрасной барышне, а плохие — валятся на плешивую служанку*». Вывод — тем, кому плохо, и далее придется страдать.

Китайцы подчеркивают множественность взглядов на мир: «*Выпадет снег — собакам радость, а у воробья в животе полно злости*». Акцентируется идея различий между людьми, при этом нет указания на какую-то одну позицию, с которой ассоциирует себя говорящий. При этом делается вывод, что когда от чего-то кому-то хорошо, другому от этого же будет плохо. В русских пословицах на первый план выдвигается мысль о том, что люди отличаются друг от друга своими пристрастиями: «*На вкус и на цвет товарища нет*», «*Кто любит попа, кто попадью, кто попову дочку*».

В китайских паремиях осуждается претенциозность: «*Днем ходит, как вельможа, а по ночам ворует сою*». В этом речении выражена очень важная для китайской лингвокультуры норма поведения — нельзя терять лицо.

Ориентированность на эту жизнь резко отличает китайские паремии от русских: «*Думай лучше о еде в этом мире, а не о том, что на том свете нечем будет топить*». Человек должен думать о проблемах насущного дня.

В китайском языковом сознании остро переживается идея несоответствия между низким статусом человека и его завышенными

притязаниями: «*Жаба всем сердцем хочет попробовать лебединого мяса*». Вместе с тем допускается возможность выхода за рамки своей социальной группы: «*И из курятника выходят фениксы*». Феникс, как и дракон, являются высшими персонажами китайской мифологии. В китайском сознании закреплена идея возможности социального роста человека. В русском сознании такой рост оценивается иначе: «*Из грязи, да в князи*». Здесь подчеркивается другой смысл: получив высокий статус, человек низкого происхождения остался тем же, кем и был — грязью. Эта весьма частотная паремия используется в тех ситуациях, когда люди презрительно отмечают низкие этические качества тех, кто сумел пробиться наверх. В русских паремиях идея соответствия статуса человека и его поведения выражена как предостережение тем, кто вмешивается не в свое дело: «*Знай сверчок свой шесток*». Вместе с тем и в русском языковом сознании приветствуется идея продвижения по службе: «*Плох тот солдат, который не надеется стать генералом*». Вероятно, в коллективном сознании есть некая усредненная норма социального роста, плохо, если кто-то слишком быстро поднимается вверх, и нехорошо, если кто-то останавливается на пути.

Принято считать, что в китайской лингвокультуре не поощряется самовыдвижение. Однако в корпусе китайских пословиц наличествует такое речение: «*Если есть цветы, так воткни их в волосы при всех*». Это означает, что окружающие должны знать о достоинствах человека, их не нужно скрывать. Человек не должен со всеми соглашаться: «*Из круглых камней стена непрочная*». Аллегория понятна: удобный и приятный всем человек сравнивается с круглым камнем, но на такого человека нельзя положиться.

Китайские пословицы советуют человеку придерживаться выбранного курса: «*Коль собрался бить в барабан, не бей в гонг*». Стабильность высоко ценится в китайской лингвокультуре. Очень интересно речение, в котором рекомендуется ценить то, что находится рядом: «*Лекарство, что стоит тысячу монет, растет у самого плетня*». Народная мудрость учит человека внимательно смотреть на реальность и говорит о том, что наилучший выход из сложной ситуации может быть найден поблизости.

Китайцы подчеркивают важность умеренности: «*При трех ноздрях будет идти лишняя струйка воздуха*». Иначе говоря, избыток вреден. В русской лингвокультуре актуализируется идея полярного контраста, драматического выбора между взаимоисключающими

вариантами: «*Пан либо пропал*», «*Либо в стремя ногой, либо в пень головой*», «*Либо грудь в крестах, либо голова в кустах*». Такой выбор — всё или ничего — свидетельствует о приоритете эмоционального романтического порыва над здравым смыслом, о презрении к золотой середине и, если задуматься, о более значимой роли ситуаций противоборства по сравнению с ситуациями повседневного труда.

В русском языковом сознании множественно и вариативно выражена идея коллективизма: «*Лес по дереву не плачет*» — Интересы всего общества важнее интересов отдельных людей. Особенно важно быть вместе с другими людьми в критических ситуациях: «*На миру и смерть красна*». Количество ратников часто решает судьбу сражения: «*Один в поле не воин*». Коллективный труд более производителен: «*Артельный горшок гуще кипит*», «*Одной рукой узла не завяжешь*» — Сообща легче справиться с любым делом. В китайской паремиологии показаны как плюсы, так и минусы коллективной жизни. В рискованных предприятиях человеку нужна поддержка: «*Чтобы убить тигра, непременно нужны родные братья*». Помимо коллективности в этом речении подчеркивается важность родственных связей. Но в паремиях встречаются и критические оценки тесных взаимных связей: «*Можно вместе переносить невзгоды, нельзя вместе делить радость*». Подобная пословица резко диссонирует с русскими речениями на эту тему: «*Если радость на всех одна, то и беда одна*».

Отметим точность наблюдений о человеческом характере в китайских пословицах: «*Сорвавшаяся рыба всегда самая большая*». Человеку свойственно преувеличивать значимость того, что потерялось, чуть не став обретением.

Модели универсальных высказываний

Универсальные высказывания строятся по определенным моделям, включающим кванторы существования и всеобщности, причинно-следственные отношения, перечисления и противопоставления. Если говорить о прототипных ситуациях поучений, лежащих в основе аллегорических речений, то это ситуации побуждения к действию, запрета (побуждения к отказу от возможного действия), констатации некоторого положения дел — простого и сложного. Например, «*Не бей Фому за Ерёмину вину*». В этом запрете содержится предписание устанавливать ответственность человека за совершен-

ное им действие и не наказывать невиновного. В паремии содержится обобщенное наблюдение, включающее несколько суждений. Например, «*Ворон ворону глаз не выклюет*». Это речение означает, что своих в сложной ситуации пожалеют. Ворон может выклевать глаз другому живому существу, и люди могут вести себя достаточно агрессивно, но по отношению к своим агрессия будет иной по сравнению с отношением к другим.

В китайских паремиях весьма часто мы сталкиваемся с симметричными суждениями. Например, «*Деньги в руках посыльного — баран во рту у тигра*». В этой конструкции (А есть В) второе суждение раскрывает сущность первого. Именно второе суждение содержит аллегорию. Подобные речения встречаются и в русской коммуникативной практике («*Женщина за рулем — обезьяна с гранатой*», распространенное сексистское утверждение, посредством которого мужчины пытаются самоутвердиться в собственных глазах; на самом деле женщины водят автомобили осторожнее мужчин). Интересны симметричные китайские речения, в сжатом виде повествующие о развитии некоторых событий: «*дерево свалится, мартышки разбегутся*». Аллегорический потенциал этой паремии допускает такую интерпретацию: дерево — любая опора в прямом и переносном смысле, позволяющая тем, кто находится там, чувствовать себя в безопасности, как только эта опора рушится, они пытаются спастись. При этом нужно знать, что мартышки бывают агрессивными, особенно, когда чувствуют себя неуязвимыми: их любимое занятие — бросать сверху на людей или животных плоды. Таким образом, общий смысл такого речения — обидчики торжествуют, пока они в безопасности, но это пройдет. В китайских паремиях часто имеет место риторическое удвоение смысла: «*Женщина, продающая овощи, ест желтые листья; женщина, продающая цветы, вставляет бамбуковые листья в волосы*». В этом изречении выражена одна идея в двух вариантах: тот, кто распоряжается какими-либо ресурсами, часто не пользуется ими. Продавая овощи, можно было бы их есть, но женщина не может использовать даже свежие зеленые листья и вынуждена довольствоваться высохшими желтыми; и продавщица цветов не может воспользоваться своим товаром для украшения своих волос. Аналогичным образом используется риторическая тавтология в других китайских пословицах: «*Когда лодка опаздывает, то и ветер встречный; когда крыша протекает, то и дождь идет*». Смысл этого удвоенного речения в том, что неблагоприятные обстоятельства часто

накладываются друг на друга. В русском языке эта идея выражена менее образно: «*Беда не приходит одна*», «*Пришла беда — открывай ворота*». В английском языке есть подобное высказывание: «*Itneverrains, butitpours*» — Если уж пошел дождь, то это — ливень. Китайская концептуализация такого положения дел является более подробной. Идея выражена с помощью двух образов-ситуаций, которые по своей динамичности похожи на видеоклип.

Симметричность структуры многих китайских пословиц объясняется следующим образом: «типичной спецификой китайской пословицы является *duiou* (букв. пара + парность; знач. параллельный стиль или симметрическое построение ее частей). Она отражает специфику мышления китайского народа (единство противоположности) и эстетическое восприятие их (парность) (Лю Цзюань, 2004, с. 94). Симметричные поучения обычно содержат общую идею, выраженную формулой «A — B, C — D)», при этом в аллегорическом смысле переосмысливаются все компоненты паремии. Например: *Chumenwenlu, ruxiangwensu — Отправляешься в дальний путь — узнай дорогу; придешь на новое место — узнай обычай*. Эта пословица применима к широкому спектру ситуаций знакомства с кем-либо. В паремиях могут полностью повторяться компоненты первой и второй частей: *Yiboweiping, yiboyouqi — Не успела одна волна накатить, как поднимается другая.* В этом образе аллегорически выражена идея необходимости постоянно быть готовым к испытаниям судьбы.

Модели универсальных высказываний, выступающих в качестве основы для аллегорического осмысления, представляют собой свернутые повествования. Аллегория часто выражается в виде нарратива:

Некто звал Чжуан-цзы к себе на службу. Чжуан-цзы так ответил посланцу:

– Видали вы когда-нибудь жертвенного быка? Наряжают его в расшитые ткани, откармливают сеном и бобами! А потом ведут в храм предков — на заклание. Он и рад бы тогда снова стать простым теленком — да не тут-то было! (Чжуан-цзы).

В этой притче говорится о расплате за роскошную жизнь. Фабула данного повествования представляет собой диалог царского посланца и мудреца, который, отказываясь от лестного приглашения стать придворным, аллегорически сравнивает царедворца с жертвенным быком. Сюжет нарратива — это жизнь жертвенного животного: этот бык избран из стада, его красиво наряжают, сытно кормят, мы можем также заключить, что его не заставляют работать, а потом

его ведут на заклание, и вернуться в стадо и стать простым быком он уже не может. Эту притчу можно было бы свернуть в пословицу: Знает ли жертвенный бык, для чего его откармливают?

В русской культуре поучения ситуативно конкретизированы и часто завершаются четкой формулировкой, которая впоследствии начинала циркулировать в качестве пословицы. Например: «*Целовал ворон курочку до последнего перышка*». Иная любовь приводит объект этой любви к печальному концу, и человек иногда не понимает, что губит любимое существо своей страстью. Вместе с тем в известном собрании сказаний и легенд русского народу в книге А.Н. Афанасьева приводится ряд притч, имеющих религиозную основу. Например:

Когда-то пришел Христос в худой нищенской одеже на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!» Так-таки ничего и не дал. На ту пору случись — мужичок привез на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился: «Подь сюды, я тебе дам». И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий все свою кису подставляет. «Что, али еще отсыпать?» — «Да, коли будет ваша милость! Ну, пожалуй!» Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так, самая малость. «Вот дурак! Сколько отдал,— думает мельник,— да я еще за помол возьму; что ж ему-то останется?» Ну, хорошо.

Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть; смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпется, да сыпется! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпется, да сыпется... Мужик не знал, куда и собирать-то!

Эта история («Чудо на мельнице») представляет собой сюжет об испытании богатого и бедного на щедрость. Богатый мельник отказал нищему в милостыне, бедный мужичок щедро поделился с нищим своим зерном, и поэтому произошло чудо: из небольшой мерки ржи вышло много муки. Мораль этой истории сводится к тому, что следует быть щедрым. Скупой богач будет наказан, а щедрый бедняк награжден, или еще короче: скупой потеряет, а щедрый найдет. Щедрость, как известно, — одна из базовых ценностей традиционной русской культуры. Кроме того, в этой притче содержится осуждение богатых людей, которые из-за своего богатства очерстве-

ли сердцем. В современном русском языковом сознании существует пословица «*Скупой платит дважды*». Интересно, что в современном русском паремиологическом фонде нет речений, в которых бы положительно оценивалась щедрость. Возможно, это связано с тем, что осуждение недостатков более значимо, чем восхваление достоинств. Отметим также, что противопоставление богатства и бедности в современном русском сознании приобрело иной характер: «*Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным*». Такая метаморфоза ценностей объясняется изменением социальных ориентиров в современной России. Норма становится актуальной только тогда, когда в ней есть некая новизна, самоочевидные вещи повторяются только с игровой целью. Можно, разумеется, усмотреть игровой смысл в приведенном речении, и тогда оно воспринимается как пустоговорка, существующая для заполнения паузы. Но можно построить иную объяснительную схему: раньше считалось, что главное — это духовное богатство, а материальный достаток не важен, а теперь считается, что материальное богатство, как и физическое здоровье, — это то, к чему следует стремиться.

Коммуникативная тональность аллегорических выражений

Коммуникативная тональность — это эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения (Карасик, 2009). Тональность ситуативна и присуща дискурсу в целом, отдельные высказывания могут значительно отличаться друг от друга по этому параметру, попадая в другие типы дискурса. Но если даже слово, по М.М. Бахтину, хранит в своем значении типичные ситуации употребления, то подобная дискурсивная память тем более свойственна высказываниям. Это в полной мере относится к универсальным высказываниям, которые предназначены для поучений. И.М. Снегирев (1848, с.XXIII) отмечает, что «коренная, древнейшая форма пословиц есть эпическая; но нередко облекается она в лирическую и символическую, иногда принимает и драматическую». Эпическая форма представляет собой повествование — в прошедшем, настоящем либо будущем времени. Мы видим развитие событий: «*Взвыла собака на свою голову*» (рус.) — Собака завыла,

хозяин вышел и побил ее. Мораль: надо молчать, как бы плохо ни было на душе, иначе будет еще хуже, поскольку люди редко проявляют сочувствие. Мы можем представить себе ситуацию использования такого речения следующим образом: в неподходящий момент кто-то жалуется начальнику на кого-либо, а начальник вместо сочувствия начинает ругать обиженного. Комментатор, рассказывая такую историю, приводит эту пословицу в качестве типичного развития событий. Подобные высказывания широко распространены в русской паремиологии. Перед нами притча в ее классическом концентрированном выражении, т.е. отдельный случай, имеющий аллегорическое истолкование. В высказывании выражена авторская оценка поступка — «на свою голову». В этом комментарии мы видим и осуждение, и сочувствие.

В китайской паремиологии критические речения широко представлены: «*Бедный за богатым ходит, ходит — а штанов все равно нет*» (кит.). Отрицательно оценивается неверная стратегия поведения. В затруднительной ситуации слепое подражание или ожидание помощи не принесет пользы. Человек должен искать иные решения. Обращает на себя внимание саркастичность речения. Подобная тональность прослеживается во многих речениях, осуждающих неумное поведение: «*Поднял с земли семена кунжута, а потерял арбуз*» (кит.). Преследуя неверную цель, человек неизбежно несет потери. Ситуации ошибочного поведения весьма разнообразны. Например: «*Когда вор ушел, закрывают двери*» (кит.). Надо было вовремя думать о вероятных неприятностях. Ирония выражается в несоответствии поступков: «*Когда садишься в свадебный паланкин, поздно прокалывать дырочки в ушах*» (кит.). Осуждается отсутствие планирования и предусмотрительности в жизни. В современном русском разговорном обиходе есть соответствующее присловье: «*Поздно пить боржом, когда печень отвалилась*» (рус.).

Ироничная тональность прослеживается в целом ряде русских пословиц. Например: «*Вылетела пташка из клетки, не знает, где и сесть*» (рус.). Бывает так, что человек, осуществив свою мечту, не знает, что дальше делать. Особенно это касается молодых и неопытных людей. Говорящий не проявляет сочувствия к персонажу, сравнивая его с глупой птичкой, а укоризненно покачивает головой. Иронично звучит речение, выражающее критическую оценку неблагодарности: «*Дали нагому рубашку, а он говорит: толста*» (рус.). Эта идея в иной

тональности достаточно часто проявляется в паремиологическом фонде: «*Дареному коню в зубы не смотрят*» (рус).

В пословицах часто аллегорически выражается призыв к бдительности. Например: «*Умерла щука, да зубы остались*» (рус.) — Хотя источник зла устранен, его последствия еще будут приносить вред. Эта идея очень важна: в данном речении содержится предостережение против беспечности. Перед нами серьезное поучение в чистом виде.

В пословицах может содержаться утешение и сочувствие. Например: «*Подняться в небо — нет дороги, спуститься под землю — нет ворот*» (кит.). Так говорят о безвыходном положении. По-русски в такой ситуации говорят так: «*Куда ни кинь, везде клин*» (рус.). Русское речение носит более разговорный характер. Общий вывод таких речений — случаются безысходные ситуации. Зачем нужны такие речения, в которых не содержится совет? По-видимому, они являются способом эмоциональной разрядки и в этом плане эквивалентны междометиям, если обращены к самому себе. Но если такие высказывания адресованы другим людям, то предполагается, что в ответ говорящий услышит слова сочувствия и поддержки. С некоторыми оговорками такие речения можно назвать лирическими. Утешение сопряжено с оправданием: «*Пока не попадешься на удочку, не станешь знатоком*» (кит.). Здесь выражена идея неизбежности совершения ошибок. Эта же идея прослеживается в русской пословице: «*Конь о четырех копытах, и тот спотыкается*». Такой вывод зафиксирован в паремиологии многих народов, например: «*Человеку свойственно ошибаться*» (лат.). Существуют и речения, в которых сочувствие не сопряжено с оправданием: «*Уломали сивку крутые горки*» (рус.). Так говорят о тех, кто не выдержал напряженной работы, сошел с дистанции, не выполнил своих планов. Такая ситуация точно отражена в хрестоматийно известных словах Катерины Ивановны Мармеладовой из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: «*Заездили клячу — надорвалась!*». Яркий образ уставшей изможденной лошади сразу же обрастает аллегорическим смыслом.

Некоторые паремии парадоксальны: «*Огонь в бумагу не завернёшь*» (кит.). Здесь выражена идея бессмысленности применения неподходящих средств для решения тех или иных проблем. Подобные парадоксальные суждения есть и в русской паремиологии: «*Плетью обуха не перешибешь*» (рус.). Несочетаемость огня и бумаги, плети и топора самоочевидна. Говорящий находит яркий контраст для того,

чтобы объяснить адресату, что тот поступает неправильно и неизбежно сильно пострадает, если не изменит своего поведения. Перед нами акцентированная тональность настойчивого увещевания. Здесь можно усмотреть и самооправдание: говорящий оправдывается перед собой или другими, что предпринимал какие-то усилия, но все оказалось безрезультатным.

В паремиях может выражаться тональность удивления, смешанного с некоторой досадой: «*В рай за волосы не тянут*» (рус.). Так говорят в тех случаях, когда не удается убедить кого-либо в том, что было бы ему полезно. У этого речения есть коммуникативные эквиваленты: «*Вольному воля, а спасенным рай*» (рус.) или в современном варианте с некоторой долей юмора: «*Колхоз — дело добровольное*» (рус.).

В русской паремиологии обращают на себя внимание шутливые речения. Например: «*У каждой избушки свои поскрипушки*» — Каждому человеку присущи какие-то свои привычки, которые кажутся странными другим. Эта идея поддержана современным разговорным речением: «*У каждого свои тараканы в голове*». Стремление понизить стилистический регистр в поучении свидетельствует о том, что говорящий отдает себе отчет в возможной негативной реакции на это поучение со стороны слушающего. Такая коммуникативная тактика оказывается весьма успешной, поскольку, как известно, действенна только благожелательная критика. В китайской паремиологии подобные шутливые изречения попадаются значительно реже. Возможно, требуется более полный список пословиц, но не исключено, что в китайской лингвокультуре поучение не сопряжено с юмористической тональностью. В ряде случаев ирония становится достаточно едкой: «*Хоть дуйся, хоть не дуйся, уж не быть быком лягушке*» (рус.). В этом речении осуждается спесивое надменное поведение кого-либо.

В пословичном фонде представлены и диалоги, своеобразные драматургические аллегорические речения: «*Тит, пойди молотить!*» — «*Брюхо болит*». — «*Тит, пойди вина пить!*» — «*Дай кафтанишко ухватить*». Вариант: «*Тит, иди кашу есть!*» — «*А где моя большая ложка?*». В этом диалоге иронически показано отношение к лодырю.

Резюме: Составлющие и лингвокультурные традиции мудрости в аллегорических выражениях

• В коммуникативной практике выделяются ситуации, значимые для поучений. Такие ситуации закрепляются в определенных речениях, обычно в пословицах и притчах.

• Анализ русских и китайских аллегорий на материале паремиологии показал, что существует определенная специфика фиксации аллегорического смысла в сравниваемых лингвокультурах. Эта специфика выражается в типичных образах, которые положены в основу аллегорий, в типичных моделях универсальных высказываний и типичных разновидностях коммуникативной тональности, закрепленных в соответствующих аллегорических речениях.

• Образ, модель и тональность представляют собой семиотическое представление прототипной ситуации поучения, в которой выделяются семантические, синтактические и прагматические характеристики. Семиотическое своеобразие образов, используемых в аллегорических речениях, сводится к набору исходных реалий и к совокупности значимых идей, выражаемых посредством этих реалий.

• В русской лингвокультуре выделяются идеи справедливости и коллективизма, в китайской — целесообразности и трезвого учета обстоятельств.

• Китайские паремии часто построены в виде симметричных суждений, русские аллегорические высказывания могут выражаться в разных структурных типах предложений.

• Основными типами коммуникативной тональности в паремиологии являются осуждение и утешение, при этом для русских речений характерно шутливое снижение стилевого регистра, а для китайских — явно выраженная назидательность.

5 Франсуа VI де Ларошфуко и мудрость в афористике

Афоризмы, автосемантические авторские высказывания, образуют особый жанр художественной литературы, конститутивными признаками которого являются содержательная глубина, преимущественно морально-этическая тематика, краткость и точность выражения мысли [Ваганова, 2002; Гонгало, 2007; Дмитриева, 1997; Дядык, 2011; Карлик, 2013; Кулишкина, 2004; Манякина, 1981; Мартемьянов, 1999; Полчанинова, 2012; Сазбандян, 2008; Федоренко, Сокольская, 1990]. В данной работе рассматриваются аксиологические характеристики афоризмов Франсуа VI де Ларошфуко (1613–1680), которого по праву считают одним из самых замечательных мастеров афористики. Его тонкие проницательные суждения о нравах вошли в золотой фонд мировой культуры. Предполагается, что основу его суждений о природе человека, названных «Максимы и моральные размышления», составляют его представления о судьбе, чувствах и рассудке, добродетелях и пороках. Цитируются афоризмы автора в переводе Э.Л. Линецкой [Ларошфуко, 2003].

Говоря о человеке, французский моралист, носивший титул герцога и принимавший активное участие в политической жизни Франции XVII века, имел в виду нравы аристократии. Тем не менее его наблюдения и выводы во многом применимы к человеческой природе вообще.

Афоризмы о судьбе

Одним из важнейших концептов, осмысленных Ф. де Ларошфуко, является судьба. Его суждения по этому поводу весьма пессимистичны.

Все люди зависят от предназначенной им судьбы:

Хотя судьбы людей очень несхожи, но некоторое равновесие в распределении благ и несчастий как бы уравнивает их между собой.

Способности и таланты человека могут реализоваться только при благоприятном раскладе судьбы:

Какими бы преимуществами природа ни наделила человека, создать из него героя она может, лишь призвав на помощь судьбу.

Судьба бывает благосклонна к одним и жестока к другим:

Судьба все устраивает к выгоде тех, кому она покровительствует.

Бесполезно бороться с превратностями судьбы:

Каких только похвал не возносят благоразумию! Однако оно не способно уберечь нас даже от ничтожнейших превратностей судьбы.

При этом очень важно то, что трезвая оценка случайностей судьбы — это надежный показатель порядочности и благородства:

Порядочные люди уважают нас за наши достоинства, а толпа — за благосклонность судьбы.

Судьбу часто называют слепой, поскольку трудно объяснить причины, по которым одним людям везёт, а другим нет. Афорист иронически комментирует это обстоятельство:

Судьбу считают слепой главным образом те, кому она не дарует удачи.

Моралист отмечает, что нам свойственно преувеличивать роль своих усилий в достижении успехов:

Как бы ни кичились люди величием своих деяний, последние часто бывают следствием не великих замыслов, а простой случайности.

Мудрость состоит в том, чтобы трезво оценивать свои возможности:

С судьбой следует обходиться, как со здоровьем: когда она нам благоприятствует — наслаждаться ею, а когда начинает капризничать — терпеливо выжидать, не прибегая без особой необходимости к сильнодействующим средствам.

Знаковым является словосочетание «прихоти судьбы», подчеркивается непредсказуемая капризность возникающих обстоятельств. Приведенные речения свидетельствуют об определенном фатализме мыслителя, с одной стороны, и об оценке судьбы как несправедливой неодолимой силы, играющей человеком, с другой стороны. Такое понимание судьбы в целом соответствует традиционному отношению к ней, зафиксированному в канонических религиозных текстах и наблюдениях житейской мудрости. Вместе с тем следует отметить ироническую усмешку автора, критически оценивающего жалобы людей на судьбу и самолюбование победителей. Симпатии мыслителя — на стороне тех, кто может противостоять неблагоприятным обстоятельствам.

Афоризмы о чувствах и рассудке

Сложные взаимоотношения ума и сердца, рассудочного и чувственного начал в жизни человека детально отражены в афоризмах Ф. де Ларошфуко.

Влечения ума и сердца часто противоречат друг другу:

Человеку нередко кажется, что он владеет собой, тогда как на самом деле что-то владеет им; пока разумом он стремится к одной цели, сердце незаметно увлекает его к другой.

Чувства главенствуют над умом:

Ум всегда в дураках у сердца.

Невозможно осмыслить и предугадать зов чувства:

Не всякий человек, познавший глубины своего ума, познал глубины своего сердца.

Бесполезно имитировать чувства:

Уму не под силу долго разыгрывать роль сердца.

Обратим внимание на существенное уточнение: долго, значит, в течение краткого промежутка времени это удаётся. Вместе с тем чувства часто имитируются:

Скрыть наши истинные чувства труднее, чем изобразить несуществующие.

Бывают парадоксальные следствия борьбы рассудка с чувствами:

Страсть часто превращает умного человека в глупца, но не менее часто наделяет дураков умом.

Тезис о том, что страсть лишает людей рассудка, не нов, но признание того, что глупец может поумнеть от страсти, звучит очень нетривиально.

Подчеркивается связь рассудка и силы воли:

Невозмутимость мудрецов — это всего лишь умение скрывать свои чувства в глубине сердца.

Рациональное поведение не всем под силу:

У нас не хватает силы характера, чтобы покорно следовать всем велениям рассудка.

Нам стыдно признаться в собственной глупости:

Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум.

Вместе с тем всегда есть те, кто глупее нас:

Умный человек нередко попадал бы в затруднительное положение, не будь он окружен дураками.

С течением времени люди обычно набираются опыта и становятся умнее:

К старости недостатки ума становятся все заметнее, как и недостатки внешности.

Моралист отмечает типичные качества умных и глупых людей:

В то время как люди умные умеют выразить многое в немногих словах, люди ограниченные, напротив, обладают способностью много говорить — и ничего не сказать.

Люди редко бывают достаточно разумны, чтобы предпочесть полезное порицание опасной похвале.

Было бы куда полезнее употребить все силы нашего разума на то, чтобы достойно сносить несчастья, уже случившиеся, нежели на то, чтобы предугадывать несчастья, которые еще только могут случиться.

Люди мелкого ума чувствительны к мелким обидам; люди большого ума все замечают и ни на что не обижаются.

В качестве признаков ума отмечены немногословность, трезвая самооценка, рациональное расходование сил и умение контролировать свои эмоции. Отметим, впрочем, что подобный самоконтроль, как сказано в других максимах Ф. де Ларошфуко, доступен немногим.

Заслуживают внимания мысли о том, что мудрость может иногда проявляться в безрассудстве:

Кто никогда не совершал безрассудств, тот не так мудр, как ему кажется.

К старости люди становятся безрассуднее — и мудрее.

Осуждается претенциозность:

Нет ничего глупее желания всегда быть умнее всех.

Есть люди, неспособные мыслить логично и последовательно:

Ум ограниченный, но здравый в конце концов не так утомителен в собеседнике, как ум широкий, но путаный.

Можно излечить от безрассудства, но нельзя выпрямить кривой ум.

В ряде случаев люди пользуются умом себе во вред:

Ум служит нам порою лишь для того, чтобы смело делать глупости.

Предсказуемое рассудочное поведение многим не нравится:

Не может долго нравиться тот, кто умен всегда на один лад.

Некоторые суждения французского мыслителя вызывают критику. Это относится к его оценке интеллекта женщин:

Ум у большинства женщин служит не столько для укрепления их благоразумия, сколько для оправдания их безрассудств.

Не может быть порядка в уме и сердце женщины, если ее темперамент с ними не в ладу.

Подобные характеристики в полной мере применимы и к мужчинам.

Философ специфически понимает доброту:

Глупец не может быть добрым: для этого у него слишком мало мозгов.

Глупцы могут иметь доброе сердце и помогать другим, но в ряде случаев их помощь оказывается лишней или даже вредной.

Заслуживают комментария и противопоставления ума и здравого суждения, ума и хитрости:

Глупые люди могут иной раз проявить ум, но к здравому суждению они неспособны.

Хитрость — признак недалекого ума.

Вероятно, в первом случае речь идет о том, что ум не всегда соответствует мудрости, а во втором случае подразумевается, что хитрец рано или поздно попадает в ловушку, подготовленную им для другого человека.

Невозможно сделать человека умным:

Можно дать другому разумный совет, но нельзя научить его разумному поведению.

Разумное отношение к миру и себе делает жизнь приятной:

Ясный разум дает душе то, что здоровье — телу.

Таким образом, мыслитель подчеркивает противоречивость человеческой природы в несовпадении привязанностей ума и сердца, говорит о том, что чувства бывают сильнее рассудка, характеризует типичные качества людей, поведение которых не соответствует требованиям разумного отношения к жизни.

Афоризмы о любви

В афоризмах Ф. де Ларошфуко дана многомерная оценка важнейшему из чувств — любви.

Показано, что невозможно долго скрывать или имитировать любовь:

Никакое притворство не поможет долго скрывать любовь, когда она есть, или изображать — когда ее нет.

Подлинная любовь встречается нечасто:

Любовь одна, но подделок под нее — тысячи.

Подчеркивается, что любовь и благоразумие несовместимы (речь идет о страсти) :

Благоразумие и любовь не созданы друг для друга: по мере того, как растет любовь, уменьшается благоразумие.

Обращает на себя внимание тонкая психологическая оценка состояния людей, переживших любовь:

Нет таких людей, которые, перестав любить, не начали бы стыдиться прошедшей любви.

Мы не можем вторично полюбить тех, кого однажды действительно разлюбили.

Тот, кого разлюбили, обычно сам виноват, что вовремя этого не заметил.

Тот, кто излечивается от любви первым, — всегда излечивается полнее.

Кто очень сильно любит, тот долго не замечает, что он-то уже не любим.

Эти наблюдения свидетельствуют о том, что их автор болезненно пережил подобное состояние.

Любовь для Ф. де Ларошфуко включает существенный компонент состязания:

Трудно дать определение любви; о ней можно лишь сказать, что для души — это жажда властвовать, для ума — внутреннее сродство, а для тела — скрытое и утонченное желание обладать, после многих околичностей, тем, что любишь.

Если судить о любви по обычным ее проявлениям, она больше похожа на вражду, чем на дружбу.

Подчеркивается изменчивость этого чувства:

Любовь, подобно огню, не знает покоя: она перестает жить, как только перестает надеяться или бояться.

Заслуживают внимания наблюдения автора относительно соотношения любви и уважения, любви и ревности, любви и кокетства:

Трудно любить тех, кого мы совсем не уважаем, но еще труднее любить тех, кого уважаем больше, чем самих себя.

В ревности больше самолюбия, чем любви.

Величайшее чудо любви в том, что она излечивает от кокетства.

Можно заметить, что лирический герой подобных сюжетов очень трепетно относится к сохранению своего лица.

Исповедально звучит следующее речение:

Пока люди любят, они прощают.

Молодых людей часто упрекают в избыточной пылкости. Моралист иронически показывает, что находится на их стороне:

Равнодушие старости не более способствует спасению души, чем пылкость юности.

Приведенные суждения характеризуют не только отношение к любви в среде французских аристократов XVII в., но и личные переживания автора, показывая его как живого человека, которому выпали и радости, и разочарования.

Афоризмы о пороках

Ф. де Ларошфуко остро критикует человеческие пороки. Очень важен авторский эпиграф к его компендиуму суждений о человеческой природе:

Наши добродетели — это чаще всего искусно переряженные пороки.

Отсюда следует, что пороки и добродетели тесно взаимосвязаны. Эта мысль повторяется в разных уточнениях:

Наши страсти часто являются порождением других страстей, прямо им противоположных: скупость порой ведет к расточительности, а расточительность — к скупости; люди нередко стойки по слабости характера и отважны из трусости.

Милосердие сильных мира сего чаще всего лишь хитрая политика, цель которой — завоевать любовь народа.

Хотя все считают милосердие добродетелью, оно порождено иногда тщеславием, нередко ленью, часто страхом, а почти всегда — и тем, и другим, и третьим.

Умеренность — это боязнь зависти или презрения, которые становятся уделом всякого, кто ослеплен своим счастьем; это суетное хвастовство мощью ума; наконец, умеренность людей, достигших вершин удачи, — это желание казаться выше своей судьбы.

Обратим внимание на то, что исходными характеристиками человека в понимании автора являются пороки, которые принимают вид добродетелей.

Моралист осуждает показное проявление благородства:

То, что мы принимаем за благородство, нередко оказывается переряженным честолюбием, которое, презирая мелкие выгоды, прямо идет к крупным.

Смирение нередко оказывается притворной покорностью, цель которой — подчинить себе других; это — уловка гордости, принижающей себя, чтобы возвыситься, и хотя у гордости тысяча обличий, но самое искусное и самое обманчивое из них — смирение.

В основе так называемой щедрости обычно лежит тщеславие, которое нам дороже всего, что мы дарим.

Показная простота — это утонченное лицемерие.

Движущей силой поведения многих людей оказываются честолюбие, гордыня и тщеславие, т.е. стремление возвыситься за счет осознанного или неосознанного унижения других.

Осуждается лицемерное сочувствие:

У нас у всех достанет сил, чтобы перенести несчастье ближнего.

Более всего, по мнению Ф. де Ларошфуко, люди стыдятся зависти, поскольку ее осознание — это признание ими своей ущербности:

Люди часто похваляются самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться.

Философ насмешливо констатирует, что людям свойственно преувеличивать свою значимость:

Тот, кто думает, что может обойтись без других, сильно ошибается; но тот, кто думает, что другие не могут обойтись без него, ошибается еще сильнее.

Заслуживает внимания глубокое замечание о природе нашей самооценки:

Наше самолюбие больше страдает, когда порицают наши вкусы, чем когда осуждают наши взгляды.

Отсюда следует, что наличие хорошего вкуса — это сущностный признак благородной личности.

Побудительной силой поведения многих людей является их стремление привлечь к себе внимание:

В людях не так смешны те качества, которыми они обладают, как те, на которые они претендуют.

Люди скорее согласятся себя чернить, нежели молчать о себе.

Это наблюдение особенно актуально в наше время, когда рекламное самопродвижение считается нормой общения в разных типах дискурса.

С горечью отмечая, что людям свойственно обманывать друг друга и в итоге — обманывать себя, моралист напоминает нам о необходимости искать мотивы поведения в разных обстоятельствах:

Не так благотворна истина, как зловредна ее видимость.

Примирение с врагами говорит лишь об усталости от борьбы, о боязни поражения и о желании занять более выгодную позицию. Не доверять друзьям позорнее, чем быть ими обманутым.

Люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос.

Впечатляет точный образ, найденный автором:

Свет полон горошин, которые издеваются над бобами.

Эта максима по содержанию и форме интертекстуально перекликается с замечательным противопоставлением лилипутов и Гулливера у Джонатана Свифта.

Французский моралист с иронией говорит о человеческой природе:

Признаваясь в маленьких недостатках, мы тем самым стараемся убедить окружающих в том, что у нас нет крупных.

Всецело предаться одному пороку нам обычно мешает лишь то, что у нас их несколько.

Люди делают добро часто лишь для того, чтобы обрести возможность безнаказанно творить зло.

Подобные речения иногда интерпретируются как показатель мизантропии, неверия в достоинства людей. Я не согласен с таким утверждением. В основе критики человеческих пороков лежит вера в человека и высокая требовательность к самому себе:

Невелика беда — услужить неблагодарному, но большое несчастье — принять услугу от подлеца.

Беспощадно осуждаются слабовольные люди:

Чтобы оправдаться в собственных глазах, мы нередко убеждаем себя, что не в силах достичь цели; на самом же деле мы не бессильны, а безвольны.

Предательства совершаются чаще всего не по обдуманному намерению, а по слабости характера.

Слабость характера — это единственный недостаток, который невозможно исправить.

Можно сделать вывод о том, что нравственным идеалом автора является человек с сильным характером, способный преодолевать

неизбежные жизненные трудности и сохраняющий при этом трезвую самооценку.

Резюме: Максимы в форме афоризма

Максимы Ф. де Ларошфуко представляют собой целостный свод поведения достойного и благородного человека. Беспощадно высмеивая как недостатки своих современников, так и вечные пороки, присущие в разной степени всем нам, французский мыслитель требует от людей честности, благородства и душевного равновесия, готовности сопротивляться ударам судьбы и с иронической усмешкой принимать жизнь в ее реальности.

6 Лев Толстой и мудрость как нравственность

Первый и второй лики творчества Льва Толстого

Лев Николаевич Толстой (1828–1910) — уникальное явление в мировой литературе и культуре. Конечно, он известен прежде всего своими великими романами *Война и мир* (1863–1869), *Анна Каренина* (1873–1877) и *Воскресение* (1889–1899), а также не менее важными произведениями, начиная с *Севастопольских рассказов* (1855–1856) и заканчивая *Хаджи-Муратом* (1896–1906), пожалуй, самым впечатляющим произведением русской литературы о кавказских войнах XIX века. Однако Толстой важен не только как писатель. С восьмидесятых годов XIX века в творчестве Толстого доминирует нравственная публицистика, представленная в жанровом многообразии, но нашедшая свое логическое завершение в публичном покаянии и страстном поучении, как оно есть в его «Исповеди». Нравственная публицистика — это еще один лик его творчества, второй. Последний, третий, лик творчества представляет собой собрания мудрых изречений, которые Толстой составил в конце своей жизни.

Толстой написал обширные критические трактаты по вопросам культуры и, прежде всего, по религиозным вопросам: *Что такое искусство?* (1897–1898), *Церковь и государство* (1879), *Краткое изложение Евангелия* (1881–1883), *В чем моя вера?* (1883), *Царство Божье внутри вас* (1890–1893), *Христианский катехизм* (1894–1896) и другие. Рубеж XlX–XX веков ознаменовался появлением *Исповеди* (1879–1882 гг.). В ней Толстой переосмыслит вообще жизнь, начнет жить просто и почти аскетично, хоть со своей семьей и в Ясной Поляне, почувствует себя способным стать учителем человечества, нашедшим непреходящий смысл человеческого существования. Толстой открыл школу для детей крестьян, заложив основу для новой педагогической реформы XX века. Толстой стал вегетарианцем и радикальным пацифистом и, таким образом, примером для Махатмы Ганди (1869–1948), для первого лауреата Нобелевской премии мира Берты фон-Суттнер (1843–1914) и для всего европейского пацифизма вплоть до Первой мировой войны (Belentschikow 2012: 60–86). Философ Людвиг Витгенштейн (1889–1951) под влиянием религиозной морали Толстого временно оставил философскую карьеру и стал учителем начальной школы (Kusse 2010: 97). Толстой видел себя обновителем христианства и резко критиковал Русскую Православную Церковь и ее догма-

тику. Его идеи, художественно воплощенные в романе *Воскресение,* стали причиной разрыва с Церквью, зато появились последователи его строгой нравственной доктрины, которые основали по всему миру религиозные общины, носящие его имя — *Толстовцы*.

Сегодня сторонники Толстого, если они и есть, не играют заметной роли в общественной жизни, само движение почти забыто, и никто не называет себя его противником, а роман *Воскресение* как «мысль духовная» не вызывает больше общественного резонанса, уйдя в плоскость научных измышлений. Второй лик творчества Толстого, т.е. его духовная и общественная публицистика, знаком только специалистам. Оно не является предметом общественных дискуссий и больше не оказывает влияние на выдающихся личностей в области религии, политики или культуры. Парадоксально, но утрата значимости провокационного мышления Толстого, его критики государства, закона, насилия и радикального пацифизма началась еще со времен Первой мировой войны, то есть тогда, когда сам факт происходящих исторических событий доказывал его предостережение о том, что зло и насилие будут укореняться, множиться и разрастаться, если не встретят радикальный отпор и категорический отказ от них. Возможно, нравственные представления Толстого и его убежденность в том, что совершенство возможно, перед лицом ужасов Первой и тем более Второй мировой войны, были слишком мало утешительны для одних, слишком оптимистичны для других и слишком непрактичны для третьих. Сейчас, более ста лет спустя, в свете всемирной политической и военной агрессии и приближающейся экологической катастрофы снова пришло время вспомнить Толстого и его наставления.

Третий лик творчества Льва Толстого

Однако интеллектуально-духовные возможности писателя, изложенные в форме многостраничных и тяжеловесных трактатов, препятствуют ренессансу толстовского революционного мировоззрения. Кто захочет это прочитать? В мире интенсивной и напряженной реальности никто не возьмет на себя смелость глубоко погрузиться в альтернативную картину мира, выстраданную писателем и предложенную неокрепшему читателю. Кто захочет, чтобы старый бородатый мужчина, хоть и умудренный большим опытом, читал

ему или ей лекции на сотнях страниц? Возможно, в конце своей жизни Толстой сам себе задал эти вопросы и поэтому в последнее десятилетие своей жизни «растворил» объемную форму и представил миру третий лик своего творчества в виде сборников изречений, притч и других коротких форм в традиции мудрости (Kusse 2010, 2011a). Он собрал тексты из религиозных, нравственных, мистических и мудрых традиций истории человечества. Три основных сборника мудрых мыслей позднего этапа творчества писателя должны были стать спутниками человеку на протяжении всей его жизни и имеют соответствующие названия: *На каждый день* (1906–1910), *Круг чтения* (1904–1908), *Путь жизни* (1910). Как повествователь Толстой также обратился к малым формам, начиная от сказок и заканчивая параболами в форме повестей, которые также могут быть причисленными к литературе мудрости; например, *Хозяин и работник* и *Три старца*.

Жанровые структуры произведения для Толстого — это определенный ракурс его представлений о мире, поэтому в поздний период своего творчества он уходит от романа к сборнику изречений, а систематически структурированный трактат растворяется в последовательности наблюдений, высказываний и афоризмов. Но строгая мораль и религиозные убеждения Толстого, которые он также преподносит с большим пафосом в своих сборниках, остаются неизменными. Они являются впечатляющим свидетельством мудрости из знания в традиции книги *Притчи* Ветхого Завета. Толстой возродил эту мудрость как знание с ее ясными представлениями о добре и зле, святом и грешном, о глупцах и мудрецах в монументальной форме. Однако есть одна разница между ними. Толстой существенно нарушает причинно-следственную связь между добродетельным поведением и благополучной судьбой человека. Его нравственность, как у Екклесиаста и Иисуса, обладает ценностью сама по себе. Истинная добродетель сама по себе добродетель, она не требует награды. Для человека, в природе которого заложено добро, добро само по себе является добром. Только тогда, когда праведное поведение станет неписаным правилом в обществе, будет возможна связь между добродетелью и благополучием. Совершение добра как необходимого блага приумножает его в разы и, наконец, открывает дверь в Царство Божье, то есть при условии праведной жизни всех и каждого человеку обещана благая или идеальная жизнь. Понятно, что человек уже сейчас внутри себя может ощущать это благо.

> Стоит только человеку полагать свою жизнь в соединении любовью со всем живущим и с Богом, и жизнь его тотчас же вместо муки становится благом. (Толстой 1956: 169)

Мудрость как самопознание

Нравственность Толстого, с одной стороны, строгая и догматическая, а с другой — индивидуальная. Толстой не написал общую программу улучшения мира для человечества, которую должны были осуществлять определенные активисты, организации или государства. Такие идеологии, как коммунизм, несмотря на то, что он проповедовал простую и эгалитарную жизнь, были ему совершенно чужды. Его призыв всегда был обращен к отдельному человеку, и именно в этом заключается мудрость его призыва. К радикальной нравственной мудрости Толстого относится его твердая убежденность в том, что Царство Божье, то есть идеальная жизнь, может быть найдено внутри каждого человека и лишь через познание каждого и осуществление в каждом может стать реальностью, в то время как каждая попытка (благонамеренная или нет) улучшить мир без внутренней воли людей на это всегда обречена на неудачу.

> Ничто так не задерживает осуществления царства божия на земле, как то, что люди хотят установить его делами, противными ему: насилием. (Толстой 1956: 216)

Единственное, что человек может улучшить, говорит Толстой в *Пути жизни,* — это он сам. И уже это трудно для человека:

> Люди видят, что в их жизни что-то нехорошо и что что-то надо улучшить. Улучшать же человек может только то одно, что в его власти, — самого себя. Но для того, чтобы улучшать самого себя, надо прежде всего признать, что я нехорош, а этого не хочется. (Толстой 1956: 202)

Толстой в середине своей жизни публично встал на путь самосовершенствования, о чем свидетельствует публикация его *Исповеди*. В ней он изнутри ощутил свою жизнь греховной, открыто признал ее цепью материальных и плотских соблазнов и грехов. Но он познал истинную жизнь или, по крайней мере, путь к ней, и встал на этот лучший путь жизни. Знание о том, как правильно жить, оформляется в таинстве исповедания посредством самонаблюдения, отголоски которого мы находим в книгах *Екклесиаст* и *Премудрости Иисуса, сына Сирахова.* В них Герхард фон Рад видел «автобиографи-

ческую стилизацию», где «знание представлено таким образом, что оно предстает как личное открытие и личный опыт учителя» (von Rad 1985: 56 — пер. с нем.: Х. К.). «Книга "Екклесиаст" представляет собой единство исповеди и проповеди, ее исповедальная ткань повествует об основных обретениях, к которым приходит мудрый человек к концу жизни, а проповедническая энергетика направлена на оправдание осмысленности ускользающего бытия, каким бы тщетным оно ни казалось» (Карасик 2010: 247). То же самое можно сказать об *Исповеди* Толстого, в которой книга *Екклесиаст* часто цитируется (ср. Мень 1992: 167). Толстой также описывает переживания, всегда приводящие к пониманию ничтожности своего существования. Однако в отличие от *Екклесиаста*, чей метафорический образ ветра допускает несколько интерпретаций — ничтожность, мимолетность и непредсказуемость существования, Толстой фокусирует свое внимание на бессмысленности не только его богатства, но и всех его подвигов, успехов и привилегий.

> Я искал объяснения на мои вопросы во всех тех знаниях, которые приобрели люди. И я мучительно и долго искал, и не из праздного любопытства, не вяло искал, но искал мучительно, упорно, дни и ночи, — искал, как ищет погибающий человек спасенья, — и ничего не нашел. (Толстой 1957: 15–16)

> Мне [...] приходил в голову вопрос: „Ну хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?.." И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: „Зачем?" Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: „А мне что за дело?" Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: „Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, — ну и что ж!.." И я ничего и ничего не мог ответить. (Толстой 1957: 11)

Тем не менее поиск не заканчивается ничем, а очень скоро добросовестно ищущий свой путь найдет его. Толстой уверен, что с одинаковым основанием человек постигнет смысл правильной жизни, наполняя ее практическим смыслом. В начале *Пути Жизни* эта вселенское простое познание сформулировано как направляющий максимум пути к прозрению и истине:

> Для того, чтобы человеку жить хорошо, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать. Для того, чтобы знать это, нужна вера. Вера — это знание того, что такое человек и для чего он живет на свете. И такая вера была и есть у всех разумных людей. (Толстой 1956: 202)

Мудрость Толстого как универсальная жизненная практика

Правильную или истинную жизнь умозрительно не проживешь, она должна быть пройдена. Во введении к небольшой книге *О жизни* Толстой рассказывает притчу о мельнике, который хотел открыть для себя таинственную механику своей мельницы. По дороге от мельницы к стволу и колесу мельницы, а оттуда к плотине и воде, он понял, что вся работа мельницы расположена у плотины и реки. Начиная с этого осознания, мельник больше не заботился о своей мельнице, как раньше, на том основании, что ни одна мельница не работает без воды, и чтобы иметь возможность измельчать, нужно знать движение воды: знать мельницу – значит знать воду. Но мельница, о которой он больше не заботился, пришла в упадок. «Логически мельник неопровержим в своем рассуждении», – комментирует Толстой его историю. Единственный способ освободить его от ошибки — дать ему понять, что во всех суждениях и их обоснованиях первостепенное значение имеет не рассмотрение как таковое, а его местоположение в иерархии ценностей. Надо знать, о чем нужно думать сначала, а о чем — потом, ибо рациональное мышление отличается от неразумного мышления тем, что суждения настраиваются на порядок в соответствии с их смыслом. Этот порядок, в свою очередь, зависит от цели рассмотрения. Эта телеологическая максима обобщена Толстым. Мельница становится метафорой жизни:

> Жизнь есть та мельница, которую хочет исследовать человек. Мельница нужна для того, чтобы она хорошо молола, жизнь нужна только затем, чтобы она была хорошая. И эту цель исследования человек не может покидать ни на одно мгновение безнаказанно. (Толстой 1936: 314)

Против абстрактной логической аргументации здесь требуется признание правильных связей знаний, полученных из жизненного опыта, и признание добра как цель жизни. Иными словами, требуется мудрость.

У Толстого такая мудрость и личная, и вселенская, в чем богослов Мариан Махинек видит существенную параллель с «дальневосточной мудростью». Это включает в себя идею «абсолютного единства всех живых существ, убежденность в том, что любая религия на самом деле является нравственной доктриной, примат индивидуального самосовершенствования, абсолютный пацифизм, но также и

скептицизм по отношению к любому гарантированному государством порядку» (Machinek 1998: 227 — пер. с нем.: Х. К.; см. также Schmid 2010: 80–83; Kuße 2010: 34–39).

Елена Мелешко называет моральное, воспитательное и не в последнюю очередь художественное притязание Толстого «искусством жизни» (Мелешко 2006: 3). Это «искусство» имеет универсальное оправдание: оно следует «закону истинной жизни», который, по убеждению Толстого, каждый человек знает внутри и который одинаков для всех разумных людей. Тот, кто отрицает это, отрицает свой разум.

> Истинный закон жизни так прост, ясен и понятен, что людям нельзя оправдывать свою дурную жизнь тем, что они не знают закона. Если люди живут противно закону истинной жизни, им остается одно: отрекаться от разума. Они это и делают. (Толстой 1956: 21)

Толстой находит «истинный закон жизни» у основателей религий, философов, политиков и учителей мудрости, будь то Иисус, Мухаммед, Сенека, Кант, Шопенгауэр, Ангел Силезский, Рамакришна или Конфуций. Особенно в *Пути жизни* он цитирует Канта, Лессинга и Библию, а также Стоа (Марка Аврелия), мистиков (Ангела Силезского) и восточных учителей мудрости (Лао-Цзы). Он комбинирует цитаты и, среди прочего, следует американским образцам публицистики, которую он частично переводит (Алексеева 2005; 2010: 35–36). Но даже используя только цитаты, Толстому удалось выстроить исключительно свой диалог с жизнью, из примеров которой он собрал «полотно» о человеческой природе, и обнажив сердце и душу человека в своих интеллектуально-духовных трудах, он, прозорливец, нашел свои собственные слова и откровение, которые представлены им абсолютно правдивыми. Сергий Булгаков справедливо утверждал, что сборники *Круг чтения* и *Путь жизни* — это «канонические книги толстовства» и «библия и катехезис» позднего Толстого, несмотря на то, что «в литературном отношении это сплошная мозаика» (Булгаков 1912).

Толстой говорит с полной уверенностью, что он нашел и может провозгласить закон истинной жизни, потому что это не изобретение, а скорее откровение. В *Пути жизни* он перефразирует изречение индийского мистика Рамакришны Парамахамсы (1836–1886):

> Когда дождевая вода течет по желобам, то нам кажется, что она вытекает из них. Но ведь вода падает с неба. То же и с поучениями святых и мудрецов: нам

кажется, что поучения идут от них, а они идут от бога. По Рамакришне. (Толстой 1956: 31)

Так что все уже ясно и очевидно. Ты должен подчиняться только тому, что говорят мудрецы и что диктует твоя совесть.

Ничто так не уродует жизни людей и так верно не лишает их истинного блага, как привычка жить не по учению мудрых людей мира и не по своей совести, а по тому, что признают хорошим и одобряют те люди, среди которых живет человек. (Толстой 1956: 224)

Трактаты и сборники мудрых изречений Толстого насыщены такими терминами, как «истина», «закон» или «доброе», и такими прилагательными, как «истинный», свидетельствующие об обладании истиной и притязании на нее.

В *Пути жизни* Толстой говорит не только о «религии», «вере», «жизни» и т.д., но и об «истинной религии», «истинной или настоящей вере», «настоящей жизни», «истинном законе жизни», «истинном законе Бога», «истинном добре», «настоящей любви». Точно так же существуют не только «я» или «добрые дела», но и «истинное я, настоящее я» и «истинное доброе дело», и, наконец, «мудрец» и «учитель» – это «истинные мудрецы» и «истинные учителя», а «настоящий человек» может отличаться от «человека».

От установления истины приходит наставление жить по истине. Как и в ветхозаветных *Притчах*, в учении Толстого о мудрости нет разделения между сущим и должным (Kuße 2011b). Как справедливо отмечает христианско-еврейский философ Лев Шестов в своей книге *Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше*, Толстой был убежден, «что он нашел способ исцелить человечество от всех общественных недугов. По его словам, он напал, наконец, на архимедов рычаг. Стоит только надавить — и весь старый мир перевернется, все бедствия исчезнут, и люди станут счастливыми» (Шестов 1993: 50–51).

Формы мудрости в собраниях Толстого

Правила жизни Толстого — это и совет, и предупреждение. Многие высказывания обладают явной деонтической модальностью, которая выражается модальными лексемами *должно*, *нужно* и *надо* (Kuße 2011b). Нередко используются и императивные конструкции:

Для того, чтобы не делать злых дел, мало того, чтобы удерживаться от самых дел, надо научиться удерживаться от злых разговоров, а главное — удерживаться от злых мыслей. (Толстой 1956: 349)

Хочешь быть свободен — приучай себя воздерживаться в своих желаниях. (Толстой 1956: 350)

Надо быть всегда радостным. Если радость кончается, ищи, в чем ошибся. (Толстой 1956: 395)

Не хвали себя, не осуждай других и не спорь. (Толстой 1956: 355)

Напутствия и поучения могут быть обоснованы или расширены в объяснениях:

Помни, что если ты можешь сделать хорошее дело, оказать любовь кому-нибудь, то надо делать это сейчас, потому что пройдет случай и не возвратится. (Толстой 1956: 337)

Старайся не думать про себя хорошее. Если не можешь думать про себя дурное, то знай, что уже то дурно, что ты не можешь думать про себя дурно. (Толстой 1956: 409)

Напоминание или совет могут быть сформулированы непосредственно и, как в предыдущих примерах, в императиве, но могут также формировать косвенные речевые действия:

Исполнение закона Бога — закона любви, дающего высшее благо возможно во всяком положении. (Толстой 1956: 495)

Чем лучше живут люди, тем они меньше жалуются на людей. А чем хуже живет человек, тем больше он недоволен не собой, но другими. (Толстой 1956: 484)

Мудрость Толстого — это не только предупреждение. Жизненный опыт, в том числе и противоречивый, и отрицательный, также находит ироничные формы выражения. Разнообразность жизни может быть выражена разнообразными формами непрямого говорения. Художественные приемы Толстого, его язык, образы и приемы, сравнения и метафоры, а также повторения, контрасты, инверсии и синтаксические параллелизмы резкие и смелые, как в *Притчах* Ветхого Завета:

Грешить дело человеческое, оправдывать грехи — дело дьявольское. (Толстой 1956: 95)

От тела — грехи, от мнения людей — соблазны, от недоверия к своему разуму — суеверия. (Толстой 1956: 98)

В парадоксальных, антитетических и противоположных конструкциях оспариваются или ставятся под сомнение широко распространенные ошибки:

Если у одного человека есть много лишнего, то у многих других недостает нужного. (Толстой 1956: 113)

Религия не потому истинна, что ее проповедовали святые люди, а святые люди ее проповедовали потому, что она истинна. (Лессинг) (Толстой 1956: 31)

Тот, кто говорит, что любит Бога, но не любит ближнего, тот обманывает людей. Тот же, кто говорит, что любит ближнего, но не любит Бога, тот обманывает самого себя. (Толстой 1956: 75)

При использовании аналогий, сравнений и метафор одно и то же выражение может быть использовано один раз буквально и один раз образно в высказывании, причем граница между метафорой и буквальным использованием не всегда ясна:

Лучше, чтобы одежда была впору совести, чем, чтобы она была впору только телу. (Толстой 1956: 113)

Железо тверже камня, камень тверже дерева, дерево тверже воды, вода тверже воздуха. То же, чего нельзя ощупать, чего не видно и не слышно, тверже всего. Одно оно было, есть, будет и никогда не пропадет. Что же это такое? Это душа в человеке. (Толстой 1956: 35)

Обращаясь к историческим примерам и рассказам,Толстой отрицает распространенные фальшивые, по его убеждению, мнения и привычки:

Греческий мудрец Пифагор не ел мяса. Когда у Плутарха, греческого писателя, писавшего жизнь Пифагора, спрашивали, почему и зачем Пифагор не ел мяса, Плутарх отвечал, что его не то удивляет, что Пифагор не ел мяса, а удивляет то, что еще теперь люди, которые могут сытно питаться зернами, овощами и плодами, ловят живые существа, режут их и едят. (Толстой 1956: 110)

Кто-то подходит к двери. Я спрашиваю: Кто там? Отвечают: Я. — Кто я? — Да я, — отвечает тот, кто пришел. А пришел крестьянский мальчик. Он удивляется тому, что можно спрашивать о том, кто это я. Он удивляется потому, что чувствует в себе то единое духовное существо, которое одно во всех, и потому удивляется тому, что можно спрашивать о том, что должно быть известно всякому. Он отвечает о духовном я, я же спрашиваю о том окошке, через которое смотрит это я. (Толстой 1956: 36)

Мудрость и система

Притча и апофегма — это формы мудрой речи. Но Толстой их не только накопляет, а старается их составить в согласованном и систематичном виде. В *Пути жизни* наставления, афоризмы и рассказы тематически организованы в таких главах, как «О вере», «Душа», «Бог», «Любовь», в последовательности которых Толстой развивает

целостную философию жизни, начиная с учения о знании и Боге через учение о нравственности и заканчивая мыслями о смерти. Каждой теме, как правило, предшествует определение или утверждение, содержащее максиму из всех последующих обучающих текстов.

> Неосязаемое, невидимое, бестелесное, дающее жизнь всему существующему, само в себе мы называем Богом. То же неосязаемое, невидимое, бестелесное начало, отделенное телом от всего остального и сознаваемое нами собою, мы называем душою. (Толстой 1956: 32)

> Грех — это потворство телесным похотям; соблазны — это ложное представление человека о своем отношении к миру; суеверия — это принятое на веру ложное учение. (Толстой 1956: 91)

При линейной разработке понятий частично разрабатываются алгоритмические функциональные деонтические концептуальные системы:

> Любить можно только совершенство. И потому для того, чтобы любить, надо одно из двух: или считать совершенным то, что несовершенно, или любить совершенство, то есть Бога. Если считать совершенным то, что несовершенно, то ошибка рано или поздно окажется, и любовь кончится. Любовь же к Богу, то есть к совершенству, не может кончиться. (Толстой 1956: 74)

Деонтологический силлогизм в основе мудрости, который может быть выражен в формуле «Если a, то b. Если вы хотите b, то делайте a», выводится Толстым с претензией на универсальность таких принципов, как любовь и несопротивление злу.

> Один индийский мудрец говорил: „Как мать бережет свое единственное детище, ухаживает за ним, оберегает его и воспитывает его, так и ты, всякий человек, расти, воспитывай и оберегай в себе самое дорогое, что есть на свете: любовь к людям и ко всему живому“. Этому учат все веры: и браминская, и буддийская, и еврейская, и китайская, и христианская, и магометанская. И потому самое нужное на свете это — выучиться любить. (Толстой 1956: 85)

Несмотря на то, что в примере приведена мудрость, разница с мудростью в ней очевидна. Короткий текст заканчивается общим термином в виде деонтического предсказания, стремящегося охватить все действия, и этот переход от наблюдения и мудрого совета к абсолютному, непреложному деонтическому силлогизму ведет Толстого ненамеренно и незаметно от мудрости в мир абстрактных принципов.

Абстрагирование чего-то неизбежно остается неоднозначным. Как будто Толстой не хочет доверять собственному категориальному аппарату, им постоянно переопределяются термины, а системное

мышление и определение трансформируется в контрастные конструкции или метафоры:

> Не тот неверующий, кто не верит в то, чему верят все вокруг него, а истинно неверующий тот, кто думает и говорит, что верит в то, во что не верит. (Толстой 1956: 30)
>
> Душа — стекло. Бог — это свет, проходящий через стекло. (Толстой 1956: 41)
>
> Тело — это пища души, это леса, посредством которых строится истинная жизнь. (Толстой 1956: 40)

Дефинирование сочетается с живописностью и художественностью. Это может быть интерпретировано как подчинение образов дефиниционной речи, но также и как интеграция абстракции в мудрость, открытую для интерпретации. Подобное можно сказать и о распаде замкнутого текста на последовательность изречений в последних работах Толстого. Хотя систематика все еще сохраняется, тем не менее примечательно, что текст становится сборником мыслей, оставляющих пробелы, в которые можно вписать собственный опыт. Мудрость здесь — это не только истина истинной жизни, которая была единогласно признана всеми мудрецами всех времен и религий, но и мудрость ограничения. Отдельные слова могут сформировать систему, всеобъемлющее объяснение мира и философии, но прежде всего они должны работать индивидуально в жизни своих читателей. Идея, будь то утверждение или императив, должна проявить себя в конечном счете в повседневной жизни. Это не может оставаться теорией, а должно быть жизненной практикой. Это показывает (и активизирует) пробел в тексте или пробел между текстами. Поэтому пробелы между изречениями, пожалуй, не менее важны, чем сами слова. В них молчание и медитация вошли в непрестанное писание Толстого, и они также являются актом мудрости.

Резюме: Мудрость у Льва Толстого

• Во второй половине своей жизни Лев Толстой разработал строгую пацифистскую, христианскую нравственную доктрину, репрезентированную в последние годы его жизни в больших сборниках мудрости: *На каждый день* (1906–1910), *Круг чтения* (1904–1908), *Путь жизни* (1910). Повествовательные формы литературы мудрости Толстого варьируются от сказок до притч в форме повестей, например, *Хозяин и работник* и *Три старца*.

• В начале XX века Лев Толстой возродил в монументальной форме мудрость из знания в традициях книги *Притчи* в Ветхом Завете и *Нагорной проповеди* Иисуса Христа.

• Для Толстого мудрость отражает «истинный закон» жизни, который универсален и доступен всем людям.

• В отличие от мудрости древнего Востока, как она отражается в книге *Притчи*, Толстой не предполагает прямой связи между правильным действием и доброй судьбой. Однако он убежден, что правильное действие всех приведет к хорошей жизни всех, которую Толстой называет Царством Божьим. Каждый человек должен быть убежден действовать правильно.

• Собрания Толстого отличаются от ветхозаветной мудрости систематическим порядком сюжетов. В отличие от трактата, собрания предназначены для сопровождения людей в их повседневной жизни. Афоризмы, рассказы и сказки находятся в прямой зависимости от ситуации.

• В сборниках мудрости Толстого пробелы между текстами не менее важны, чем сами тексты. Они дают пространство для собственных переживаний, и в них поток текстов прерывается тишиной и медитацией.

7 Мудрость и религия

Место мудрости в иудаизме, христианстве и исламе

В Библии мудрость занимает большое место. В Ветхом Завете (*Танах* и *Септуагинта*) шесть книг посвящены ей. Кроме того, в других библейских книгах, особенно в Псалмах, встречаются рассказы мудрости, поговорки и стихи. В Евангелиях Иисус выступает как учитель мудрости. Тем не менее мудрость не находится в центре религии. В иудаизме после разрушения Иерусалимского Храма и изгнания из Израиля в первом и втором веках нашей эры раввинское учение, основанное на мудрости, обеспечило выживание, но, впрочем, основанные на мудрости тексты имеют гораздо более низкий статус, чем книги Торы. Статус *Екклесиаста* долгое время был даже спорным. Не *Притчи*, не книга *Иов* и не *Псалтырь*, а истории Авраама и Иакова, история Исхода и откровения на Синае, более мелкие книги по истории, как, в частности, *Есфирь*, великие пророки *Исаия*, *Иеремия* и *Иезекииль* и из Септуагинты книги *Маккавеев*, формируют религиозное самосознание. На них основаны великие иудейские праздники *Иома Киппура*, День Искупления (Исаии 1:18), *Суккот*, Праздник Кущей (Второзаконие 16:13–15), *Ханнукка*, Праздник Света (1 Маккавеи 4:52–59), *Пурим*, Праздник Радости (Книга Есфирь), *Песах*, Праздник Исхода из Египта (Исход). В христианстве основателем религии является не учитель Иисус, а воскресший Христос, и все важные праздники связаны со смертью (*Страстная пятница*), воскресением (*Пасха*), вознесением (*Вознесение Господне*) и, наконец, переходом Святого Духа (*Троица*) и божественной природой Христа (*Рождество*, *Праздник Крещения*). С другой стороны, нет никакого великого праздника мудрости, основанного на истории двенадцатилетнего Иисуса в храме (Луки 2:41–52). В православии картина выглядит немножко лучше, чем в католичестве и в протестантизме. Известные храмы посвящены Софии. В фундаментальных текстах истории Церкви, таких как, в частности, *Житие Константина Кирилла*, часто упоминается мудрость, была создана софилогическая иконография, а в Божественной Литургии зов *Σοφία* звучит перед чтением Евангелия. Однако все это имеет в основном символический характер. Особенностью церковно-славянской и русской традиций является языковое разграничение повседневной, человеческой и божественной мудрости, как *мудрость* и *премудрость* (Верещагин / Косто-

маров 2005: 975–979). Церковно-славянский литургический зов, который соответствует греческому зову *Σοφία,* — это *Премудрость*. В синодальном переводе Русской Православной Церкви книги мудрости называются *Премудрость*, а когда в восьмой главе книги *Притчи* София говорит сама о себе в 1-ом лице, то она также называет себя *Премудростью*. Екклесиаст, однако, говорит, что он старался «исследовать и испытать мудростью» (Еккл. 1:13). Эта дифференциация посредством префиксального образования имеет потенциал для развития особенного богословия мудрости. Но до этого не дошло, возможно, и потому, что разграничение отсутствует в греческом языке. Софилогическая философия религии, зародившаяся в России в конце XIX века и впоследствии получившая особое развитие в русской эмиграции после 1917 года, в этом плане была ориентирована на греческий. Она воспринималась и воспринимается очень критичной в официальной церкви, была открыто отвергнута и частично осуждена (см. ниже).

В исламе такая же картина. Хотя мудрость играет большую роль в истории исламской культуры, а первые великие академии Багдада в IX веке и в Каире в XI веке были названы Домом Мудрости (*bait al-ḥikma* и *dar al-ḥikma*), Мухаммед предстает как «Печать Пророков», а не как учитель мудрости. Месяц поста Рамадан относится к откровению Корана, Курба́н-байра́м, праздник жертвоприношения, отмечает жертвоприношение Исаака Авраамом, великий Хадж, паломничество в Мекку, которая является одним из пяти столпов Ислама, связано с прощальным паломничеством Мухаммеда в Мекку в 632 году. Так что мудрость здесь тоже не стала центром религии.

Мудрость и ценность повседневной жизни

Мудрость сопровождает религию в иудео-христианско-исламских культурах, но не является ее ядром, а скорее похожа на планету, вращающуюся по орбите вокруг Солнца, не образуя гравитационного центра системы. Вопрос в том, почему это так. В других культурах и религиях, таких как буддизм, даосизм и конфуцианство, мудрость может восприниматься как фундамент религии, и, именно поэтому с иудейско-христианско-исламской точки зрения время от времени возникают сомнения в том, являются ли буддизм, даосизм и конфуцианство вообще религиями или лучше их считать философскими

учениями с особой духовностью (даосизм, буддизм) или нравственностью (конфуцианство).

Одной из причин разделения мудрости и религии в иудейско-христианско-исламском культурном пространстве является прямая связь мудрости с повседневной, земной жизнью. «[К]огда переходишь от чтения Пророков к Притчам, кажется, будто спускаешься с неба на землю», — цитирует Александр Мень в своей *Истории религий* «од[ного] современн[ого] писател[я]», имя которого он не называет (Мень 1992: 128). Если не считать ипостазирования (Мудрость как Творческая Сила, Божественная Мудрость, Софиология), о чем будет речь ниже, то мудрость редко является трансцендентным мышлением, а относится прежде всего к «здесь и сейчас» (Scobel 2008: 117). Особенно это касается ветхозаветной мудрости, которая была лишь слабо связана с официальной религией своего времени, особенно с культовой практикой в иерусалимском храме (vonRad 1985: 240–244; Schmid 1988: 11–12). Поэтому Герхард фон Рад (vonRad 1985: 82–85, 91) увидел в мудрости явление секуляризации, определившееся около 1000 г. до н.э. во времена после царей Саула и Давида. Секуляризация в этом случае означает, что повседневная жизнь стала ценностью жизни самой по себе, независимой от религиозных обоснований, убеждений и практик. Наверное, поэтому в речениях о праведном и греховном поведении не содержатся призывы к раскаянию, такие призывы наличествуют в других книгах Священного Писания. Задача проповедника в поучениях — призвать своих слушателей не грешить, раскаяние же представляет собой более высокую ступень приближения к спасению.

Однако из этого не следует, что люди с тех времен живут в двух мирах — повседневном и священном; и в раннем периоде мудрости мы уже имеем дело с функциональным распределением по функциональным признакам профана и святого. Скорее всего, выработанный и накопленный опыт переживаний получает новую ценность. Качественный диапазон переживаний и достижений сделал их достойными письменной фиксации, источником воспитания и преданий. Связь с трансцендентным осуществляется посредством первого авторитета, гарантирующего истину мудрости, когда ее источником назван Сам Бог (Псалом 111; Притчи 2:6. 9:10 и др.; см. выше главу «*Четыре авторитета мудрости*»). В критике мудрости Бог снова может стать пределом познания мудрости, ибо воля Божья явно превосходит человеческий разум и человеческую мудрость

(Притчи 3:5. 21:30). В этом осознании страх перед Богом становится началом и предпосылкой мудрости (Псалом 111:10; Притчи 1:7; Иов 28:28).

Мысль о Боге как о пределе человеческого понимания продолжает существовать в мудрости Иисуса в Евангелиях. Притчи, которые все касаются Царства Божьего, на первый взгляд кажутся отличными от традиции мудрости, потому что их тема — трансцендентность. Иисус обращается к иному миру, не похожему на известный мир: «Царство Моё не от мира сего» (Иоан. 18:36). Но образы, использованные Иисусом, тем не менее совершенно земные и понятные слушателям: приглашение на пир (Луки 14:15–24), оплата труда рабочих (Матф. 20:1–16), посев зерновых (Матф. 13:18–23) и т.д. В этих притчах всегда речь идет о пределе познания Бога и, конечно же, о благоговении перед Богом как части мудрости. К тому же в дальнейшей истории христианства, в том числе и в его критике, все больше и больше распространялось представление о Боге как об источнике и пределе мудрости. Об этом речь и в мудрости Толстого (см. выше).

Мудрость не противоречит религии, но отличается от нее тем, что, во-первых, не оформлена в ритуал и культ и, во-вторых, не формирует системы верований. Религиозный ритуал оторван от повседневной жизни и если он развивается в сложный культ, как в истории христианства со II века н.э., то окончательно определяет свой собственный мир, который можно понять как параллельный мир, какой, например, находим в учении Августина о «двух царствах». В этом параллельном мире создаются не только собственные институциональные структуры, но и особенная архитектура, произведения искусства, целый эстетический мир и, наконец, особенные системы мышления — вероучения, догмы. В начале 19 века очень известный в прошлом Архиепископ Русской Православной Церкви Амвросий в своей влиятельной гомилетике *Живое Слово* описал этот процесс как шаг Слова к действию (ср. Kuße 1994: XXXIII).

> [С]лово переходило въ дѣло: устроялись церкви [,] постановлялись законы, учреждались священнодѣйствія, являлись подвижники добродѣтели и мученики за истину, и жизнь воплотила въ себѣ и закрѣпила живое слово; и *церковное преданіе*, начатое живымъ словомъ, но записанное, такъ сказать, дѣяніями христіанъ и цѣлыхъ церквей, стало первоисточникомъ христіанской истины. (Амвросий 1903: 23–24)

Это демиургическое начало отличает религию от мудрости. В разграничении религии как объективного проявления культа и системы и религиозности как субъективного присвоения мира, обращения к Богу и духовности (см. Kuße 2010: 155–156; 2011c: 64) мудрость, таким образом, вполне может принадлежать к религиозности людей, но в пространстве еврейско-христианско-исламской культур вряд ли приводит к объективному выражению религии.

Окончательно определить, что есть религия, не представляется возможным, даже весьма сомнительно, существует ли вообще религия в всеобъемлющем смысле этого слова или же существуют разновидности религий, между которыми наблюдаются сходства, не сводимые к общему понятию. Тем не менее в истории изучения религии были обнаружены формулировки, характерные для ряда религий независимо от их особенностей и различий. В сущности, определение из *Диалектики мифа* русского философа Алексея Федоровича Лосева подтверждает эту мысль. Лосев определяет религию как «самоутверждение личности в вечности» (Лосев 2001: 119). Это «самоутверждение» не только теория. Оно отражается в жизни личности, в его поведении, понимании реальности и жизни, в устройстве общественной жизни и т.д., одним словом, «Религия есть, прежде всего, определенного рода жизни» (т. ж.).

Данное рассуждение можно дополнить другими научными позициями. Так, немецкий социолог и социальный философ Никлас Луманн рассматривает религию как возможность свести к минимумуили полностью преодолеть контингентность (неуверенность и неоднозначность) жизни. Он определяет религию как производство «миропорождающего смысла», в котором мир трансформируется из неопределимого в определимое (Luhmann 1996: 22, 26; см. Kuße 2011c: 63–64; 2012: 156–157; Куссе 2022: 244).

Олицетворение мудрости: Ḥokmāh, София и Софиология

Бог, учитель мудрости, само творение и, наконец, мудрость как личность — это те авторитеты, которые гарантируют истину мудрости (см. выше). Четвертый авторитет, т.е. сама мудрость в олицетворенном виде, является величайшим возможным выражением религиозного измерения мудрости. Истоки ее восходят к Ветхому Завету

в некоторых Псалмах и в Притчах. К мудрости (*ḥokmāh*) можно обращаться, как к личности (Притчи 7:4).

> «Скажи мудрости: “Ты сестра моя!” и разум назови родным твоим, чтобы они охраняли тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает слова свои.» (Притчи 7:4–5)

Мудрость говорит сама о себе в 1-м лице (Притчи 1:20–33 и 8:1–36):

> Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой, в главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит речь свою: «доколе, невежды, будете любить невежество? доколе буйные будут услаждаться буйством? доколе глупцы будут ненавидеть знание? (Притчи 1:20–22)

> Не премудрость ли взывает? и не разум ли возвышает голос свой? Она становится на возвышенных местах, при дороге, на распутиях; она взывает у ворот при входе в город, при входе в двери: «к вам, люди, взываю я, и к сынам человеческим голос мой!» (Притчи 8:1–4)

Такие персонификации можно понимать чисто метафорически, тем более что в библейских текстах персонификации появляются достаточно часто и в разных источниках: Поля могут радоваться и дерева и горы ликовать (Псалом 95:12, 97:8). Кровь может вопиять (Бытие 4:10) (ср. Мень 1992: 136). В этом контексте персонификация предстает как стилистический прием, широко используемый в литературе древнего востока и античности. Однако в великом рассуждении о мудрости в 8-й главе книги *Притчи* мудрость раскрывает в 1-м лице целую космогонию, в которой она предшествовала сотворению мира:

> «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли». (Притчи 8:22–23)

В греческих книгах *Премудрость Соломона* и *Премудрость Иисуса, сына Сирахова* мудрость проявляется как божественная энергия и лицо, через которое Бог действует в мире и сохраняет мир (Прем. 7:24–27).

> [П]премудрость подвижнее всякого движения, и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает. Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдет в нее. Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благости Его. Она — одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет. (Прем. 7:24–25)

Как и в восьмой главе книги *Притчи*, мудрость в книгах Септуагинты — это творческая сила, которая пришла от Бога и уже участвовалав сотворении мира (Прем. 9:9; Сирах 24:1–5).

С Тобою премудрость, которая знает дела Твои и присуща была, когда Ты творил мир, и ведает, что угодно пред очами Твоими и что право по заповедям Твоим. (Прем. 9:9)

«Я вышла из уст Всевышнего и подобно облаку покрыла землю; я поставила скинию на высоте, и престол мой — в столпе облачном; я одна обошла круг небесный и ходила во глубине бездны» (Сирах 24:3–5)

Мудрость проявляется в этих текстах не только как качество и добродетель человека, но и как принцип творения, пронизывающий все творение и встречающийся во всех сотворенных вещах, поэтому ее можно сопоставлять с идеей первопринципа, архе или началом космоса в античной натурфилософии (ср. Мень 1992: 134). Эллинистическое влияние уже четко прослеживается в книге *Притчи* и особенно в книгах Септуагинты (Schneider 2011: 41).

В Новом Завете представление о мудрости как о Божьем Духе в творении переносится на Христа. Понятие мудрости в *Евангелии от Иоанна* передаётся понятию Логос, в котором Бог сотворяет мир (Иоан. 1:1–3). Павел пишет в Первом *Послании к Коринфянам*, что Христос «сделался для нас премудростью от Бога» (1 Кор 1:30), и в Послании к Колоссянам, что во Христе «сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол 2:3). Апостол четко разделяет мудрость «века сего» (1 Кор 2:6), которая является преходящей, и «премудрость Божию», которая является вечной, но остается сокровенной от людей (1 Кор 2:7), если только Дух Божий не откроет Свою мудрость непосредственно тем, кто имеет «ум Христов» (1 Кор 2:9–16). В последующем развитии Символов веры понятие мудрости уже не появляется вообще.

Тем не менее независимая религиозная концепция Софии сохранилась, особенно в истории Греческой Православной Церкви, и впоследствии приобрела большое значение в славяноязычном Православии (Osterrieder 2002). Об этом свидетельствуют не только многочисленные соборы, посвященные Святой Софии, но и иконы Премудрости и такие тексты, как *Житие Константина Кирилла* IX века, в которых много цитируется из книг *Притчи*, *Премудрость Соломона* и *Премудрость Иисуса, сына Сирахова* и рассказывается, как будущий создатель славянской азбуки еще ребенком видит во сне Софию в образе девушки и выбирает ее себе в жены. Более сильную персонификацию вряд ли можно себе представить. В русской религиозной философии конца XIX — начала XX веков (Владимир Соловьев, Павел Флоренский, Сергей Булгаков, Николай Бердяев и др.) развива-

лась самостоятельная софиология, в которой исследуется вопрос о взаимоотношениях Бога и творения (Dietrich 2005; Zwahlen 2010; Лосев 1990: 209–260; Хоружий 1989, 2000: 141–168; Зеньковский 1991: 198–226; Крохина 2002; Степанов 2001: 481–486). Кульминацией этого мышления на границе богословия и философии являются софиологические книги и статьи Сергея Булгакова, в частности: *Свет невечерный* (1917), *Ипостась и ипостасность* (1925), *Агнец Божий* (1933). В книге *Свет невечерний* Булгаков определяет Софию как «любовь Любви», которая «обладает личностью и ликом, есть субъект, лицо или, скажем богословским термином, ипостась» (Булгаков 1994: 186). Она, по идее Булгакова, «открывает тайны Божества и Его глубины». Она «есть идеальный, умопостигаемый мир, ВСЕ, истинное ἑν καὶ παν, всеединое» (там же: 187), «непосредственная основа тварного мира» и «неопределимая и непостижимая грань между бытием-тварностью и сверхбытием, существью Божества — ни бытие, ни сверхбытие» (там же: 188). В статье *Ипостась и ипостасность* Булгаков заменил тринитарное понятие ипостаси, на основании которого софиология подвергалась резкой критике и окончательному осуждению со стороны Русской Православной Церкви, на понятие *ипостасность*, т.е. возможность появления во всех ипостасях Бога и Его творения. Но и здесь важна центральная мысль, что Премудрость соединяет Бога и творение и, следовательно, Бога и человека. Она, как объясняет Булгаков в конце своего сочинения на основе икон Премудрости, особенно новгородского типа, «соединение небесного и тварного человеческого мира» (Булгаков 1999: 323).

Софиологию, в частности учение Булгакова, и в философии, и в богословии Русской Православной Церкви критиковали из-за спекулятивности и отдаленности от церковной догматики (Трубецкой 1994: 350–355; Мень 1992: 505; Zwahlen 2010: 96–101). Взирая на нее со стороны внеакадемической и внецерковной сфер, можно, пожалуй, даже предполагать, что софиология годится только как наукообразное развлечение оторванных от жизни специалистов. Однако на самом деле она обладает мощным духовным потенциалом для современного мира и для религии, в частности, для Христианства. Убеждение в софийности мира, в чем состоит, по мнению Булгакова, «величайшая, содержательнейшая и важнейшая истина о мире, сущность космодицеи платонизма» (Булгаков 1994: 189), способствует взгляду на мир в духе уважения, внимательности и осторожности. Софийный подход может быть интеллектуальным базисом для эко-

логии, стремления к справедливости и миротворчества. Софийное мышление абсолютно отрицает всякие формы агрессии, так что вполне возможно привлечь софиологию к решению всемирных политических, общественных и экологических проблем. Действительно, в конце XX века возникло философское направление под названием экософия (ecosophy), которое развивали мыслители совершенно разного происхождения, в том числе теоретик аргументации Арне Несс, марксистский психолог Пьер-Феликс Гваттарии, испанский католический теолог Раймон Паниккар (Naess 1989; Guattari 2000; Panikkar 1998; Drengson 1995). Эта экософия не имеет связей с русской софиологией, но такие связи могут быть установлены. Конечно, нельзя не игнорировать, что все это — пока мечта, далекая от реалий политики и повседневной жизни большинства людей, но религиозная мысль, в отличие от политики или техники, не претендует на моментальное решение проблем, а работает на долгосрочную перспективу, устремленную к свету добра. В этом смысле софийное начало может быть вдохновлением, духом и движущей силой религии в будущем. Это также затрагивает вопрос о роли мудрости в религии при условиях процессов секуляризации в современном мире.

Мудрость из знания и знание в религии

В отличие от религии, мудрость может быть просто практическим знанием, не дающим людям «самоутверждение в вечности» (Лосев) и не имеющим «миропорождающий смысл» (Луман), которым преодолевается неопределенность жизни. Если в мудрости знание доведено до своих пределов, как в книге *Екклесиаст*, то эта вторая функция, в частности, явно не выполняется мудростью. Но мудрость может способствовать самоутверждению в вечности, и она может трансформировать неопределимое в определимое и, следовательно, компенсировать потерю религиозного смысла и даже занять место религии. Это явление можно наблюдать в процессе секуляризации.

В отличие от мудрости из знания и как знание, которая имеет свой предел в трансцендентности, религия утверждает, что обладает знаниями о трансцендентном, и это ставит религиозный дискурс в парадоксальную ситуацию нахождения за пределами нашего воображения и нашей способности к познанию. Поэтому британский

философ Ян Рэмзей считал, что «религиозный язык» является «странным языком» (*odd language* — англ.), отличающимся специфической логикой. Этот язык выражает ситуации раскрытия, выходящие за рамки того, что можно наблюдать. Формы выражения в религии способны оперировать в ситуациях поиска или раскрытия смысла (*disclosure situations* — англ.) (Ramsey 1973). Таким образом, религиозный дискурс — это *дискурс на грани невыразимого* (Kuße 2011c: 65–66; 2012: 157; Куссе 2022: 254). Библейский пример этой парадоксальной религиозной речи обнаруживается в посланиях апостола Павла к Коринфянам, наполненных позитивными высказываниями об Иисусе, его инкарнации, воскресении и праведной жизни верующих и вместе с тем содержащих одну из лучших формулировок эпистемической оговорки (Kuße 2012: 158; Куссе 2022: 254):

> Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу. (1. Кор. 13:12)

В истории христианства поздней античности в VI веке возникла богословие эпистемической оговорки, связанное с именем Псевдо-Дионисия Ареопагита. Он отличал от катафатической (утвердительной) более важную для него апофатическую (отрицательную) теологию, которая выражает непознаваемость Бога. Религия — знание на грани невыразимого, и на этой грани она в основном может или подчеркнуть именно знание, или подтвердить эпистемическую оговорку. Религия может характеризоваться жестким догматизмом и фундаментализмом, которые приводят не только к исчезновению мудрости, но и самой религии. В этом случае религия становится идеологией. Однако в религии сознание незнания может стать настолько сильным, что его содержание — вера в трансцендентные силы — исчезнет. В этом случае религия растворяется в этике. В процессе секуляризации, при которой исчезают само собой разумеющийся характер религиозных практик и бесспорное согласие с содержанием веры (Taylor 2007: 3), религии выбирают эти два направления — идеологии и этики. Однако, если религия исчезнет, мудрость может занять ее место и удовлетворить религиозные потребности самоутверждения и преодоления неопределенности жизни (Kuße 2011c: 82–83; Куссе 2012). Это хорошо прослеживается в современных и постмодернистских обществах конца XX и начала XXI веков. Функции религиозного дискурса становятся видимыми, например, в процветающем жанре фэнтези. В этих мирах мудрые волшебники, такие как Гэндальф и Дамблдор, являются выдающимися

фигурами, чьи слова должны (и, возможно, могут) сопровождать читателя или кинозрителя на протяжении всей жизни. Например:

> Многие из живущих заслуживают смерти. А другие погибают, хотя заслуживают долгой жизни. Можешь ли ты наградить их? Так не торопись же раздавать смертные приговоры. Даже мудрейшие не могут предвидеть всего. (Гэндальф в фильме *Властелин колец*).

То, что здесь произносится, можно отнести к традиции мудрых учений, которые, подобно *Екклесиасту* или ответу Бога Иову, приводят знание к его пределам. Но это также и знания, которые могут дать ориентацию в жизни. Это как раз распространенное явление в конце XX и начале XXI веков: от Гэндальфа и Дамблдора до популярности Далай-ламы и вдохновляющих и мотивирующих текстов, помогающих ориентироваться в жизни. В условиях почти полной секуляризации, когда религиозный дискурс, кажется, затих, мудрость остается формой религиозности (Kuße 2011c: 83; Куссе 2012).

Резюме: Мудрость и религия

• Мудрость присутствует в религиях, но в иудаизме, христианстве и исламе она не является ее центральным содержанием.

• Мудрость характеризуется прямым отношением к повседневной жизни, а не к трансцендентности. Трансцендентность — предел мудрости, в то время как религия претендует на знание о трансцендентности.

• В религиозно-философской Софиологии, которая основана на библейском олицетворении Премудрости, София понимается как Божественное начало своего сущего и как соединение Бога с человеком.

• Язык религии — это язык на грани невыразимого. В религии утверждается знание о том, что нельзя знать, и поэтому является знанием с эпистемической оговоркой. Религии могут отличаться тенденцией к знанию в виде догм или фундаментализма или могут усиливать эпистемическую оговорку. В обеих крайностях религия исчезает. Она становится идеологией или растворяется в чистой этике.

• Религию можно понимать как самоутверждение человека в вечности, которое и придает человеческой жизни смысл. Таким образом, она служит преодолению неопределенности жизни.

• Если религия исчезнет, мудрость может занять ее место и удовлетворить религиозные потребности самоутверждения и преодоления неопределенности.

8 Мудрость и философия

Философия часто переводится как любовь к мудрости. Ее также можно перевести как приобретение мудрости, а мудрость в своем происхождении может означать просто знание или даже умение (Schadewaldt 1978: 13–16). В любом случае в слове *философия* есть тесная связь с мудростью, в то время как в самой философии мудрость, кажется, отсутствует. Мудрость не является важным предметом философии. Под этим углом зрения понятно отсутствие четко обозначенных философских направлений мудрости: философии истории, философии языка или философии религии. К тому же мудрость не относится к теоретическим основам философствования, например, как логика. И получается, что есть эпистемология и философия сознания, но нет философии мудрости как фундаментальной философской науки.

Изумление

В *Метафизике* (I 2, 982 b 12) Аристотель, как и Платон в диалоге *Теэтет* (155d), называет изумление (θαυμάζειν) началом философии. Но испытать изумление — это только начало. Оно вызывает вопрос, а вопрос — поиск того, почему изумительное является таким, каким оно есть. В конечном счете, этот процесс приводит к вопросу о первоначале бытия.

Мудрость также связана с изумлением и вопросами; вспомните, например, числовые изречения в *Притчах* Ветхого Завета, поиск *Екклесиаста* правильной жизни и его печальное удивление тем, что правильные действия и счастливая судьба не всегда сочетаются друг с другом, и что удовольствие не всегда приносит радость. Вопрос — это топос и неотъемлемая форма некоторых традиций мудрости, таких как мудрость раввинов, даосизм и конфуцианство, а также мудрость Иисуса. Иисус, совершая свой путь, отвечает на вопросы фарисеев или простых людей. В Талмуде ученики задают своему раввину вопросы, на которые следует ответ (нередко уклончивый), или же разные раввины дают разные ответы на вопрос. В беседах Конфуция, в книге *Лунь юй*, слышны голоса многих учителей мудрости и поднимается множество вопросов, на которые эти мастера, в том числе Конфуций, отвечают.

Великие даосские книги, *Дао-дэ цзин* и *Чжуан-цзы*, также можно читать как великие медитации изумления. Например, когда парадоксы множественности и единства нанизываются друг на друга в космологических размышлениях:

> Как ни велики Небо и Земля, а превращения их уравновешиваются. Как ни многочисленны вещи в мире, а порядок их един. Как ни много людей в мире, а все они повинуются государю. (Чжуан-цзы XII. 1)

Ответом здесь, как и в других удивительных наблюдениях, является объединяющий, упорядочивающий эффект Дао, сущность которого можно испытать в удивлении, наблюдении и жизни, но в конечном итоге он остается непостижимым. В *Чжуан-цзы* задаются вопросы, ответы на которые иногда дают несколько мастеров. Таким образом, действие неделанием, вокруг которого вращается так много высказываний и бесед в даосских книгах, может быть выражено в вопросах и ответах, которые всегда резонируют с изумлением от того, что оно — Дао — является таким, каким оно есть. Один из примеров в *Чжуан-цзы* — это рассказ о черной жемчужине, которую Желтый Владыка потерял в своих странствиях и которую не смогли найти ни Знание, ни Зоркое Око, ни Сметливый, но смог найти Отсутствующий, не имеющий ни качеств, ни действий. Однако император был поражен: «Как чудесно, — воскликнул Желтый Владыка, — что нашел жемчужину Отсутствующий!» (Чжуан-цзы XII. 4)

Обоснование

Если изумление, вопросы и ответы также являются составляющими мудрости в ее самых разных традициях, то в чем же разница с философией? Ответ на этот вопрос не так уж сложен и носит фундаментальный характер. Разница заключается в том, что следует за вопросами, размышлениями и ответами в виде наблюдений и утверждений. Мудрость всегда заключается в том, как люди ведут себя перед лицом наблюдаемого, перед лицом даже непостижимого, как каждый должен относиться к миру и друг к другу, чтобы жить правильно. На это могут быть четкие ответы, которые становятся доктринами, но также никто не отменял и многообразие авторитетных мнений, которые предлагают различные пути совершения добра. В любом случае даже если заложен императив, как в «Don't worry, be happy» и во многих изречениях книги *Притчи*, остается наблюдать и

констатировать, что все обстоит именно так, и авторитетным является вопрос о том, как человек должен вести себя и что ему следует делать, когда он познает мир таким, каким он может быть познан.

Философский вопрос, с другой стороны, становится фундаментальным. Философствование — это радикальное вопрошание из абсолютной вопросительности и желания дойти до самого дна (Weischedel 1975: 25–34). Речь идет о том, почему что-то происходит именно так, как оно происходит. Учение мудрости может быть понятным и объяснимым, но оно находит свое обоснование не в выводах и ряде рассуждений, а в прямой очевидности перед аудиторией. Назидательные слова *Чжуан-цзы* о справедливости и несправедливости служат впечатляющим примером этого:

> Если выравнивать с помощью неровного, то и ровное станет неровным. Если доказывать с помощью недоказанного, то и доказанное станет недоказанным. (Чжуан-цзы XXXII. 7)

С философской точки зрения, теперь необходимо задать вопрос, почему несправедливость средств всегда не достигает цели справедливости (т.е. почему цель не оправдывает средства), как можно определить границу между справедливостью и несправедливостью, какие градации и переходы существуют между доказанным и недоказанным и т.д. Рядом бесконечных вопросов философия может привести аргументации к принципам, из которых, в свою очередь, возникают производные, развивающиеся — пусть и не обязательно — в системы мышления. Философия в этом поиске причин и оснований для причин и расширения систем, в отличие от мудрости, допускает полную отрешенность от практики.

Напротив, в мудрости, обусловленной практическими потребностями жизни, не обосновывается первопричина устоявшихся утверждений и наблюдений, трактующих систему мышления как его принципы. Подобный отказ от глубинного обоснования наблюдается независимо от того, имеем ли мы дело с мудростью незнания или мудростью, сформулированной как определенное знание.

В восприятии китайских традиций мудрости даосизм обычно рассматривается как мудрость незнания и неделания, в то время как конфуцианство считается мудростью знания и действия (Тань Аошуан 2004: 100). Однако именно к Конфуцию обращается французский философ Франсуа Жюльен в своей замечательной книге *Un sage est sans idée* (*Мудрец не привязан ни к какой идее*). Для Жюльена не держаться за идею означает не ставить идею в начало мышления,

чтобы развить ее в систему (Jullien 1998). Мудрость остается аддитивной: мысли нанизываются друг на друга, но не являются логическим продолжением друг друга.

Паратаксис и гипотаксис

Используя два термина из (индоевропейского) синтаксиса, можно сказать, что мудрость прототипически паратактична, тогда как философия гипотактична. Это также влияет на сами текстовые формыи жанры. Отдельный текст мудрости короткий, иногда это простое предложение, иногда короткое повествование, и обычно стоит в ряду с множеством других текстов той же формы. Книга мудрости является прототипом сборника, в то время как философский текст стремится к более сложным формам и жанрам, например, монографии, позволяющей раскрыть одну или несколько идей, соподчиненных друг другу и логически основанных на предпосылках. Если обратиться к текстам на индоевропейских языках, будь то переводы *Притч* Ветхого Завета, *Дао-дэ цзин* или сборник поэтической мудрости аборигенов Америки (например, Steinmetz 1984; Jacobs 2018), становится заметно, что даже на уровне предложения высказывание мудрости тяготеет к простому предложению или паратаксису, в котором преобладают сочинительные и разделительные конструкции. Причинные, уступительные, временные конструкции предложений также встречаются, но они не распространяются на гипотактические периоды.

Гипотаксис, с другой стороны, является доминирующей формой в прототипических текстах философии от *Метафизики* или *Никомаховой этики* Аристотеля до *Критики чистого разума* Канта и *Феноменологии духа* Гегеля или далее до *Теории коммуникативного действия* Юргена Хабермаса.

Особенность мудрости, заключающаяся в отсутствии систематического обоснования своих утверждений и призывов, редко находящих объяснение их причин, делает ее восприимчивой к идеологическому злоупотреблению, в том числе к злоупотреблению властью. Мудрое высказывание выполняет тогда функцию отмены или отрицания обоснования в пользу подтверждения социальной власти говорящего без необходимости ее обоснования. Мудрость в таких случаях становится актом произвола правителя и, действительно,

речь правителей-тиранов изобилует изречениями из так называемой мудрости народа, истинными просто потому, что исходят от «народа», который живет вековым опытом, позволяющим верить на слово.

Молчание

Это злоупотребление превращает мудрость в свою противоположность, не в последнюю очередь потому, что в паратактической структуре мудрости — и это легко упустить из виду — становится значимым то, чего, казалось бы, нет: интервал между словами мудрости. Каждый читатель является соавтором текста, который он читает. Понимание — это всегда творческий акт. Это характерно для всех текстов и для всего человеческого общения. Но в собрании мудрости за высказыванием не сразу следует другое высказывание, а сначала его предвосхищает, если можно так выразиться, молчание, которое заполняют (или не заполняют) слушатели и читатели. Невысказанное — это часть мудрости. Собственно говоря, мудрость отличается от философии именно тем, что в ней существенным является несказанное, что ее слова произносятся вокруг несказанного.

Промежуток между словами — молчание, но это молчание — не ничто, а речь, такая же, как и то, что сказано. Таким образом, даже там, где мудрость формулируется монологически и директивно, как в *Притчах* Ветхого Завета или в учениях Льва Толстого, она всегда является великим выражением человеческой свободы посредством языка, который, как утверждает русский философ языка Владимир Бибихин, задан именно тем, что он может быть, но не обязан быть: «Человеческая речь есть то, чего могло не быть. Текст есть ткань из молчания и слова» (Бибихин 2007: 30). Именно возможность выбора между молчанием и речью, как пишет Бибихин, представляет собой первую и последнюю свободу человека: «Выбор между молчанием и речью, принадлежащий к первой и последней свободе человека, проходит через весь язык, смещая его семантику, позволяет называть его отражением вещей во всем размахе этого слова» (Бибихин 2007: 30). В свободе выбора называть или не называть вещи, узнавать или не узнавать имена (как много вещей мы не знаем, как их назвать, но знаем, что могли бы их назвать и что, возможно, для них уже есть имена) мы находимся на уровне слова. В свободе про-

износить или не произносить что-то, читать или не читать высказывание мы находимся на уровне текста. Текст мудрости в своей сменяемости того, что сказано, и тем, что не сказано, представляет эту свободу прямо перед нашими глазами и позволяет нам ощутить ее жизненно важным образом.

Мудрость и история

Без системного строительства и критики систем мысли, без значительного чередования аргументации и контраргументации, которые характерны для философии, мудрость представляется лишенной истории (ср. Jullien 1998). Это не исключает развития и изменений в мудрости, но они не являются сменой парадигмы, такой как переход от идеализма к позитивизму, от позитивизма к конструктивизму и т.д., и могут быть оценены как дальнейшее развитие или описаны как системные изменения лишь в ограниченной степени. В истории мудрости наблюдаются исчезновение особых убеждений (к примеру, уверенность в стабильной связи между поступком и судьбой в *Притчах*) и норм поведения (например, в воспитании детей), фокусирование (например, на счастье и хорошей жизни) или различия в реакциях на непредвиденный опыт, что, как правило, приводит к установке на незнание или неведение. Однако из этого не следует, что мудрость исторически бездейственна.

Влияние учения о мудрости на общественные порядки, особенно в истории Китая (Конфуцианство), трудно игнорировать. Но это вовсе не самая важная функция, тем более что она всегда происходит на грани злоупотребления (к этому можно отнести злоупотребление «государственной» религией, то есть идеологией). Историческая ценность мудрости, не говоря уже о ее исторической миссии, заключается в ее демонстрации и силе свободы, которая заключается в ее паратактической структуре и чередовании речи и молчания. В книге *Приключения идей* британский логик и философ религии Альфред Норт Уайтхед говорит о том, что «для понимания социальных институтов требуется это грубое деление человеческой природы на три фактора — инстинкт, ум, мудрость» (Уайтхед 2009: 85). В этом тройственном делении он видит задачу интеллекта в том, чтобы координировать идеи, полученные «из первоначальных фактов инстинктивного опыта», и превратить их «в соответствующую логическую

систему» (там же: 86), что «достигается более легко, если первоначальные факты отобраны так, чтобы из интеллектуальной субординации были изгнаны аспекты, препятствующие образованию логической системы» (там же). Мудрость появляется здесь как корректив, который «всегда сталкивает интеллектуальную систему лицом к лицу с ее наиболее существенными промахами» (там же).

Заметим тут, что мы не найдем в мудрости такой системности, как в политике, в экономике или в философии. Она игнорируется в разное время и по разным мотивам, возникает снова и снова, незаметно или вполне осознанно. И она также показывает возможность и свободу, которые заключаются в молчании.

Мудрость в истории философии

Мудрость в философии на первый взгляд незаметна, но пристально всмотревшись, можно заметить, что она вновь и вновь появляется в истории философии. В этом разделе очень кратко упоминаются некоторые направления и философы с ранних времен до наших дней. В китайском классицизме, даосизме и конфуцианстве границы между мудростью, религией и философией все равно нельзя провести так, как мы это сделали в начале. В европейской истории зарождение философии в античности все еще находится под сильным влиянием мудрости так называемых досократиков. Особенно это касается Гераклита, чьи изречения или устоявшиеся варианты изречений, такие как «В одну реку дважды не войдешь», «Все течет», «Война (борьба) — отец всего», цитируются до сих пор как доказательное понимание того, что такое жизнь и что такое история. В IV веке до н.э., после Платона и Аристотеля, развилась стоическая философия, которую также можно назвать стоической мудростью. Она была определяющей в греческой, эллинистической и римской античности, где достигла своего пика в поздней Стое с тремя самыми известными стоиками Сенекой (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), Эпиктетом (50 г. до н. э. — 138 г. н. э.) и императором Марком Аврелием (121 г. — 180 г. н. э.). Последний из них, Марк Аврелий, до сих пор является одним из самых читаемых авторов древности. Стоя стала олицетворением отношения невозмутимости, при котором никакие страдания, как бы велики они ни были, но и никакая радость, как бы велика она ни была, не может вывести человека из равновесия. Это

больше, чем просто подавление эмоций. За этим стоит космология и онтологически обоснованная иерархия ценностей, в которой добродетель занимает высшую ступень, и только из этого знания вытекает сила стоического отношения к собственной судьбе. Стоя — это мудрость из знания, и это знание образует философскую, космологическую и онтологическую систему, но его проявление не системное (гипотактическое), а аддитивное (паратактическое), как, например, в *Размышлениях* Марка Аврелия с его краткими рассуждениями и афоризмами из одиннадцатой книги:

> 4 Я сделал что-нибудь для общего блага? Следовательно, я принес пользу самому себе. Никогда не расставайся с этой мыслью и не отказывайся от нее ни в каком положении.
>
> 5 В чем твое искусство? В том, чтобы быть хорошим. Но разве достигнешь ты в нем совершенства иначе, нежели с помощью познания как о природе Целого, так и об особом строе человека?
>
> 7 Насколько же очевидно, что нет условий жизни, более благоприятных для философствования, нежели те, в которых ты теперь находишься! (Аврелий 1993: XI книга)

В наше время тоже есть философы, которые растворяют системное образование и гипотетико-иерархическую структуру текста и переходят к коротким текстам и даже отдельным изречениям без системного изложения. Льву Толстому уже был посвящен отдельный раздел. Но мы также должны вспомнить Сёрена Кьеркегора (*Или — или*, 1843), Фридриха Ницше (*Так говорил Заратустра*, 1883–1885) и особенно Людвига Витгенштейна, всё творчество которого имеет параллели с традициями литературы мудрости, особенно с теми, для которых характерна мудрость как незнание (ср. Hosseini 2007; Fann 1969). Знаменитое последнее предложение *Трактата логико-философского* «О чем нельзя говорить, о том должно умолкнуть» напоминает начало *Дао-дэ цзина* (Fann 1969; Hosseini 2007: 16), а сборники замечаний и наблюдений, которые были написаны после *Трактата* и оказали столь продолжительное влияние на философию со второй половины XX века, уже внешне производят впечатление сборников мудрости. Возможно, не столько *Философские исследования*, сколько сборники, подобные *О достоверности*, во многих своих предложениях характеризуются свидетельством мудрости, как, например, предложение 2:

> 2. Из того, что мне — или всем — кажется, что это так, не следует, что это так и есть. Но задайся вопросом, можно ли сознательно в этом сомневаться. [http://opentextnn.ru/old/man/index.html@id=4600]

Однако связь между философией и мудростью, поступательно-возвратное слияние их разошедшихся частей, преодоление их различий зависит не только от формы. Начало мудрости может сохраняться также в замкнутом трактате и в иерархически организованном философском тексте. В эпоху Возрождения, в начале XV века, теолог, епископ и кардинал Николай Кузанский разработал не только сложную форму негативной теологии непознаваемости сущности Бога, но и философскую метатеорию границ возможного знания и познания, которая в то же время может быть прочитанной как метатеория мудрости незнания, особенно в труде *De docta ignorantia* (1440) и в учении о совпадении противоположностей (*coincidentia oppositorum*). Учение Кузанского связано с современностью в разных аспектах: в русской философии он связан с Алексеем Лосевым, чья интенсивная работа с текстами Кузанского задокументирована в двухтомном издании его переводов и комментариев к этому философу Возрождения (Лосев 2016). Размышления Лосева и круговращение вокруг противоположностей Одного и Многого, Одного и Другого, Относительного и Абсолютного во многом продолжают мысли Кузанского (Куссе 2018). Но и в характерной для Лосева аргументации, которую он называет диалектической, в ритме отрицания и утверждения, особенно в *Диалектике мифа* (1930), можно прочесть как мудрую медитацию о единстве и цельности бытия в его множественности и противоположности: «Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел», «Миф не есть бытие идеальное», «Миф не есть метафизическое построение», «Миф есть личностная форма», «Миф есть чудо» и т.д. (Лосев 2001).

Замечательная мудрость как знание, претендующее на охват всего космоса и всего человеческого существования, возникла в ранний современный период как реакция на Тридцатилетнюю войну. Об этом свидетельствует теория пансофии педагога, теолога, епископа и философа Яна Амоса Коменского (Kuße 2019a; Kusse 2021). Идея возможности получения всеобъемлющего знания, которое является универсальным и доступным для всех людей, встречается во многих его работах, таких как *Pansophiae Christianae liber III* (Три книги христианской пансофии, 1639–1640), *Via lucis* (Путь света, 1642) и особенно в монументальной поздней работе *De rerum humanarum emendatione consultatio catholica* (Всеобщая консультация по улучшению человеческих дел, 1645–1660). В этой работе Коменский делает удивительный поворот в сторону современности. Он больше не хо-

чет приписывать возможность достижения всеведения знанию ищущего философа и теолога. Путь, приводящий к всеобъемлющей справедливости и решению всех человеческих проблем, видится сейчас в диалогическом процессе, который Коменский называет *Consultatio catholica*, т.е. «Всеобщей консультацией». Для этой Всеобщей консультации Коменский установил правила ведения дискуссии, которые должны были способствовать содержательному и справедливому обмену мнениями, в ходе которого все аргументы по спорному вопросу были бы представлены в своих «за» и «против». *Consultatio catholica* Коменского небезосновательно сравнивают с этикой дискурса Юргена Хабермаса (Habermas 1983, 1991), при этом между ними нет прямой исторической связи. Интересно отметить, однако, что после кризисного периода в середине XVII века уже возникли идеи дискуссии, благодаря которой всеобъемлющее знание или мудрость (pansophia) может быть достигнуто только в честной аргументированной беседе путем всеобщего консенсуса. Мудрость в этом смысле — это диалог, свободный от доминирования, который можно найти только в честном разговоре, в честной и ясной аргументации. Мудрость не может быть более прогрессивной.

Часть III

МУДРОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Гэндальф в архивах города Минас Тирит
(*Властелин колец*, часть 1, 2001 г.)

1 По ту сторону старого и нового

Сцена из первой части кинотрилогии *Властелин колец* показывает волшебника и мудреца Гэндальфа в архивах города Минас-Тирит. Он поглощен старыми рукописями, вокруг него скопились бумаги и фолианты. В них Гэндальф раскрывает тайну кольца, опасная сила которого определяет судьбу героев в романе Джона Рональда Руэла Толкина и в экранизации фильма Питером Джексоном. Сцена изображает иконный тип мудреца, старого бородатого человека и места, где, по-видимому, находят мудрость: в старых рукописях и книгах. Гэндальф — не только мудрец, но и волшебник, а изучаемые им труды — это не столько тексты мудрости, сколько исторические тексты. Тем не менее сцена представляет мудреца в образе старца и мудрость как содержание старинных текстов. Мир литературы и кино запечатлел образ старца в нашей памяти. Гэндальф родился в начале времени и стал бессмертным. Интересные сведения выдает википедия: Мастер Йода из *Звездных войн* умирает в возрасте 900 лет, Альбус Дамблдор из *Гарри Поттера* был убит в возрасте 115 лет. Почтенный возраст — это свидетельство опыта и утверждение истины, и мудрец как держатель опыта и истины, точно также, как и старинная книга или рукопись, стали стереотипным представлением об истине. Гэндальф ищет в библиотеке утерянные в его времени знания, которые сохранились в почти забытых старинных рукописях. Это поразительно символическая сцена относительно понимания мудрости как духовного сокровища, которое высоко ценится, но практически не используется. Иными словами, будучи предназначенной для ограниченного круга людей, мудрость стала сакральной, как бы самоустранилась вместе с этим ограниченным кругом людей, потеряла свою «терапевтическую» функцию и была предана забвению. Это продукт не настоящего, а прошлого, и доступен только специалистам или ее ищущим. Особые знания, содержащиеся в старых сочинениях, кажутся далекими от повседневной жизни, именно поэтому мудрость сакрализуется и тем самым удаляется из жизни.

В предыдущих главах мы много говорили о древних текстах, которые, хотя и имеют значение для определенных людей, кажется, содержательно далеки от нашего сегодняшнего дня, в том числе и из-за языков, на которых они были написаны, — древнееврейском или древнегреческом, и переводов — древнего библейско-русского синодального перевода XIX века, своеобразного перевода Лютера.

То же самое относится и к известным людям, которых традиционно считают мудрецами: Соломон, Ярослав Мудрый, Фридрих Мудрый, курфюрст саксонский, или Натан Мудрый Лессинга. Все они являются фигурами политической истории или истории литературы. Самый известный мудрец современности, XIV Далай-лама, удостоенный Нобелевской премии мира в 1989 году, является живым примером для многих миллионов людей, но его история также уходит глубоко в прошлое. По религиозному представлению ламаизма нынешний Далай-лама является 14-й Эманацией Бодхисаттвы Авалокитешвара, впервые реинкарнированного в конце XIV века. Два вопроса возникают в связи со стереотипными представлениями о преклонных летах мудрецов и древней мудрости, а также в связи с актуальностью древних мудрых писаний. Вопросы следующие:

1. являются ли древние тексты по-прежнему актуальными для повседневной жизни людей, живущих сегодня?

2. Как развивалась мудрость от начала и до наших дней?

За этими вопросами неизбежно следует третий вопрос:

3. Есть ли возможность обновления у мудрости в настоящем?

Секрет актуальности древней мудрости, ее вневременность, ее наставления на жизнь сейчас и сегодня неоднократно были продемонстрированы в предыдущих главах. Даже в далеком прошлом те, кого история и люди нарекли мудрыми, отстаивали мудрость, истинную и этически верную в своей основе, на протяжении веков и тысячелетий. Здесь следует упомянуть библейского царя Соломона, правившего Израилем в X в. до н.э., Великого князя Киевской Руси Ярослава Мудрого (978/979–1054), занимавшего стол в первой половине XI в. н.э., Фридриха Мудрого (1463–1525), курфюрста саксонского, защищавшего Мартина Лютера от его преследователей в замке Вартбург в 1521–1522 гг., и Натана Мудрого, главного героя одноименной философской драмы Готольда Эфраима Лессинга 1779 г. Почему эти вымышленные или исторические персонажи называются Мудрыми? Царь Соломон наиболее известен своей историей о пресловутом Соломоновом суде (1 царь 3, 16–28), в которой две женщины ссорятся из-за ребенка: одна из них нечаянно придушила во сне сына и обменяла его на живого. Царь, который также является судьей, велит подать ему меч, чтобы рассечь живое дитя надвое и разделить его между двумя женщинами. Та, которая, испугавшись, отказывается от умерщвления и разделения, признается истинной матерью, потому что жизнь ребенка для нее важнее, чем ее право.

Великого князя Ярослава называют Мудрым, потому что он создал первый восточнославянский свод законов *Русская правда*. Фридрих Мудрый получил свое почетное звание не только за свою поддержку Лютера, но и за то, что ему удавалось урегулировать конфликты мирным путем. Великая религиозная война XVI века началась в 1546 году, более чем через двадцать лет после его смерти в 1525 году, а незадолго до этого, в начале опустошительной крестьянской войны, он встал на сторону крестьян и проявил понимание их требований. Натан Мудрый Лессинга связан с притчей о трех перстнях; в ней еврейский купец рассказывает исламскому правителю в Иерусалиме Саладину историю о копиях драгоценного перстня, которые отец оставил трем своим сыновьям, потому что не мог решить, кому дать оригинал перстня с опалом, обладающим чудесной силой и властью сделать приятное и Богу, и людям. В кульминационной строке «Должно быть, настоящий был потерян» и в призыве, следующим из нее, «будьте сами скромны, миролюбивы, милосердны и преданы чистосердечно богу!» говорится об этическом согласии иудаизма, христианства и ислама, о религиозном мире и ответственности за добро.

Мудрецы олицетворяют справедливость, закон, примирение, мир и признательность. Они являются идеалами добра, которые всегда истинны и актуальны и всегда идеальны, и всегда хороши. Морально-этической константой всякой мудрости является добро, поэтому не может быть ни злой мудрости, ни злого мудреца – кроме как в ироничном смысле или в контексте полного отрицания положительных ценностей. Не случайно книга известного филолога Дмитрия Лихачева (1906–1999), в которой представлен возможный образец современной мудрости, названа *Письма о добром* (Лихачев 2006). Лихачев также называет свои короткие эссе, варьирующиеся от размышлений «в чем смысл жизни» (в письме пятом) до рассуждений «об искусстве слова и филологии» (в письме сорок четвертом), «Письмами к молодому человеку». Таким образом, он берет на себя известную еще с древности роль учителя, который передает мудрость его и предыдущих поколений новому поколению. В его время (письма впервые издались в 1985 году) это также означало, что он должен был объяснить, что вообще такое мудрость как форма мышления и поведения и почему она важна и в настоящем. Поэтому в его письмах содержится множество определений *мудрости* и других терминов, таких как *смысл*, *забота*, *обида*, *интеллигентность* и т.д.

Итак, в письме третьем Лихачев подробно определяет *мудрость* через *добро*.

> Мудрость — это ум, соединенный с добротой. Ум без доброты — хитрость. Хитрость же постепенно чахнет и непременно рано или поздно оборачивается против самого хитреца. Поэтому хитрость вынуждена скрываться. Мудрость же открыта и надежна. Она не обманывает других, и прежде всего самого мудрого человека. Мудрость приносит мудрецу доброе имя и прочное счастье, приносит счастье надежное, долголетнее и ту спокойную совесть, которая ценнее всего в старости. (Лихачев 2006: 11–12)

Понятие мудрости и мудрый человек или мудрые люди по своей природе аксиологически положительные. Конечно, это не исключает возможности того, что действия и формы поведения, которые когда-то имели положительную оценку, в ходе истории могут претерпевать изменения и приобретать прямо противоположное значение. У мудрости есть история, и в этой истории она также является зеркалом нравственного прогресса. Она, как пишет Лихачев, «открыта и надежна» и именно поэтому может продолжать развиваться и сегодня.

2 Мудрость развивается

На примере Бен Сиры мы могли видеть, что древняя мудрость не утратила своей актуальности и сегодня. Но мы также наблюдали, что мудрость часто ограничена во времени и что содержащиеся в ней нравственные понятия могут изменяться. Следует напомнить, что мудрость не является догмой, а характеризуется тем, что она доказывает себя в жизни и полезна для жизни. Поэтому одной из важнейших характеристик мудрости является ее способность меняться и развиваться. Благодаря указанным характеристикам, мудрость возвышается до величественного синтеза непрестанным развитием, перманентным пересмотром поставленных на повестку жизни противоречий, компромиссов и попыток их примирений, достигая тем самым новую точку развития. Следовательно, одна мудрость не может быть ни чем иным как частью другой мудрости и должна обладать тенденцией переходить в следующую мудрость. Короче, возможны дальнейшее развитие, пересмотр и новое развитие мудрости. Три примера из XX века иллюстрируют эти три формы развития: пьеса Бертольда Брехта *Кавказский меловый круг* как пример

дальнейшего развития мудрости, речь Астрид Линдгрен на церемонии вручения Премии мира немецкой книжной торговли как пример пересмотра мудрости и возникшие в XX веке варианты речи вождя Сиэтла 1854 года как пример нового развития мудрости.

«Кавказский меловой круг» Бертольда Брехта: дальнейшее развитие старой мудрости

Существует удивительная параллель с повествованием о Суде царя Соломона в китайской литературе XII века. Это история о популярном судье Бао Гун, который, как и Соломон, должен вынести решение в споре между двумя женщинами по вопросу принадлежности ребенка. В повести судья не берется за меч, а просит женщин перетащить ребенка на свою сторону через меловую линию, прочерченную между двумя этими женщинами. Женщина, которая, наконец, отпустила ребенка, чтобы не навредить ему, признается судьей истинной матерью. В середине 20-х годов XX века поэт-экспрессионист Клабунд (Альфред Хеншке) взялся за материал рассказа, переведенный на немецкий язык, дал ему название *Der Kreidekreis* (*Меловой круг*). Но только следующая адаптация Бертольта Брехта прославилась по-настоящему. Его пьеса *Кавказский меловый круг*, премьера которой состоялась в США в 1948 году и в Берлине в 1954 году, до сих пор читается на уроках немецкого языка во многих немецких школах. В пьесе Брехта есть социальная разница между двумя женщинами: одна — землевладелица, другая — горничная. Последняя вырастила ребенка, и именно она отпустила его и таким образом доказала, что является истинной матерью. Но биологической матерью является не она, а землевладелица. Поэтому Брехт проводит различие между биологической матерью и материнством как любовью и заботой. Мудрость в старых сказках и в пьесе Брехта одна и та же: материнство — это любовь, а любовь направлена на человека, которого любят, и для него она тоже отказывается от своего права. Но Брехт отделяет эту идею от наивного уравнения физического, эмоционального и социального материнства. Любовь не привязана к этой телесности, а является самостоятельной ценностью. Поэтому в мудрости пьесы *Кавказский меловый круг* происходит расширение значения и дальнейшее развитие мудрости суда Соломона и китайского повествования о суде Бао Гуна.

«Нет насилию!» Астрид Линдгрен: пересмотр старой мудрости

Мудрость может потерять свою мудрость, но это еще не конец мудрости, если мы понимаем мудрость как открытое мышление, если мудрость из знания соединяется с мудростью из незнания и является способной учиться. Умение учиться — важнейшая задача мудрости. Мудрым является не тот, кто знает все, и не тот, кто только знает, что он ничего не знает и доволен этим. Мудрый — это тот, кто может учиться. Поэтому противоречие против определенного познания мудрости — это не отрицание мудрости, а ее подтверждение. Мудрость доводится до предела и, если она оказывается неразумной, преодолевается. Это путь от *Притч* к *Екклесиасту*, а также от *Екклесиаста* к *Иисусу Сираху* и так далее по широкой дороге истории. Путь не всегда прямой. Иногда он быстро идет прямо и вперед, иногда возвращается назад, иногда он резко обрывается и переходит на совершенно новый путь. Но продвижение всегда является мудрым, особенно когда открывает для себя язык мудрости в изречениях и примерах из жизни. Известным и трогательным образцом является выступление Астрид Линдгрен на вручении Премии мира немецкой книжной торговли в 1978 г. Астрид Линдгрен известна как автор детских книг, как создательница запоминающихся образов мировой детской литературы — Пеппи Длинный чулок, Карлсона с крыши, Рони Разбойничьей дочери и т.д., но она также была одним из величайших мыслителей XX века, и в ее, казалось бы, легких, детских произведениях мы находим не что иное, как великого учителя мудрости. В своем выступлении, посвященном вопросам разоружения и мира, она использовала небольшой пример для иллюстрации того, что является источником и корнем насилия, как насилие может начинаться в детстве и оттуда принимать чудовищные формы гонки вооружений и мировых войн. В середине своей речи Астрид Линдгрен перешла на форму короткого рассказа, принадлежащего к типичным жанрам мудрости, чтобы сформулировать свое понимание мудрости и таким образом переосмыслить одну старую мудрость из библейской книги *Притчи*. Этот небольшой отрывок из речи и по сей день впечатляет и знаменит, является шедевром современной мудрости.

> Мне хочется сказать тем [...], кто сейчас так явно призывает к более жесткому воспитанию и более жестким поводам, что однажды рассказывала мне одна

старушка. В те времена когда она еще была молодой матерью, люди еще верили в библейскую поговорку: «тот, кто бережет палку, испортит мальчика». В глубине души она, наверное, совсем не верила в это, но однажды ее маленький сын сделал то, за что, как она думала, он заслужил побоище, первое в его жизни. Она сказала ему, чтобы он сам пошел в сад и поискал палку, которую он должен был потом принести ей. Маленький мальчик ушёл и долгое время не появлялся. В конце концов, он вернулся в слезах, говоря: «Я не смог найти палку, но вот камень, ты можешь бросить его в меня». В этот момент мать тоже начала плакать, потому что вдруг увидела все глазами ребенка. Ребенок, должно быть, подумал: «Моя мать действительно хочет причинить мне боль, и она может сделать это с помощью камня». Она взяла на руки своего маленького сына, и они оба какое-то время плакали вместе. Потом она положила камень в кухне на полку, и там он остался как постоянное напоминание об обещании, которое она дала себе в тот час: «*Нет насилию!*» (Lindgren 1978: 8 — пер. с нем.: Х. К.; ср. Линдгрен 2018)

В речи парафразируется притча о воспитании детей в 13-ой главе книги *Притчи*, которая в оригинале звучит еще более жестко.

Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его. (Притчи 13:24)

Косвенный призыв к насилию имел и до сих пор имеет страшные последствия в истории и для нее, однако противопоставление ненависти и любви показывает, что сам автор в свое время не имел злых намерений и искренне верил, что жестокое наказание помогает детям стать взрослыми. Ибо физическое наказание должно заставить ребенка осознать зло своего поступка и тем самым привести его на путь справедливости и добродетели. Автор не осознавал, что его мудрость могла бы привести к все большему насилию и страданиям, потому что те, кто переживает насилие, передают его. Именно поэтому речь Линдгрен представляла собой настоящее преодоление тысячелетней кошмарной ошибки. И именно это преодоление старого является мудростью в своем существе. Мудрость только тогда можно считать мудростью, когда она способна признать и исправить такие серьезные ошибки, как Притчи 13:24, и при этом найти новые формулировки в духе мудрости, как это сделала Астрид Линдгрен своим призывом «Нет насилию!».

Речь вождя Сиэтла в XX-м веке: новая мудрость в виде старой

В январе 1854 г. Chief Si'ahl, вождь двух небольших индейских племен, Сукамишей и Дувамишей, на северо-западе Соединенных Штатов, выступил с речью перед губернатором тогдашней территории Вашингтона. Речь шла об обширной передаче племенных территорий в собственность нынешнего города Сиэтла. В своей речи он согласился с этим, но с четким указанием на то, что у него не было другого выбора:

> The great, and I presume — good, White Chief sends us word that he wishes to buy our land but is willing to allow us enough to live comfortably. This indeed appears just, even generous, for the Red Man no longer has rights that he need respect, and the offer may be wise, also, as we are no longer in need of an extensive country. [http://www.synaptic.bc.ca/ejournal/SeattleSpeechVersion1.htm]
>
> Великий, и я полагаю — добрый, Белый Вождь прислал нам весть, что он хочет купить нашу землю, но готов дать нам достаточно земли, чтобы жить безбедно. Это действительно кажется справедливым, даже щедрым, поскольку у краснокожего больше нет прав, чтобы его уважали, и предложение может быть разумным, поскольку мы больше не нуждаемся в обширной стране. (с англ.: Х.К.)

Это утверждение свидетельствует о принятии горькой реальности, и Si'ahl, который теперь известен по английскому имени Сиэтл, оказался мудрым человеком, прежде всего, как политический деятель. Ему удалось договориться о том, что его небольшой группе людей будет разрешено в будущем посещать могилы своих предков, он получил право на рыбную ловлю на определенной территории и в его честь был назван будущий город. Таким образом, он обеспечил выживание Дувамишей, которые в 2009 году смогли открыть культурный центр в городе Сиэтл, т.е. на их древней территории [https://www.duwamishtribe.org/longhouse]. Но Сиэтл прославился не этим важным актом, а своей речью 1854 года, которую он произнес не в том виде, в котором она прославилась. На самом деле речь так и не была произнесена. Есть только версия, восстановленная по памяти очевидцев в 1887 году, 33 года спустя, которая была опубликована в газете *Seattle Sunday Star*. Заявление о том, что у него не было другого выбора, кроме как согласиться на продажу земли и желание продолжать посещать могилы своих предков, безусловно, является результатом фактической речи, все остальное, вероятно, является скорее результатом великого почитания, известные слова в начале речи «My words are like the stars that never change» в том числе.

Но даже эта реконструкция речи в местной газете наверняка была бы давно забыта, если бы литературовед Уильям Эрроусмит не опубликовал новую версию в 1960-х годах, которая затем в 1972 году в еще более измененном виде, а теперь адресованная 14-му президенту США Франклину Пирсу, сыграла заметную роль в телевизионной постановке на тему экологии. С тех пор речь вождя Сиэтла стала манифестом индейской мудрости, свидетельством пацифизма и, прежде всего, глубокого экологического сознания. Многие предложения из этой речи являются частью новой мудрости второй половины XX века, особенно следующие:

> Teach your children what we have taught our children, that the earth is our mother.
>
> Whatever befalls the earth befalls the sons of the earth. If men spit upon the ground, they spit upon themselves.
>
> This we know: The earth does not belong to man; man belongs to the earth. This we know.
>
> All things are connected like the blood which unites one family. All things are connected.
>
> Whatever befalls the earth befalls the sons of the earth.
>
> Man did not weave the web of life: he is merely a strand in it.
>
> Whatever he does to the web, he does to himself.
>
> Even the white man, whose God walks and talks with him as friend to friend, cannot be exempt from the common destiny.
>
> We may be brothers after all. We shall see.
>
> [http://www.synaptic.bc.ca/ejournal/seattle.htm]

> Научите детей ваших тому, чему мы своих детей научили — тому, что земля является матерью нашей.
>
> И что бы ни случилось с землей, то же произойдет с детьми земли. Если человек плюнет на землю, он плюнет на себя.
>
> Мы это понимаем. Земля не принадлежит человеку, но человек привязан к земле.
>
> Все живые существа едины, как кровь, которая соединяет род воедино. Все создания — единое целое.
>
> Что произойдет с землей, произойдет и с сынами земли.
>
> Не человек соткал нить жизни, он только нить в ней. Что он делает ткани, то он делает себе.
>
> Что он делает ткани, то он делает себе.
>
> [Д]аже белому человеку, Бог которого идет рядом с ним и беседует с ним, как друг, не избежать общей судьбы.

В конце концов, мы можем стать братьями. Увидим.

[https://www.first-americans.spb.ru/n2/win/seattle.htm]

Эти слова часто ассоциируются с другой предположительно индейской мудростью: так называемым *Пророчеством индейцев Кри*, которое также берет свое начало в экологическом документальном фильме 1970-х годов:

Only after the last tree has been cut down,
Only after the last river has been poisoned,
Only after the last fish has been caught,
Then will you find that money cannot be eaten.

[https://de.wikipedia.org/wiki/Weissagung_der_Cree]

Только когда срублено последнее дерево,
Только когда отравлена последняя река,
Только когда поймана последняя рыба,
Только тогда оказывается, что деньги несъедобны.

[https://parables.ru/pritcha/drevnee-prorochestvo-indeicev-kri/]

История замечательна. Почему индейская мудрость изобретена в XX веке? Исторически такие приписки, как в случае с речью Сиэтла, не новы. Притчи в Ветхом Завете приписываются царю Соломону, псалмы — царю Давиду, авторство Евангелий и некоторых писем, особенно Евангелия от Иоанна и писем Петра, неясно, и все ли слова Иисуса в Новом Завете сказаны самим Иисусом также сомнительно. Но практика псевдоэпиграфии, которая была распространена в древности, утратила свою легитимность с раннего периода современности. Тем не менее было бы неправильно просто отвергнуть эти современные случаи псевдоэпиграфии как медиа-мошенничество. Их также можно рассматривать как впечатляющий новый виток развития мудрости, потому что слова, вложенные в уста Сиэтла или народа Кри, выражают новое отношение к окружающему миру, которое могло обостриться только в переживании экологических кризисов. Можно сказать, что с каждым новым временем появляются триггеры, которые рождают новую мудрость или придают древней мудрости новое значение. Убеждение, согласно которому все то, что составляет в мире социальную и экологическую систему — люди, животные и растительный мир, имеющие прочные внутренние связи и образующие одно целое, — можно найти уже древних текстах, но свое широкое признание оно получило во второй половине XX века. Также возможность глобальной и, возможно, последней

экологической катастрофы воспринимается как реальная опасность лишь в течение нескольких десятилетий. Поэтому внимание к собственной среде обитания и уважение к жизни стали новым и важным содержанием мудрого мышления. И получается, что выдавая новую мудрость, которая как бы схватывает явления, фиксирует их, формулирует из них целостность всей жизни в знании того, что все связано со всем, за отголоски прошлого, за мудрость индейцев, утверждается идея признательности и уважения к культурам коренных народов после стольких веков жесточайших преследований и геноцида. В то же время топос старой мудрости выполняет функцию гарантии истины сказанного, поскольку сами слова, хоть и не такие уж они и «старые», исходят от тех, кто свидетельствует о мудрости, потому что их жизнь, сохранившая старинные формы бытия, есть колоссальный опыт прошлого, того времени, когда казалось бы жизнь была аутентична, связана с природой и не испорчена цивилизацией. И, наконец, чужая речь позволяет говорить в возвышенном тоне и в форме назидательного обращения, которые человек современности, будь то профессор литературы или кинорежиссер, не может себе позволить, чтобы не выглядеть несерьезным или смешным. Индейскому вождю позволено так говорить, и его аудитория любит, когда к ней обращаются таким образом. Сиэтл непосредственно в самой своей речи подтверждает, что он говорит этим своеобразным «диким» языком: «I am a savage and I do not understand any other way» [http://www.synaptic.bc.ca/ejournal/seattle.htm] — «Я же дикарь и не понимаю по-другому» (с англ.: Х.К.). Человек настоящего позволяет человеку прошлого вырабатывать свое топливо целей, энергия которого придает вес той мудрости, которую он сам когда-то распознал, и позволяет говорить ему то, что он не может говорить сам.

Резюме: Мудрость как развитие

• Мудрость динамична. Поэтому мудрый — это тот, кто может учиться и преодолевать старую мудрость и приходить к новым познаниям. Мудрость дает возможность ее дальнейшего развития, пересмотра и нового развития.

• Примером дальнейшего развития мудрости является драма Бертольда Брехта *Кавказский меловой круг*. Ценности любви, заботы и

ответственности как характеристики материнства больше не привязаны к телесности (физическое материнство).

• Выступление Астрид Линдгрен на церемонии вручения Премии мира немецкой книжной торговли является примером пересмотра мудрости. Предупреждение о строгом воспитании, которое связано с насилием и которое можно найти в книгах мудрости Библии, заменяется пониманием того, что даже в воспитании только отказ от насилия может привести к миру.

• Современные версии речи вождя Сиэтла 1854 года являются примерами нового развития мудрости в виде древней мудрости. Новое понимание экологического мышления в XX-м веке, осознание того, что человеческая деятельность оказывает влияние на собственную среду жизни, сформулировано как старая мудрость близких к природе народов, и, таким образом, получает большой вес и правдоподобность.

3 Индивидуализация мудрости

Маленький принц

В 1943 году в Нью-Йорке на французском и английском языках была издана небольшая брошюра под названиями *Le Petit Princ* и *The Little Prince*. После того, как французский оригинал был также опубликован во Франции в 1946 году известным издательством Gallimard, *Маленький принц* быстро стал одной из самых известных книг XX века во всем мире. *Маленький принц* — это не только мировая литература, но эта книга больше, чем какая-либо другая, взбудоражила общественное мнение. К тому же автор, Антуан де Сент-Экзюпери, стал одним из самых известных иллюстраторов после Второй мировой войны благодаря своим не менее известным рисункам Маленького принца на его крошечном астероиде. Почему эта повесть стала настолько успешной и не ограничилась интересами узкого круга специалистов? Хотя Сент-Экзюпери уже был широко читаемым автором, когда он писал книгу, ее огромный успех не был само собой разумеющимся. *Маленький принц* написан в жанре философской сказки, который был весьма популярен в конце XVIII — начала XIX веков, но уже пережил свое время при жизни Сент-Экзюпери, в мировой литературе известны некоторые примеры этого жанра в первой половине XX века. Например, в России чрезвычайно популярны философские пьесы-сказки Евгения Шварца (1896–1958). Из биографии автора *Маленького принца* мы узнаем, что летчик Сент-Экзюпери, погибший в 1944 году в возрасте всего 44 лет во время исследовательского полета над Средиземным морем, воплотил свой личный опыт в рассказе о летчике, совершившем вынужденную посадку в пустыне, после которой он встречает маленького мальчика, упавшего с неба. Автор, как и его рассказчик от первого лица, однажды разбился в пустыне и чуть не умер от жажды. История говорит об одиночестве и потере родины, и некоторые читатели, которые были вынуждены бежать или были изгнаны во время войны, возможно, узнали себя в ней. Роза, которую маленький принц оставляет на своем астероиде, может быть понята тропом ожидания или разлуки во время войны: жена Сен-Экзюпери осталась во Франции, когда он эмигрировал в США. Многим знакома ситуация разлуки, разрыва семей во время и вскоре после войны из собственного опыта. Но все это не объясняет необычный и все еще длительный успех

книги, в которой речь идет не о войне, а о болезнях цивилизации, таких как алкоголизм и потеря смысла жизни, с одной стороны, и о любви и доверии — с другой. И не из-за сюжета, ибо история галлюцинаторной встречи пилота в пустыне с потерянным звездным ребенком, который рассказывает о своем путешествии к звездам и разговорах с животными на земле, и, наконец, умирает на руках у рассказчика, трогательна, но это лишь рамки для чего-то другого. В сущности, есть несколько высказываний, которые сделали книгу *Маленький принц* известной. По сути это современная книга мудрости. Форма вряд ли могла быть меньше и насыщеннее, и в коротком тексте опять же есть лишь несколько страниц, которые имели наибольший эффект: беседа с Лисом, с которым Маленький принц встречается во время своего путешествия по миру. Мы помним, что Маленький принц оставил на своем астероиде розу, капризное и не очень приятное существо, но на земле он скучает по ней и шокирован, увидев сад, полный роз, потому что считал свою розу единственной розой в мире. Он познает истину: «люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...». В тот момент, когда Маленький принц бросается в траву, чтобы поплакать о своей потере, которая является потерей индивидуальности, появляется Лис (переводится в русском языке с французского в мужском роде) и приводит его к осознанию того, что его роза уникальна, потому что она его роза, потому что он имеет с ней отношения и несет за нее ответственность: «– Я в ответе за мою розу ... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить». В этой беседе Лис придает слову *приручить* (французский *apprivoiser*) значение *создать узы* (французский *créer des liens*) и объясняет, что значит создать узы с вещами и людьми. Очевидно, что это связано с глубокими эмоциями, и из этого следует самая известная поговорка из книги, которую Лис называет своим *секретом*: «зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

Многие известные цитаты из *Маленького принца*, кажется, сгруппированы вокруг этой мудрости, словно выводя формулу мирочувствования современности, разбросанную по огромному полотну литературы и выраженную в своей ясности и полноте на страницах небольшой философской сказки.

> Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит.
>
> Ты навсегда в ответе за того, кого приручил.

Слова только мешают понимать друг друга.

Любовь — это когда ничего не стыдно, ничего не страшно, понимаете? Когда тебя не подведут, не предадут. Когда верят.

Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...»

В книге прослеживается четкая мысль о том, что цель и смысл жизни могут быть найдены только в каждом человеке, в его собственной личности и в его отношениях с другими людьми. Речь всегда идет о личной встрече и близости, всегда о Я и Ты. Важны только личные отношения: между летчиком и Маленьким принцем, между Маленьким принцем и его розой, между Маленьким принцем и Лисом. На фоне Второй мировой войны, должно быть, звучало особенно впечатляюще, когда Маленький принц сказал многочисленным розам в розовом саду, что они красивые, но пустые, и что его роза важнее всех остальных сама по себе, потому что она его роза, о которой он позаботился. Эта мудрость является полной противоположностью всеобъемлющим моделям объяснения мира и мифо-политическим конструкциям, таким как фашизм или сталинизм, которые принесли людям только страдания и разрушения. В *Маленьком принце* девальвируются мифо-политические конструкции, в которых человек не ценится. Одним из многих человеконенавистнических высказываний национал-социализма было: «Ты — ничто, твой народ — все». Маленький принц, напротив, говорит розам в саду: «Вы красивые, но пустые. Ради вас не захочется умереть», потому что абстрактные размеры и чистая масса не допускают личных отношений, и только личные отношения стоят того, чтобы ради них пожертвовать собой. Великая идея или абстрактное большинство, такие как *нация*, *класс*, *раса*, *история* или *государство* и так далее становятся бессмысленными, когда идет речь об отношениях одного живого существа к другому живому существу. Поэтому *Маленький принц* – это мудрость индивидуального человека или индивидуализированная мудрость. Мифо-политические конструкции всегда направлены против мудрости, которая хочет быть помощью в реальной жизни людей. Но даже эта мудрость, уклоняющаяся от мании власти и претензии на всеобщее объяснение, часто остается в ловушке в виде общих правил, которые не ориентированы на отдельного человека, а имеют в виду человека в общем. Поэтому в книге *Притчи* различают мудрых и глупых, праведных и неправедных и т.д., то есть

типы людей. В книгах Ветхого Завета человек наиболее отчетливо узнаваем в *Екклесиасте*, и не случайно эта книга является, пожалуй, самой популярной книгой мудрости из Библии на сегодняшний день. Типажи появляются также в *Маленьком принце*: король, честолюбец, пьяница, деловой человек, географ, но даже с этими типами сталкивается сам Маленький принц, и даже на пути к звездам фонарщик – это личность, представляющий не только один конкретный тип. Лис, сам Маленький принц, летчик представляют собой индивидуальных людей, которые находят привязанность и дружбу друг к другу. В этой высокой оценке личности, дружбы и любви формулируются изречения мудрости. Они также являются общими по форме, т.е. могут быть поняты всеми и приняты как жизненная максима, но обращение в цитатах не является речью о людях как таковых, а всегда является личным обращением. Лис говорит: «Если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете». А также общее правило является в контексте личного обращения: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу (в оригинале: »Tu deviens responsable pour toujours de ce que tu as apprivoisé. Tu es responsable de ta rose«)». Речь всегда идет о конкретном человеке в его собственном опыте и в его отношениях с другими людьми. Вот почему в *Маленьком Принце* нет абсолютного авторитета мудрости, который бы гарантировал его истинность. Ни летчик в пустыне, ни Маленький принц не являются мудрецами-учителями, которые учат других. Скорее всего, в этой роли выступает Лис, позволивший Маленькому принцу приручить себя, который раскрывает сущность человеческих отношений и ищет своей любви. Индивидуализированная мудрость не имеет авторитета, но является результатом личного опыта и личных отношений как самопознания и как общего знания из общего опыта дружбы. Не ставится и цель найти общие правила для всех ситуаций в жизни, но помочь людям найти себя, а то и лучше: она является сама процессом самопознания. Книгу *Маленький принц* можно рассматривать как основополагающую книгу этой новой индивидуализированной мудрости, которая была воспринята после Второй мировой войны как великое освобождение от ужасов мифо-политических конструкций и их последствий. Мудрость книги *Маленький принц* не потеряла своей ценности и по сей день, и взирая на новые формы тоталитаризма и но-

вые мифо-политические конструкции во многих странах мира, она вновь будоражит расшатанный и колеблющийся мир.

Ответственность, счастье и осознанность: понятия индивидуализированной мудрости

Индивидуализированную мудрость нельзя путать с эгоизмом. Ключевым концептом в разговорах Маленького принца с Лисом является ответственность. «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу», — говорит Лис. Это понятие ответственности, которое можно охарактеризовать как ответственность заботливости, — кто-то заботится о ком-то или о чем-то — стало широко распространенным и значимым только в конце XX века. В *Маленьком принце* оно нашло раннее поэтическое выражение. В большинстве европейских языков слово *ответственность* имеет корень *ответ*: *respons-* на английском или французском языках, *antwort-* на немецком, *ответ* на русском и т.д., потому что оригинальный коммуникативный контекст, в котором говорится об ответственности, — это суд, в котором кто-то должен отвечать на вопросы, а в этих ответах — отвечать за действия. Таким образом, ответственность находится в семантической близости к чувству вины. В этом смысле *ответственность* рассматривается ретроспективно, т.е. относится к прошлым действиям. В *Маленьком принце* Лис использует формулировку *в ответе* в актуальном и проспективном смысле, т.е. думает о настоящем и будущем, и в этой функции концепция ответственности получила все большее распространение во многих европейских обществах в течение XX века (ср. Bayertz 1995: 32–33, 45; Wittwer 2002: 575; Seeger 2010: 140, 147; Kuße 2015: 96, 102).

При этом концепция ответственности также подавила концепцию вины (ср. Seeger 2010: 560). Симптоматично, что в цитате Федора Достоевского *Братья Карамазовы* произошли заметные изменения. В романе Старец Зосима говорит:

> [...] воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват.
>
> [http://ilibrary.ru/text/1199/p.41/index.html]

Цитата популярна и может быть найдена в собраниях русских афоризмов в Интернете, а также в качестве этического лозунга на сайтах коммерческих компаний, но в модифицированном виде:

Каждый человек несёт ответственность перед всеми людьми за всех людей и за всё. Фёдор Михайлович Достоевский.

[https://socratify.net/quotes/fedor-mikhailovich-dostoevskii/13239]
(Доступ: 18.11.2020)

Есть связь между концептами вины и ответственности. Значение вины может быть описано таким образом, что ответственность включается в компонент атрибуции действия или последствии действий (*X несёт ответственность за P*) (Падучева 2004: 136). Однако замена двух лексем в высказывании приводит к изменению смысла. Долг каждого человека оправдать себя и свои отношения с миром стал обязанностью заботиться обо всех и обо всем. Таким образом, изменение цитаты заменяет модель «Суд» на модель «Заботливость». Язык Старца Зосимы приближен к языку Лиса в *Маленьком принце*, потому что он более понятен людям в конце XX и начале XXI веков. Признание вины каждого человека по отношению к каждому звучит сегодня мрачно и, наверное, является бессмысленным и бесполезным утверждением для многих людей, но то, что каждый человек несет ответственность — за своих ближних, за окружающую среду, за мир и т.д., — это понятная проницательность, а значит, мудрость нашего времени. Ответственность в *Маленьком принце* или в измененной цитате Достоевского — это ценность индивидуализированной мудрости, потому что она предполагает субъектов, способных и желающих принимать решения. Человек, который действует ответственно, может принимать решения самостоятельно и заботиться о других людях или вещах на свободе. Человек, которого заставляют что-то делать, может чувствовать себя виноватым и на самом деле стать виновным, но он не может взять на себя ответственность. Ответственность всегда связана со свободой, а свобода является предпосылкой индивидуализированной мудрости. Поэтому в самом раннем времени, в 70-е годы XIX века, Владимир Сергеевич Соловьев увидел в работе *Кризис западной философии* (1874 г.), которая относится к классике русской философии, осознание моральной ответственности в противоречии с абсолютным детерминизмом: «Всеобщее и неискоренимое сознание нравственной ответственности, предполагающей свободу, противоречит абсолютному детерминизму» (Соловьев 1988: 62). Однако Соловьев из этого понимания еще не выработал этику ответственности, как это сделали социолог Макс Вебер почти полвека спустя и философ Ханс Йонас во второй поло-

вине XX века (Weber 1919; Jonas 1979; vgl. Kuße 2015: 104). В главном произведении Соловьева *Оправдание добра* (1897) ответственность как понятие не фигурирует. Свобода выбора в ответственности заботливости включает в себя и ответственность за себя. Пожалуй, не будет случайностью, что первая цитата, расположенная под псевдоцитатой Достоевского на сайте *socratify.net* , — это поговорка об ответственности за собственное счастье:

> Никто, кроме тебя, не несет ответственности за твое счастье. — Регина Бретт
>
> [https://socratify.net/quotes/fedor-mikhailovich-dostoevskii/13239]
> (Доступ: 18.11.2020)

Американская журналистка Регина Бретт, которая является автором этой цитаты, стала известна в социальных сетях со своим *50 Life Lessons*. Эти жизненные уроки — забота о собственной жизни. Самый известный из них — *God Never Blinks: 50 Lessons for Life's Little Detours* (Brett 2010) — появился на русском под названием *Бог никогда не моргает: 50 уроков, которые изменят твою жизнь* (Бретт 2013). Цитата является уроком 25, но слово *ответственный* в английском языке не встречается. Употребляется конструкция *in charge of*:

> 25. No one is in charge of your happiness except you.

В книге Бретт дает советы для успешной жизни и правильного способа справиться с трудностями. Первый урок — программный:

> 1. Life isn't fair, but it's still good.
> Урок 1: Жизнь несправедлива, но все равно хороша.

Автор формулирует общую оптимистическую мудрость жизни, которая напоминает поговорку из бабушкиной кухни «Сделай, как солнечные часы, считай только часы светлые», песню Макферрина «Не волнуйся, будь счастлив» или мудрость Екклесиаста. Затем следуют уроки с конкретными советами, в которых к читателю обращаются напрямую:

> 2. When in doubt, just take the next small step.
> Урок 2: Когда сомневаешься, просто сделай следующий правильный шаг.
>
> 4. Don't take yourself so seriously. No one else does.
> Урок 4: Не будь слишком строг к себе: никто так не делает.
>
> 11. Make peace with your past so it won't screw up the present.
> Урок 11: Примирись с прошлым, чтобы оно не испортило тебе настоящее.
>
> 15. Everything can change in the blink of an eye. But don't worry; God never blinks.
> Урок 15: Все может измениться в мгновение ока, но не волнуйся: Бог никогда не моргает.

30. Time heals almost everything. Give time time.
Урок 30: Время лечит почти все, дай только времени время.

39. Get outside every day. Miracles are waiting everywhere.
Урок 39: Выходи прогуляться каждый день: чудеса ждут, чтобы ты их обнаружил.

43. All that truly matters in the end is that you loved.
Урок 43: В итоге единственно важно только одно: что ты любил.

Небольшой выбор показывает, что уже заголовки образуют собрание современных изречений мудрости, и книгу не нужно читать, чтобы понять смысл послания. Это четкое выражение индивидуализированной мудрости. Подобно тому, как Лис обращается к Маленькому принцу, здесь автор обращается к своим читателям и рассказывает им, что они должны делать и чувствовать, чтобы хорошо жить. Важно, чтобы речь шла о собственной личности и непосредственных отношениях с другими людьми; например:

Примирись с прошлым, чтобы оно не испортило тебе настоящее.

В итоге единственно важно только одно: что ты любил.

Тот факт, что хорошее обращение с самим собой не эгоистично, а должно быть хорошим способом обращения с другими, в котором реализуются такие ценности, как мир, гармония и терпимость, также четко выражен в ряде названий уроков:

3. Life is too short to waste time hating anyone.
Урок 3: Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на ненависть.

6. You don't have to win every argument. Agree to disagree.
Урок 6: Необязательно побеждать в любом споре: останьтесь каждый при своем мнении.

28. Forgive everyone everything.
Урок 28: Прощай все и всем.

44. Envy is a waste of time. You already have all you need.
Урок 44: Зависть — это пустая трата времени: у тебя уже есть все, что по-настоящему необходимо.

Книга Регины Бретт не особенная. На мировом книжном рынке существуют тысячи и тысячи таких публикаций. В любом немецком книжном магазине сегодня можно найти полки с книгами о жизни. Вот некоторые из них:

Die Seele will frei sein. Eine Reise zu sich selbst — Душа хочет быть свободной. Путешествие к себе

Jetzt! Die Kraft der Gegenwart — Сейчас же! Сила настоящего

Du bist das Universum. Entdecke dein kosmisches Selbst — Ты – вселенная. Открой свое космическое Я

Sorge nicht frage! — Не волнуйся, спрашивай!

Zen your life. Kleine Veränderungen mit großer Wirkung — Дзен твоя жизнь. Небольшие изменения с большим эффектом

Das Glück findet dich dann, wenn du es nicht suchst — Счастье находит тебя, когда ты не ищешь его.

Woran hängt dein Herz? Prüfe alles und entscheide dich für das Gute — К чем привязано твое сердце? Изучи все и реши на благо

Das Beste liegt vor uns. Wie wir neue Energien für unser Leben gewinnen — Лучшее впереди. Как мы получаем новую энергию для нашей жизни

Mögest du glücklich sein. Entdecke dein Höheres Selbst und verbinde dich mit deiner inneren Kraft — Пусть ты будешь счастлив. Открой для себя Твое Высшее Я и соедини с Твоей внутренней силой

Du bist genug. Vom Mut, glücklich zu sein — Тебя достаточно для себя. О мужестве быть счастливым

So stärken Sie ihr Selbstwertgefühl — Так вы укрепите свою самооценку

Jeder ist beziehungsfähig — Каждый человек способен на отношения

Das Leben ist zu kurz für später — Жизнь слишком коротка, чтобы потом

Update für dein Unterbewusstsein — Обновление для вашего подсознания

Wer früher plant, ist nicht gleich tot ... — Если ты будешь планировать наперед, ты не умрешь сразу же...

Was ich dir mitgeben möchte. Orientierungspunkte auf dem Weg — То, что я хочу дать тебе. Ориентиры в пути

Zur Geborgenheit finden. Antworten auf Fragen des Lebens — Поиск защищённости. Ответы на вопросы жизни

Sorge dich nicht, Seele. Warum wir nicht verzagen müssen — Не волнуйся, душа. Почему мы не должны отчаиваться

Vergiss das Beste nicht. Inspirationen für jeden Tag — Не забывай о лучшем. Вдохновение для каждого дня

Das Glück der Gelassenheit im ABC der Lebenskunst — Счастье спокойствия в Азбуке Искусства жить

Versäume nicht dein Leben — Не пропустите свою жизнь

(пер. с нем.: Х. К.)

Подобные книги и в переводе, и русских авторов имеются в достаточном количестве на российском книжном рынке.

Как найти свою сильную сторону

Люби себя!

Просто будь собой!

Магический пофигизм. Как перестать париться обо всем на свете и стать счастливым прямо сейчас

Сила подсознания. Или как изменить жизнь за 4 недели

Все будет хорошо

Какой у вас тип личности?

Хочу и буду: Принять себя, полюбить жизнь и стать счастливым

Пока я-не-Я. Практическое руководство по трансформации судьбы

Термин, который очень популярен и широко используется в рамках новой индивидуализированной мудрости, особенно в США и Западной Европе, — это *осознанность*. В английском языке употребляются *Awareness* и *Mindfulness*, в русском языке также встречается *внимательность.* Бестселлером стала книга *Mindfulness: A Practical Guide to Finding Peace in a Frantic World*, опубликованная в 2011 году психологом Марком Уильямсом и журналистом Дэнни Пенманом. Русский перевод *Осознанность. Как обрести гармонию в нашем безумном мире* вышел в 2014 году. *Осознанность* — это отношение к жизни, характеризующееся высокой степенью внимания и осознания всех вещей и событий, которые окружают людей. И это внимание выводит из индивидуального круга людей в универсальный образ мышления. Осознанности свойственно некоторое буддийское начало, но термин уже давно стал надрелигиозным. Так, например, бенедиктинский монах Ансельм Грюн, который в Германии является одним из самых популярных христианских авторов в сфере новой мудрости, посвятил осознанности отдельную главу в своем бестселлере 1997 года *50 Engel für das Jahr. Ein Inspirationsbuch* (50 ангелов для года. Вдохновляющая книга). В этой книге, которая в 2020 году вышла 45-м изданием, *ангелы* встречаются в качестве метафор положительных ценностей и форм поведения. Они называются *ангел любви*, *ангел примирения*, *ангел общения*, *ангел прощения*, *ангел свободы*, *ангел осознанности*, *ангел понимания* и т.п. 38-й ангел — это *ангел осознанности.* Ансельм Грюн связывает его с верой в мир как Божье творение:

> Желаю тебе, чтобы ангел осознанности все глубже и глубже знакомил тебя с искусством жить, чтобы ты открыл для себя страсть к жизни и делал все с вниманием и уважением, потому что все драгоценно, потому что все чудесным образом сотворено Богом и вдохновлено Его Духом. (Grün 1999: 121 — пер. с нем.: Х. К.)

Построение этой небольшой речи примечательно. Прежде всего, привлекают внимание сам принцип организации и своеобразие оформления, сосредоточенные на речевом акте желания, когда автор

использует традиции эпистолярного жанра: он обращается к другу в письме. В финальной конструкции это желание сочетается с косвенной директивой, содержащей поведенческую инструкцию, в которой уже сделана универсализация: Делайте все с вниманием и уважением. Если вначале *всё* это ещё относится к индивидуальному действию, то *всё* в объяснительной фразе в последующем каузальном предложении обозначает весь мир, всё творение Божье. Таким образом, в одном предложении путь ведёт от индивидуального обращения через индивидуальную жизнь к универсальному, сверхличностному высказыванию. Пример показывает, как на языке индивидуализированной мудрости личное обращение и ссылка на каждую отдельную, индивидуальную жизнь могут быть связаны с универсальной претензией на истину.

Пример также показывает, что в индивидуализированной мудрости взгляд не должен быть сосредоточен только на личных обстоятельствах жизни. Ансельм Грюн не перечисляет в своем каталоге ангела ответственности, но он витает, как будто бы рядом с ангелом осознанности, потому что если все ценное и все должно быть сделано осознанно, то вытекает из этого ответственность за все.

Интересным примером такого рода мудрости в настоящем являются уже упомянутые *Письма о добром* Дмитрия Лихачева. Особенно в пятом письме Лихачев высказывает мысли, близкие к идее осознанности. В своих письмах Лихачев не оперировал этим понятием, но он использовал близкое к осознанности понятие «достоинство» для обозначения охватывающего отношения человека к своим ближним и ко всему сущему. Здесь Лихачев также прямо говорит об индивидуальных решениях, которые каждый человек должен принять для себя и своей жизни. Жизнь должна быть созидательной, но, как это реализуется, зависит от индивидуума.

> Природа созидательна, она создала нас, поэтому мы должны в нашей жизни поддерживать эту созидательную тенденцию, творчество и ни в коем случае не поддерживать всего разрушительного, что есть в жизни. Как это понимать, как прилагать к своей жизни, на это должен отвечать каждый человек индивидуально, применительно к своим способностям, своим интересам и т.д. Но жить нужно созидая, поддерживать созидательность в жизни. Жизнь разнообразна, а следовательно, и созидание разнообразно, и наши устремления к созидательности в жизни должны быть тоже разнообразны по мере наших способностейи склонностей. (Лихачев 2006: 16)

Мудрость 14-го Далай-ламы

Письма о добром Дмитрия Лихачева относятся к традиции мудрости как знания. Однако идея осознанности, в частности, находится в основном в тех традициях, которые больше склоняются к мудрости из незнания. Это познание незнания иногда приводит к молчанию, как у Мехера Бабы (см. Часть 1, Глава 1), но в этой мистической традиции мудрости говорится также о связях между человеком и вселенной. Утверждения такой обширной связи можно найти в книгах и выступлениях, вероятно, самого важного учителя индивидуализированной мудрости, который был удостоен Нобелевской премии в 1989 году за свою приверженность делу мира, примирения и взаимопонимания во всем мире, — 14-го Далай-ламы. Его книга *Opening the Eye of New Awareness* (*Открывая око нового осознавания,* 1985), опубликованная много лет назад, стала проводником идей тибетского буддизма в мировую культуру. Поэтому Далай-ламу нельзя рассматривать только в контексте конкретной религии. Широко известные книги вовсе не ссылаются на религиозный контекст, а касаются вопросов индивидуальной жизни и глобальной ответственности людей в настоящем: *The Art of Happiness* (1998) (*Искусство быть счастливым,* 2010), и *Ethics for the New Millennium* (1999) (*Этика для нового тысячелетия,* 2010). Цель Далай-ламы, как он сам не раз утверждал, вовсе не религия. В книге *Этика для нового тысячелетия* он говорит о своей ответственности «в отношении всей человеческой семьи», из-за которой он не может выступать в качестве представителя одной религии и даже не во имя религии вообще. Он объясняет свою позицию тем, что большинство людей «не следует религиозной практике»: «я стараюсь отыскать путь, который подходил бы всем людям, независимо от их веры» [http://russia.dalailamafoundation.org/book/]. Он выступает за «духовную революцию», которая «влечет за собой этическую революцию» (там же). Это очень глобальное мышление и уводит далеко от индивидуализированной мудрости, в которой люди относятся только к себе и своему ближайшему окружению. И все же это не противоречие, а скорее кульминация этой мудрости, так как она всегда возвращается к человеку и его восприятию, к его жизни в мире, к индивидуальному счастью или несчастью. Здесь индивидуализированная мудрость соединяется с мудростью незнания. В *Этике для нового тысячелетия* говорится о неправильном восприятии, «которое, разумеется, имеет разные степени, обычно возникает

из-за нашей склонности выделять определенные аспекты события или переживания и видеть их как представляющие целостность. Это ведет к сужению перспективы и соответственно — к ложным ожиданиям» (там же). Однако когда только «мы рассматриваем реальность такой, какова она есть, мы быстро начинаем осознавать ее бесконечную сложность и понимаем, что наше привычное восприятие ее зачастую неадекватно» (там же). Для того, чтобы дать понять эту сложность, используются некоторые буддийские учения, которые в конце концов должны привести к пониманию, что «каждый наш поступок, слово и мысль, вне зависимости от того, насколько незначительными или незаметными они могут показаться, имеют значение не только для нас самих, но и для всех других» (там же). Таким образом, мудрость для человека, в которой к каждому человеку обращаются индивидуально, становится одновременно универсальной и приобретает всемирное значение. Понимание, что «"я" в каком-то смысле только ярлык для сложного переплетения взаимозависимых феноменов» (там же), приводит в то же время к растворению четких границ между Я и Не-Я, но это растворение Я не должно приводить к потере идентичности, а должно освобождать Я от ложных привязанностей и ожиданий и расширять Я. Для этого Далай-лама приводит притчу Шантидевы, индийского ученого рубежа VII–VIII века, который сказал, «что хотя мы не можем и надеяться отыскать столько кожи, чтобы покрыть всю землю, уберегая свои ноги от колючек, на самом деле это и не нужно. Вполне достаточно прикрыть подошвы наших ног. Другими словами, хотя мы не можем всегда изменять обстоятельства так, чтобы они нас устраивали, мы можем изменить свое отношение к ним» (там же). Таким образом, буддийская мудрость о невежестве в его современной форме вращается вокруг человека, который должен освободиться от себя, чтобы найти себя и играть позитивную роль в мире в этом процессе. Поэтому две основные главы книги *Этика для нового тысячелетия* называются «Этика и личность» и «Этика и общество». В конце концов, в «интересах каждого делать то, что ведет к счастью, и избегать того, что ведет к страданию. Но поскольку, как мы уже видели, наши интересы сложнейшим образом переплетены между собой, мы вынуждены принять мораль в качестве необходимого средства осуществления взаимосвязи между моим желанием стать счастливым и вашим» (там же). В этом и заключается основа индивидуализированной мудрости 14-го Далай-ламы, которая, конечно, глубоко укоренена в буддизме,

живет во многих образах, тропах и притчах буддистской традиции, и прежде всего вращается вокруг вопроса о том, как каждый человек, каждый индивидуум может контролировать себя так, чтобы гармония всех создавалась через всех. В книге *Этика для нового тысячелетия*, как и во многих других публикациях Далай-ламы, рассеяны предложения, которые могут быть вырваны из контекста как изречения мудрости; например:

> Недисциплинированный ум похож на слона. Если его оставить без присмотра, он может учинить настоящий погром. (там же)
>
> Мы можем понять природу ума, сравнив его с водами озера. Когда налетает шторм, вода волнуется, и грязь поднимается со дна, замутняя ее. Но грязь не является природной составляющей воды. Когда шторм утихает, грязь оседает, и вода снова становится чистой. (там же)

Многочисленные цитаты 14-го Далай-ламы, которые можно найти в сборниках афоризмов или в интернете, содержат мудрость о том, как все люди могут контролировать свое Я и находить свой собственный путь к счастью и как этот поиск счастья способствует счастью всех. При этом здесь следует обратить внимание на то, что те цитаты, которые встречаются в русском интернете как самые популярные, разительно отличаются от тех, которые размещены на немецких сайтах. Одним кликом на сайтах *https://entertenment.ru/blog/states/khoroshie-tsitaty-ot-dalaj-lama-kotorye-izmenyat-vashe-mirovozzrenie* и *https://ru.citaty.net/avtory/dalai-lama-xiv* / пользователь получает:

> Любовь и сострадание — это необходимость, а не роскошь. Без них человечество не сможет выжить.
>
> Наша главная цель в этой жизни — помогать другим. И если вы не можете им помочь, по крайней мере, не делайте им больно.
>
> Мир не означает отсутствие конфликтов; различия всегда будут. Мир означает разрешение этих различий мирными средствами; через диалог, образование, знания; гуманным путем.
>
> Способ изменить мнение других людей — с любовью, а не с гневом.
>
> Открытое сердце — это открытый разум.
>
> Любовь — это отсутствие суда.

На немецких сайтах https://www.aphorismen.de/ и https://21kollektiv.de/zitate-lebensweisheiten-dalai-lama/ находятся, между прочим, такие цитаты:

> Alle Aktivitäten, die anderen nützen, sind Handlungen, die den Geist stärken. — Все действия, которые приносят пользу другим, являются действиями, которые укрепляют дух.

Bevor wir andere belehren, müssen wir uns selbst läutern. — Прежде чем учить других, мы должны очистить себя.

Jede Veränderung beginnt in uns. — Каждое изменение начинается внутри нас.

Der Geist ist wie klares Wasser, und sein Wesen reine Erfahrung. — Дух подобен чистой воде, и его сущность — чистый опыт.

In der Wut verliert der Mensch seine Intelligenz. — В гневе человек теряет свой интеллект.

Unsere wahre Aufgabe ist es glücklich zu sein. — Наша истинная цель — быть счастливыми. (пер. с нем.: Х. К.)

Эти комментарии не имеют прямого адресата. Однако одной из характерных черт индивидуализированной мудрости, которая обращается к человеку как к личности и не только выражает себя в общих чертах о человеке или определенных типах людей, является возможность прямого и непосредственного обращения. Поэтому известные цитаты 14-го Далай-ламы имеют такую же форму:

Дайте тем, кого вы любите, крылья, чтобы летать, корни, чтобы вернуться, и причины, чтобы остаться.

Чем больше вы мотивированы любовью, тем более бесстрашными и свободными будут ваши действия.

Будьте добры, когда это возможно. Это всегда возможно.

Если можешь помочь, помоги. Если нет, хотя бы не вреди.

Примечательно, что в первую очередь поисковик выдает цитаты, отличающиеся на русских и немецких сайтах. Среди самых популярных на немецких сайтах можно привести следующие изречения:

Falls du glaubst, dass du zu klein bist, um etwas zu bewirken, dann versuche doch mal einzuschlafen, wenn eine Mücke im Raum ist. — Если вы думаете, что вы слишком малы, чтобы что-то изменить, постарайтесь заснуть, когда в комнате комар.

Gehe einmal im Jahr irgendwo hin, wo du noch nie zuvor warst. — Раз в год, отправляйся туда, где никогда не был.

Verbringe jeden Tag etwas Zeit mit dir selbst. — Проводите с собой время каждый день.

Widme dich der Liebe und dem Kochen mit deinem ganzen Herzen. — Посвятите себя любви и готовке от всего сердца.

Du brauchst keinen Lehrer, der dich beeinflusst. Du brauchst einen Lehrer, der dich lehrt, dich nicht mehr beeinflussen zu lassen. — Тебе не нужен учитель, чтобы влиять на тебя. Тебе нужен учитель, который учит тебя не поддаваться влиянию.

Федор Конюхов и Райнхольд Месснер

Индивидуализированная мудрость — это мудрость, которая обращена к каждому человеку как индивидууму и предназначена для того, чтобы помочь развить эту индивидуальность, обрести гармонию и счастье в жизни, и тем самым внести свой вклад в счастье сообществ, в которых живет человек. Индивидуализированная мудрость всегда относится в первую очередь к отдельному человеку. Таким образом, она становится более заметной, чем более индивидуальной кажется личность. Эта потребность в выдающихся личностях не является принципиально новой. Правители и герои войны, основоположники религии и святые, подвижники и не в последнюю очередь учителя мудрости почитались на протяжении всей истории как особенные личности; в XIX веке к ним были причислены художники и ученые, а в XX веке — почти забытая с древних времен сфера развития личности: спорт. Особенно в спорте индивидуум имеет возможность выделиться и быть отмечен семиотически как уникальный посредством наград и достижений, таких как «рекорды» и «мировые рекорды». Во второй половине XX века установка на спортивные достижения при формировании личности усилилась и дошла до крайности с появлением феномена экстремальных видов спорта, в которых достигаются чисто индивидуальные результаты. Спортсмен соревнуется в одиночку и только против себя. Индивидуум ставит себе вопрос «Могу ли я сделать это?»: «Могу ли я сделать это, чтобы подняться на самую высокую гору в мире без кислорода?», «Могу ли я сделать это, чтобы в одиночку грести по всему миру на весельной лодке?» и т.п. Вопрос всегда связан с индивидуальным Я, и только ответ говорит что-то о людях в целом: если человек может справиться с определенным вызовом, то это достижение в принципе возможно для человека, даже если очень немногие могут его повторить. В этом смысле люди, которые занимаются экстремальным спортом, проводят эксперименты сами с собой, чтобы продемонстрировать, что человек может выдержать и достичь, но в центре внимания находится их собственное выступление, их Я. Эта крайняя форма индивидуализации, кажется, имеет мало общего с мудростью. Раньше считалось бы довольно неразумным без необходимости подвергать себя риску, связанному с эскстримом. Среди традиционных поговорок и пословиц много примеров высказывания о смелости, например: «Не стерпела душа — на простор пошла»,

«Волка бояться, так и в лес не ходить», «Бояться волков — быть без грибов», «Крут бережок, да рыбка хороша» и в немецком языке: „Dem Mutigen gehört die Welt“ — «Мир принадлежит храбрым», „Frischgewagtisthalbgewonnen“ — «Отважная смелость — половина успеха» и крылатое слово Бертольда Брехта: „Wer kämpft kann verlieren. Wernichtkämpft, hat schon verloren“ — «Тот, кто сражается, может проиграть. Кто не сражается, тот уже проиграл». Однако все эти изречения при употреблении связаны с определенными целями. Известные поговорки и пословицы, содержащие призыв к осторожности, обладают не меньшей мудростью: «Не вызывай волка из колка», «Крутая обочина недолго стои́т», «Бережливого коня и зверь не берет», «Не спросившись броду, не суйся в воду!», «Голова не карниз, не приставишь», «Задел рукой — поплатился головой», «Богу-то молись, да и черту не груби!», «Не доглядишь оком, заплатишь боком». По-немецки очень образно звучит поговорка „Vorsicht ist die Mutter der Porzellankiste“ — «Осторожность — мать фарфора». И поговорка „WersichinGefahrbegibt, kommtdarinum“ — «Тот, кто подвергает себя опасности, погибает в ней» известна по сей день.

Но спортсмены-экстремалы популярны. Они являются звездами и для многих людей также образцом для подражания. Но то, что их действия уникальны и имеют большое освещение в средствах массовой информации, не значит, что этих спортсменов можно считать мудрецами. Они становятся мудрецами только тогда, когда представляются таковыми и передают свой спортивный опыт как опыт человеческой сущности. Это вполне возможно, потому что экстремальный спорт приводит к пределам: физическим и психическим. Такой предельный опыт является экзистенциальным по своей природе и позволяет людям почувствовать, что значит быть человеком, какие элементарные потребности есть у людей, как они выживают в очень сложных ситуациях и какие умственные и эмоциональные предпосылки должны быть даны, чтобы выжить и т.д. От этих опытов можно обрести мудрость для человеческой жизни. Это, по крайней мере, требование и ожидание, когда экстремальные спортсмены выражают себя публично, пишут книги, дают интервью, снимают фильмы. В принципе, все те, кто занимается экстремальными видами спорта, схожи в том, что они стремятся к вызовам, которые никто или почти никто не освоил, и эффективно рекламируют свои успехи в средствах массовой информации. Как правило, в подготовке и сопровождении участвуют целые команды, и действия, как во-

дится, рассчитаны на видеосъемку и трансляцию в масс-медиа. Человеческие пограничные эмоции, которые испытывают спортсмены, с одной стороны, индивидуальны, но, с другой стороны, они одинаковые у каждого, так как холод и жара, голод, жажда, истощение, недостаток кислорода и т.д. — все это влияет на человеческий организм. И все же опыт и мудрость, полученная от них, не идентичны. Они также формируются индивидуальными биографиями спортсменов, политическими, религиозными, научными и социальными взглядами, эстетическими наклонностями и не в последнюю очередь культурным и духовным происхождением. Поэтому стоит сравнить мудрость этих особых учителей мудрости с культурологической точки зрения.

В России в настоящее время самый известный спортсмен-экстремал — это живописец и священник Украинской Православной Церкви Московского Патриархата Федор Филиппович Конюхов (род. 1951). В немецкоязычном мире наиболее известен южнотирольский альпинист Райнхольд Месснер. Он родился в Бриксене в 1944 году. Конюхов получил мировую известность в 2016 году, совершив полет на воздушном шаре вокруг света всего за 11 дней. До этого он уже пересекал Атлантику семнадцать раз и достиг мирового рекорда по времени пересечения Атлантики на весельной лодке. В 2014 году ему удалось установить мировой рекорд по пересечению Тихого океана. В 2019 году он пересек Южный океан на весельной лодке из Новой Зеландии. Райнхольд Месснер знаменит своими успехами в качестве альпиниста. В мае 1978 года он и австриец Питер Хабелер были первыми, кто поднялся на Эверест без кислорода. И в том же году, в августе 1978 года, ему удалось совершить первое сольное восхождение на восьмитысячник на Нанга Парбат в Западных Гималаях. Месснер не только поднимался на все восьмитысячники, в некоторых случаях несколько раз, но и пересек Антарктику (1989 / 1990 гг.), Гренландию (1993 г.) и пустыню Гоби (2004 г.) пешком.

Райнхольд Месснер опубликовал более 80 книг. Его туры с лекциями, которые являются настоящими шоу-событиями, заполняют самые большие концертные залы. Он организует семинары в своем замке Ювал в Южном Тироле, создал собственный музей с шестью филиалами под общим названием „Messner Mountain Museum“ [http://www.messner-mountain-museum.it] и основал Месснерский горный фонд, который поддерживает людей в горном регионе Нанга Парбат. Райнхольд Месснер занимается вопросами охраны окру-

жающей среды с 1980-х годов. С 1999 по 2004 год был членом Европейского парламента от Итальянской партии зеленых (Federazione die Verdi).

Федор Конюхов действует похожим образом. В настоящее время его список публикаций включает 26 наименований. Приблизительно в 170 километрах к югу от Москвы в Тульской области он создал проект «Деревня» — учебно-оздоровительный центр с традиционными русскими деревянными домами и часовней. Его спортивные рекорды также имеют экологические притязания, такие как проект кругосветного перелета на самолете, питающемся только от солнечной энергии [https://konyukhov.ru].

Но, конечно, есть и существенные различия. Одно из внешних различий состоит в том, что Конюхов работает как художник и иконописец. Коллекцию работ можно посмотреть на его веб-странице [https://konyukhov.ru]. Он иллюстрирует свои книги собственными рисунками. Но эта особенность заключается только в его личных интересах и талантах. Художник Райнхольд Месснер был бы также возможен. Важнее, что Конюхов является православным священником и выступает в средствах массовой информации в качестве священника, т.е. занимает четкую религиозную позицию. Райнхольд Месснер, с другой стороны, выглядит скорее как западный представитель буддизма, но не видит себя принадлежащим к какой-либо религии. «Я не буддист, как многие верят, а человек, который верит только в то, что он воспринимает. В тибетском смысле, я верю в реинкарнацию. Я верю в то, что жизнь всегда возвращается и никогда не умирает», — сказал он в одном из своих многочисленных интервью (Messner / Powelz 2009). Это не означает, что Конюхов и Месснер абсолютно противоположны друг другу. Конюхов не догматичен и многократны его призывы к взаимопониманию, почитанию других религий и мирному сосуществованию всех. Это одно из его главных положений. Для него конфликт между религиями противоречит духу религий: «Читаю святую книгу Коран, откровение Мухаммеда, и я не могу понять, почему люди на нашей земле воюют между собой на почве религии, на почве вероисповедания, а особенно сейчас: война между христианами, мусульманами и иудеями. Почему? [...] И пророк Мухаммед, и Господь наш Иисус Христос говорили и учили только о любви и мире между людьми [...]. А мы, люди, не читаем и не слушаем Господа Бога. Господь Бог один для всех нас, и Он

любит нас всех, невзирая на национальность и вероисповедание» (Конюхов 2019: 101–102).

Книги Конюхова, популярные в России, имеют такие названия как *Океан — моя обитель* (2010), *Одиночное плавание вокруг Антарктиды* (2010), *Силаверы. 160 дней и ночей на едине с Тихим океаном* (2019) и *Мой путь к истине. Дневники одинокого путешественника 2005–2015* (2019). Данные книги, не вышедшие в мировой тираж (пока нет переводов на немецкий), выражают христианские воззрения автора, но среди его публикаций есть также издание *Дао-дэ цзын*, которое он проиллюстрировал и которое он называет самой важной для него книгой, помимо Библии [https://konyukhov.ru/project/books/dao-de-dzyn] (доступ: 22.11.2020).

Известные книги Райнхольда Месснера: *Der Nackte Berg. Nanga Parbat — Bruder, Tod und Einsamkeit* (*Голая гора. Нанга Парбат — Брат, смерть и одиночество*, 1978), *Alle meine Gipfel* (*Все мои вершины*, 1982), *Die Freiheit aufzubrechen, wohin ich will* (*Свобода отправляться, куда я хочу*, 1989), *Die weiße Einsamkeit — Mein langer Weg zum Nanga Parbat* (*Белое одиночество. Мой долгий путь к Нанга Парбат*, 2003), *Mein Leben am Limit* (*Моя жизнь на пределе*, 2004), *Gobi — Die Wüste in mir* (*Гоби — Пустыня внутри Меня*, 2005). Уже по названиям книг видно, что у обоих авторов главное — это ссылка на собственное Я, на личный (пограничный) опыт, о котором стоит рассказать, потому что он содержит нечто, что может быть важным и для других людей.

Обратимся к двум книгам известных экстремалов: *Мой путь к истине. Дневники одинокого путешественника 2005–2015* Конюхова и *Гоби — Пустыня во мне* Месснера. Райнхольд Месснер сообщает о своем пересечении пустыни Гоби в 2004 году, в книге Конюхова содержатся размышления, которые возникали у него во время различных путешествий, в основном по океану. С одной стороны, характер обеих книг очень разный. Месснер рассказывает о своем пешеходном походе по среднеазиатской пустыне протяженностью 2000 километров, в то время у Конюхова сами экспедиции лишь формируют фон для размышлений. Общим для обоих, однако, является переживание одиночества как переживания себя, рефлексии и самопознания. В начале своей книги Месснер размышляет о себе, о своей жизни в качестве парламентария: «После пяти лет работы в Европарламенте я начинаю чувствовать себя уставшим и вялым. Я тоже слишком тяжелый. Я остановился вместо того, чтобы двигаться дальше. Привычки оседлого человека тоже стали моими привычками, и все, что

осталось от любопытства странника, ищущего горизонты, — это сон» (Messner 2005: 9). На одной из страниц своей книги он задает вопрос, который побудил его сформулировать следующую мысль: «Почти 25 лет я хотел пересечь Гоби. Вопрос в том, смогу ли я это сделать?» (там же: 10). Но почему вызовом должна быть пустыня — это, думается, связано с другими причиной и смыслом: «Сегодня пустыни кажутся мне идеальным пространством для переживаний. Как окна в самое дальнее будущее. С видом пустынь внутри меня. Может быть, это как-то связано со старанием, но на краю моей внутренней пустыни уже растет предчувствие мира, больше не населенного людьми. Добавьте к этому страх внутреннего опустошения. Пустыня как предвкушение распада. Как этап перехода к дому небытия» (там же: 13).

Конюхов формулирует в каждой из двух основных частей своей книги понятие одиночества: «Одиночество — это дар, не каждый может его принять» (Конюхов 2019: 7) и «Одиночество есть особая мудрость» (там же: 127). В отличие от Месснера у Конюхова четко выражена христианская традиция ухода в одиночество и отшельничества (Иисус в пустыне, жизнь аскетов, анахоретское монашество и т.д.), которая сливается с современной индивидуализированной мудростью. Отдельным главам предшествуют цитаты из Библии или святых. Дополнительные цитаты, в основном из Книги Екклесиаста, вставлены в полностраничные иллюстрации, которые содержат также информацию о долготе и широте мест, где находился автор в то время. Отдельные изречения выделяются серыми рамками в текстовом потоке, например, следующая цитата из романа Сен-Экзюпери *Цитадель*: «Настоящая любовь начинается там, где ничего не ждут взамен. Чтобы научить человека любить людей, нужно научить его молиться, потому что молитва безответна» (там же: 108). В тексте автор обычно говорит сам с собой в стиле дневника, иногда обращается к сыну Николаю: «Сын Николай! Прими девиз: Неопаздывающий не опаздывает. Скажи друзьям, как тесно время, как упущенное не возвращается» (там же: 60). Снова и снова в записях дневника мысли Конюхова вращаются вокруг одиночества на океане: «Здесь, в океане, на пути к мысу Горн, я молюсь Господу Иисусу Христу, чтобы Он мне помог разобраться: кто я такой и зачем живу такой жизнью» (там же: 9). «Здесь, в океане, я защищен лишь своим одиночеством, в моем одиночестве требуется лишь сдержанность. Малейшее движение привело бы к катастрофе, двигаюсь по лодке с

величайшей осторожностью. Придаю каждому движению большое значение» (там же: 129).

Почему такие переживания, которые являются очень личным опытом, а также личными делами, публикуются и почему их читают? Одной из причин может быть зрелищный, удивительный акт, с помощью которого читатели хотят сопровождать экстремальных спортсменов. Для этого приключенческого опыта в чтении, однако, описание путешествия будет достаточно. Важнее в таких книгах, как *Гоби — Пустыня внутри Меня* и *Мой путь к истине*, то, что заключенная в них мудрость проявляется как мудрость, которая была приобретена в экстремальных переживаниях. Это делает его не только особенно достоверным, но и особенно значимым, потому что опыт был сделан на пределе человеческих возможностей и, следовательно, кажется существенным, то есть тем, что составляет человеческую жизнь по существу. События в *Маленьком принце* также находятся на этом пределе человеческого опыта. Пустыня, одинокий пилот, отсутствие воды, страх смерти — все это повторяется в книгах и репортажах современных спортсменов-экстремалов, но в новой интерпретации, близкой по духу современному человеку. Эти переживания своеобразны, но не настолько далеки от повседневной жизни, чтобы их нельзя было понять. Напротив, вопрос цели жизни, причины существования, который Конюхов задает себе в одиночестве в гребной лодке у мыса Горн, — это вопрос, который люди знают и без этой конкретной экзистенциальной ситуации. Усталость от профессиональной рутины, стремление к радикальным переменам, т.е. все то, с чем Месснер начинает свое путешествие по пустыне, не являются исключением в современности. Тот факт, что экстремальные спортсмены задают такие вопросы и выбирают уход и одиночество, является косвенным советом своим читателям также искать одиночество, чтобы научиться отличать важное от неважного в жизни. Месснер почти с отвращением говорит о привычках оседлого человека. Конюхов называет одиночество особой мудростью. Люди должны испытать это, быть подвергнуты этому. Мудрость, связанная с экстремальным опытом Я, представляется особенно ценной и верной. Поскольку эта мудрость может быть понята и воспринята каждым, она становится мудростью для каждого отдельного Я. Таким образом, Конюхов как православный священник переносит библейские изречения и цитаты из религиозной традиции в контекст индивидуализированной мудрости, в то время как Месснер использует

формы индивидуализированной мудрости, сформировавшиеся во второй половине XX века и раскрывающие роль человека в мире. На его сайте *https://www.reinhold-messner.de/* не только сообщается информация об экскурсиях, семинарах, проектах, публикациях и работе фонда, но и приводятся в качестве вступлений к различным разделам сайта собственные цитаты Месснера, являющиеся типичными примерами индивидуализированной мудрости:

> Ich hoffe, weiterhin fähig zu bleiben, immer wieder neue Träume zu finden. — Я надеюсь, что смогу снова и снова находить новые мечты.
>
> Die Veränderung der Welt ist nur herbeizuführen, wenn sich jeder Einzelne ändern. — Мир может измениться только в том случае, если каждый из нас изменится.
>
> Ich bin davon überzeugt, dass es jedem auf seine Weise möglich ist, sich auszudrücken, sein Inneres zu öffnen, um sich selbst und seine verborgenen Kräfte erfahren zu können. — Я убежден, что каждый может по-своему выразить себя, открыть свое внутреннее существо, испытать себя и свои скрытые силы.

Резюме: Индивидуализированная мудрость

• В индивидуализированной мудрости речь идет о личной встрече и близости, всегда о Мне и Тебе. Ее цель — не находить общие правила для всех ситуаций в жизни, а помочь людям понять себя и достичь счастья и гармонии в жизни с самим собой и с другими.

• Индивидуализированная мудрость не эгоистична. В ней человек может быть соединен с универсумом. Ответственность за себя проявляется одновременно с ответственность за других, а изменение себя — как предпосылка для изменения мира.

• Понятия индивидуализированной мудрости — это ответственность, счастье, осознанность. Ответственность как осознанность заботливости предполагает способность отдельного субъекта принимать решения. Основополагающая книга индивидуализированной мудрости — *Маленький принц* Антуана де Сент-Экзюпери. Мудрость, которую она содержит, — это освобождение от мифополитических конструкций, таких как фашизм и сталинизм.

• Индивидуализованная мудрость встречается в жанре руководства к жизни. Авторы таких настольных книг иногда являются представителями религий или делят эзотерические убеждения, но жанр также является частью популярной психологии.

• Особенный жанр популярной индивидуализированной мудрости представляют собой книги таких экстремальных спортсменов, как Федор Конюхов и Райнхольд Месснер. Экстремальный спорт является особенно сильным выражением индивидуальности. Их познания и испытания представлены как мудрость, приобретенная особым Я в экстремальных экзистенциональных переживаниях.

• По форме индивидуализированная мудрость подчеркивает Я. Это может быть сделано явно с использованием личных местоимений Я и Вы или с помощью выражений типа «каждый отдельный человек». Особенно важной формой является непосредственное личное обращение.

4 Мудрость и общество

Мудрость — это ответ на сложность межличностных и социальных отношений, экономических взаимозависимостей, общества, культуры, истории и не в последнюю очередь человеческой психики. Но реакции могут быть разными. Мудрость может реагировать на сложность жизни простыми правилами. Эта мудрость как знание прообразно представлена в книге *Притчи* Ветхого Завета. Мудрость может с некоторым недоумением реагировать на сложность и, прежде всего, показывать пределы познания, как в Ветхом Завете, в книге *Екклесиаст*. Мудрость, наконец, может быть отрицанием знания, как в книге *Дао-дэ цзин*, в апофатическом богословии и в некоторых аспектах философии Людвига Витгенштейна.

Если мудрость сводится к правилам, то она легко превращается в догматизм. Если мудрость сводится к признанию границ знания или даже к незнанию, то это может привести к бегству из мира. Таким образом, мудрость рискует стать неразумной и неадекватно отреагировать на опыт комплексности. Эта опасность вытекает также из того, что мудрость формулирует правила или отрицание правил, которые действительны для всех людей и в течение длительного времени, и в то же время они должны быть полезны на данный момент, для ситуации, для человека, который действует сейчас. Мудрость заключается не в том, чтобы знать что-то, что можно назвать мудрым, а в том, чтобы действовать и быть мудрым. Именно поэтому мудрость, которая содержит в себе знания или не-знания о людях и их отношениях, всегда направлена на человека в особой жизненной ситуации. Во второй половине XX века такое обращение к личности стало центром мудрости, поэтому можно говорить об индивидуализации мудрости. Подобная индивидуализация может превратиться в эгоизм, и это развитие опять же неразумно. Философ и телеведущий Герт Скобель предупреждает в своей книге *Мудрость. О том, чего нам не хватает* о технологизации предполагаемой индивидуализации, когда, например, в рекламе «индивидуум определяется массовым вкусом, который, в свою очередь, сводится к материальным процессам» (Scobel 2008: 44 — пер. с нем.: Х. К.). Своеобразный маркетинг кажущейся личности широко распространен на книжном рынке, где книги с жизненными советами, обещающими рецепты сиюминутного становления успешной в профессиональном и социальном плане личности, содержат мысль о противопоставле-

нии себя другим. Эта эго-технология, конечно, не имеет ничего общего с мудростью, даже если она в некоторых формах сходна с мудростью, особенно в форме высказывания или рассказа. Однако индивидуализированная мудрость не означает эгоизма и уж точно не эгомании, а всегда направлена на других в ближайшем окружении и на общество в целом. Поэтому люди, которые выступают как мудрецы, оказывают влияние и на общество: как Далай-лама со своим посланием мира или как экстремальные спортсмены — Райнхольд Месснер или Федор Конюхов со своими экологическими и социальными обязательствами. Действительно, мудрость — это еще и социальный проект. Однако это может быть только в том случае, когда мудрость является динамичным способом учения, способом мышления и решения проблем, соединяющим Я и Мы, «синхронизируя и объединяя все субъективно переживаемые состояния времени и реальности, несмотря на их кажущуюся непреодолимую удаленность друг от друга» (Scobel 2008: 45 — пер. с. нем.: Х. К.).

Мудрость как общественный проект

Определение мудрости, данное Гертом Скобелем, предполагает понимание мудрости как социального проекта, раскрывает ее достижения в обществе, даже если мудрые действия в обществе не всегда описываются как мудрые, а, например, как компетентные, сложные или просто значимые: «Мудрость — это способность, которая нам нужна, чтобы справиться с комплексностью» (Scobel 2008: 84 — пер. с. нем.: Х. К.). Эта способность не просто есть. Действие может быть оправдано формами кажущейся мудрости, упрямо следуя определенным нормам, которые окутаны мудрым ореолом пословиц и правил. Действовать или не действовать можно также путем отступления в незнание, социального спокойствия, выражающегося в уединении или даже в религиозной завуалированной сущности.

Мудрость не товар, ее нельзя потреблять, она должна приобретаться. Это начинается с воспитания, с детства. Один из самых известных европейских педагогов, швейцарский педиатр и педагог Ремо Ларго, умерший в 2020 году, известен рядом мудрых изречений, с помощью которых он выразил идеал воспитания по отношению к индивидуальной мудрости, например: «Трава не растёт быстрее, когда её тянешь» — выражение, которое обычно цитируется как афри-

канская пословица, но может быть и китайского происхождения. Эта простая мудрость противоречит любой технологической педагогике, которая направлена на то, чтобы вывести всех детей на «одинаковый уровень» в одно и то же время и учит внимательному отношению к развитию каждого человека. «Не только жить своей собственной индивидуальностью — это вызов, но и иметь дело с многообразием и непохожестью других людей», — пишет Ларго в книге *Das passende Leben. Was unsere Individualität ausmacht und wie wir sie leben können* (*Подходящая жизнь. Что составляет нашу индивидуальность и как мы можем ее жить*) (Largo 2017: 21 — пер. с. нем.: Х. К.). Это то, что важно и на что должнабыть направлена современная педагогика: подумать о Я и Ты и Мы, о нашей с тобой идентичности и инаковости вместе.

Человеческое общество никогда не бывает идеальным. Это азбучная истина. Но у любого общественного строя есть потенциал для совершенствования, для приближения к справедливости, к добру. Это также может быть выражено в форме софилогических размышлений. Сергей Булгаков пишет в *Свете невечернем*: «[М]ир есть София в своей основе и не есть София в своем состоянии. Очевидно, что он не может быть ни отделен от Софии, ни противопоставлен ей, и уж тем более не может рассматриваться как ее удвоение. София есть энтелехия мира (в аристотелевском смысле), та его потенция, которая становится энергией» (Булгаков 1994: 195).

Мудрость как вид коммуникации

Как общество может стать мудрым? Каковы предпосылки для уважительного взаимодействия всех со всеми? Как мы мудро реагируем на вызов, связанный с все более усложняющимся миром? Как мы справляемся с инаковостью, открытостью и идентичностью? Первый вопрос звучит как вопрос об утопическом обществе. Остальные вопросы, однако, более конкретны, и на них можно ответить. Граница между мудрыми и немудрыми отношениями друг с другом — это граница между различными формами общения. Успешные и справедливые формы коммуникации являются необходимым условием для того, чтобы общество жило мудро. В разделе *Мудрость и философия* уже шла речь об этом, когда обсуждались вопросы пансофии Яна Амоса Коменского и этики дискурса Юргена

Хабермаса. Отсюда некоторые правила общения, которые можно считать мудрыми, не так уж и трудно определить: коммуникация по своей природе не является эгоистичной, другим словами, она ориентирована на проблемы, а не на власть или интересы. Отсюда и весьма характерная черта этих проблем: они решаются в пользу каждого. Как результат, в общении всегда задаются вопросы о мотивах действий и выдвигаемых аргументах.

Справедливое и равноправное обсуждение вопросов и проблем, затрагивающих разных людей и групп вплоть до государств, в которых по принципу каждый должен иметь право принимать участие, является путем мудрости в межличной жизни, в обществе и между обществами. Для таких обсуждений понадобятся четкие и простые правила, которые развивались в том числе в философском дискурсе от античной риторики до теорий коммуникации в XX веке. В *Письмах о добром* филолога Дмитрия Лихачева тоже рекомендуются некоторые правила ведения спора. Если бы они везде и всегда соблюдались, мир на земле был бы не только мечтой. К таким правилам в основном относятся: внимательно выслушивать противника, возражать, но не обвинять, не отклоняться в сторону от темы спора (см. Лихачев 2006: 50). Само собой разумеется, что к правилам мудрой коммуникации принадлежат и некоторые строгие запреты: нельзя врать, обманывать, унижать и пользовать собственную власть, чтобы другого заставить подчиняться своему мнению.

5 Совет как выражение житейской мудрости в сетевой коммуникации

Сетевой дискурс — общение пользователей интернета в электронных социальных сетях с теми, кто разделяет их интересы, — соответствует личностно-обусловленной коммуникации, т.е. эмоциональному и информационному взаимодействию людей, хорошо знакомых (или якобы знакомых) друг с другом. Такое общение строится на основе определенных правил поведения в сети, включающих общие нормы коммуникативного взаимодействия, свойственные естественному диалогу и отраженные в известных коммуникативных принципах кооперативности (Грайс, 1985), вежливости (Leech, 1983), рациональности (Lakoff, 1983), правилах вежливости (Brown, Levinson, 1987; Ларина, 2009) и др. Предполагается, что сетевое общение должно быть относительно интересным, лёгким и приятным (сравним с некоторыми жанрами институционального дискурса — экзамен, допрос, исповедь и др., участие в которых является — как минимум для одного из партнеров — вынужденным, затруднительным и малоприятным). Наряду с общими нормами взаимодействия в интернете действуют нормы сетевого этикета (нетикета — от англ. net — «сеть»). Такие нормы соответствуют правилам общения среднего класса Западной цивилизации, техническим возможностям оптимальной организации бесконфликтной коммуникации, требованиям коммуникативной креативности, экспрессивности способов самовыражения и самопродвижения, а также предполагают наличие модераторов в определенных жанрах (Галичкина, 2012, с.79–80).

В данной главе рассматривается содержание и выражение ценностей, норм и обыкновений, представленное в сетевом дискурсе. Материалом послужили тексты, размещенные в электронных социальных сетях рунета в 2018 г. Анализ этих текстов показывает, что прескриптивы образуют отдельный сложный жанр сетевого дискурса (это не противоречит тезису о том, что можно выделить общие и специфические прескриптивы в любом типе дискурса).

Прескриптивы в сетовой коммуникации

Предписания (прескриптивы) поведения соотносятся с ценностями, определяющими сознательный либо подсознательный выбор приоритетов, с одной стороны, и конкретными способами коммуникативного воплощения в виде привычек, обыкновений и традиций, с другой стороны. Эти нормы распадаются на запреты и предписания, последние в свою очередь могут быть безусловными либо относительно мягкими (Серебренникова, 2011; Дементьев, 2013; Красных, 2016; Радбиль, 2017).

В коммуникативном плане можно противопоставить прескриптивы, определяющие поведение участников конкретного типа дискурса, т.е. кодекс поведения в сети, и ценности и нормы как предмет обсуждения. Это противопоставление в определенной мере соответствует дифференциации перформативных и описательных высказываний, по Дж. Остину.

По речеактовой форме различные прескриптивы сводятся к строгим предписаниям и запретам, с одной стороны, и полезным советам, с другой.

По тематике прескриптивы весьма разнообразны и затрагивают практически неограниченное число ситуаций, требующих осмысления и принятия решения — от норм гигиены до смысложизненных ориентиров.

По отсылке к авторитету прескриптивы располагаются на условной шкале — от полюса с именами великих мудрецов, до полюса множества безымянных советчиков, опирающихся на собственный опыт и преподносящих читателям выстраданные или самоочевидные правила жизни.

Интересно отметить, что сетевое общение привело к парадоксальному возрождению назидания как жанра общения. На определенном (весьма долгом) этапе развития человечества назидательный опыт был очень востребован, передавался в религиозных запретах и предписаниях, притчах, пословицах и баснях, затем наступил период насмешливой переоценки этих высказываний, такая переоценка была вызвана идеями равенства, демократизации общества и карнавальной игры. Поучения стали передаваться в форме шуток и анекдотов. Но в наши дни наряду с шутками и анекдотами получило развитие стремление многих участников сетевого общения передать другим крупицы не только философской, но и житейской мудрости.

Отчасти это обусловлено возросшей значимостью популярно-психологического знания, циркуляция которого объясняется стремлением не оказаться жертвой обмана, манипуляции и запутывания. Исходя из того, что спрос и предложение тесно взаимосвязаны, можно сделать вывод о том, что многим нашим современникам хочется найти простые истины, которые помогут им обрести душевное равновесие. Сетевое общение делает более мягкими назидания — мы общаемся с виртуальными собеседниками, менторские интонации не слышны. С некоторым оговорками можно предположить, что потребность в прямо выраженном назидании является одним из индикаторов состояния общества.

Изучение прескриптивов в сетевом дискурсе позволяет увидеть специфику современной ценностной картины мира в рамках определенной лингвокультуры, охарактеризовать типы языковых личностей, участвующих в общении, и описать особенности сетевого дискурса как нового коммуникативного формата.

Обратимся к прескриптивам, в которых выражены существенные ценности поведения.

Человеку следует относиться к себе самокритично:

В признании собственного заблуждения нет поражения. Само признание — это уже победа (Махатма Ганди).

Честность перед собой — важнейшее условие гармонии в социуме. Обратим внимание и на парадоксальную сентенцию, в которой говорится о положительном отношении к самому себе:

Никогда не жалей о том, что сделал, если в этот момент ты был действительно счастлив.

В известном афоризме, который называют золотым правилом этики — *Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе* (*Возлюби ближнего своего, как самого себя*) — эксплицитно выражена мера: не хуже, но и не лучше, чем к себе. Обычно эту норму приводят для критики тех, кто не думает о других в погоне за собственным благом.

Некоторые суждения соответствуют нормам оптимизма, прямо выраженным в афористике и паремиологическом фонде разных народов. Например:

Когда Бог закрывает одну дверь, он открывает другую; но мы часто не замечаем её, уставившись взглядом в закрытую дверь (Элен Келлер).

Эти установки, однако, уравновешиваются нормами трезвой самооценки:

Не открывай дверь, которую ты не в силах закрыть (араб.).

Запоминаются афоризмы, в которых с паремиологической образностью выражены некоторые нормы поведения:

Не закрывай рот тем, кто открывает тебе глаза.

Речь идет о критике, к которой следует прислушиваться, поскольку она направлена во благо объекту.

Интересны назидательные сентенции, в которых выделяются типы личностей:

Ошибается — каждый. Признает ошибку — достойный. Попросит прощения — мужественный. Возобновляет отношения — сильный.

В первой части этого суждения содержится отсылка к латинскому изречению *Errare humanum est — Человеку свойственно ошибаться* (у этой сентенции есть продолжение о глупцах, которым свойственно упорствовать в ошибках). Констатация положения дел в первой части приведенной нормы поведения уточняется в последующих трех вариантах развития этой ситуации: следует признавать свои ошибки (честность), следует просить прощения (мужество), следует восстанавливать отношения (уверенность в себе и сила).

Жизненные наблюдения

В назиданиях, циркулирующих в интернете, содержится множество важных жизненных наблюдений:

Оскорбивший никогда не простит. Простить может лишь оскорбленный (Генрих Гейне).

Причинивший другому вред склонен оправдывать себя и ждать ответного поступка со стороны того, кто обижен.

В сетевом дискурсе размещено множество афоризмов и пословиц, особенно обращает на себя внимание огромный массив афоризмов. Специфика прескрипций в этих суждениях состоит в том, что их главный назидательный смысл сводится к характеристике человеческой природы, а не к нормам поведения, которые можно сформулировать в виде призывов к действиям.

Таковы, например, афоризмы о любопытстве:

Чем тоньше лед, тем больше всем хочется убедиться, выдержит ли он (Генри Уилер Шоу).

Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается (Джордж Бернард Шоу).

В пословицах на эту тему прямо сказано о том, что любопытство бывает наказано: *Любопытной Варваре нос оторвали (рус.)*, *Любопытство погубило кошку (англ.)*, т.е. содержится предписание не проявлять чрезмерного интереса к тому, что не касается субъекта, в афористике же констатируется, что людям свойственно это качество.

Существенной характеристикой афоризмов является парадоксальное предъявление положения дел:

Знакомый — тот, кого знаешь достаточно хорошо, чтобы попросить в долг, и недостаточно, чтобы дать (Юлиан Тувим).

В этом суждении иронически осмысливается не только скупость, но и стремление найти оправдание в собственных глазах своим недостойным качествам.

Пользователи социальных сетей считают нужным поделиться друг с другом теми фундаментальными ценностями, которые определяют смысл жизни. Часто эти высказывания эксплицитно выражают жизненные установки, в которых сконцентрирована мудрость гармоничного восприятия реальности. Таковы послания латиноамериканского писателя Габриэля Гарсии Маркеса.

Человек не рождается раз и навсегда в тот день, когда мать производит его на свет, жизнь заставляет его снова и снова — много раз — родиться заново самому.

Надо прислушаться к голосу ребенка, которым ты был когда-то и который существует еще где-то внутри тебя. Если мы прислушаемся к ребенку внутри нас, глаза наши вновь обретут блеск. Если мы не утеряем связи с этим ребенком, не порвется и наша связь с жизнью.

Нет лекарства, которое способно вылечить то, что может вылечить счастье.

Если вы встретите свою настоящую любовь, то она от вас никуда не денется — ни через неделю, ни через месяц, ни через год.

Вдохновение приходит только во время работы.

Минута примирения стоит больше закадычной дружбы.

Человек имеет право взглянуть на другого сверху вниз только, чтобы помочь ему встать.

Весь мир хочет жить в горах, не понимая, что настоящее счастье в том, как мы поднимаемся в гору.

Возможно, в этом мире ты всего лишь человек, но для кого-то ты — весь мир.

В этих изречениях, как и в сюжетах, которые развиваются в его книгах, Маркес утверждает, что жизнь нужно воспринимать как по-

дарок. Идеи о том, что человек рожден для счастья, что жизнь требует активных усилий для достижения поставленных целей, что следует с уважением относиться к другим людям, повторяются у разных авторов. Но следует признать, что сам факт настойчивого повторения этих истин свидетельствует об их актуальности и востребованности в наши дни. Такие ценности в полной мере соответствуют гуманистической философии.

Старая мудрость обновляется

Интересны жизненные советы из другой эпохи и другой цивилизации.

Мусаси Миямото, также известный как Бэнносукэ Миямото, был одним из величайших японских фехтовальщиков XVII века. Он прекрасно владел мечом и был опытным воином, которому не было равных. Ему принадлежит рекордное количество побед в поединках — около 60. Незадолго до смерти самурай написал книгу «Путь идущего в одиночку», в которой описал свою жизненную философию.

Научитесь принимать жизнь такой, какой она есть. Если вы будете слишком сильно беспокоиться о далеком будущем, это только посеет беспокойство и тревогу в вашей душе. Вы будете пребывать в постоянном стрессе. Для того чтобы сохранять душевное равновесие, следует научиться принимать жизнь, какой она есть. Каждый день — каким он есть.

Не гонитесь за удовольствиями с одержимостью голодного волка. Приятные вещи хороши, когда появляются в нашей жизни ненавязчиво и естественно. Если же вы все время находитесь в поиске, то утрачиваете способность радоваться счастливым моментам жизни. В наши времена большинство удовольствий — мелкие, кратковременные и все более недосягаемые. Уже одно это должно вас убедить в том, что гнаться за ними — не имеет никакого смысла.

Самое хорошее и приятное приходит в нашу жизнь неожиданно и нежданно. И это могут быть даже совсем незначительные, на первый взгляд, вещи: пение птиц в саду или луч солнца, который пробивается в комнату через приоткрытые шторы.

Обратим внимание на то, что в приведенном фрагменте из книги самурая выражены жизненные установки человека, который способен трезво и объективно оценивать реальность, ограничивать свои

желания и в то же время получать удовольствие от своего единства с природой. Эти суждения выражены не в афористической форме, а как прямые назидания. Запоминается яркий образ — одержимость голодного волка, т.е. то, чего следует избегать.

Жизненные советы и полезные рекомендация

Специфика сетевого дискурса применительно к прескриптивам состоит в том, что те или иные жизненные советы часто приводятся в странных комбинациях с повседневными полезными рекомендациями.

Такова речь известного американского писателя Курта Воннегута перед студентами и преподавателями Массачусетского технологического института. Приведу некоторые пассажи из этого текста.

Уважаемые выпускники, мажьтесь солнцезащитными кремами!

Если бы я мог дать вам только один совет на будущее, он был бы как раз про солнцезащитные кремы. Выгода их использования была доказана учеными, в то время как остальные мои рекомендации не имеют более надежной основы, чем собственный путаный опыт, эти советы я вам сейчас изложу.

Наслаждайтесь силой и красотой своей юности, пока жизнь вам не нравится, она проходит. Поверьте мне, через 20 лет вы посмотрите на свои фотографии и вспомните с чувством, которое вы сейчас не можете понять. Сколько возможностей было открыто перед вами, и как же сказочно вы на самом деле выглядели.

Вы не так много весите, как вам кажется.

Не беспокойтесь о будущем. Или хорошо, беспокойтесь, но знайте, что эти беспокойства так же эффективны, как попытка решить алгебраическое уравнение с помощью пережевывания жевательной резинки. Реальными неприятностями в вашей жизни случаются события, которые никогда не трогали ваш беспокойный ум, такие, например, что застают вас врасплох в четыре часа ночи, в какой-нибудь обычный вторник.

Ежедневно делайте что-нибудь из того, что вас пугает.

Пойте.

Относитесь бережно к сердцам других людей.

Не миритесь с теми, кто равнодушен к вашему сердцу.

Не забывайте чистить зубы.

Не тратьте время на зависть, иногда вы впереди, иногда позади, гонка длинна, и, в конце концов, вы ее ведете только с самим собой.

Помните комплименты, которые вы получаете, но забывайте оскорбления, и если вы преуспеете в этом, то расскажите мне как.

...

Примите несколько неизбежных истин: цены будут расти, политики будут изменять своим женам. Вы тоже будете стареть, и, когда состаритесь, вы будете фантазировать, что когда вы были молоды, цены были разумными, политики были благородными и дети уважали своих стариков.

Кстати, уважайте своих стариков, вы никогда не знаете, когда они уйдут навсегда.

Не рассчитывайте, что кто-нибудь будет обеспечивать вас. Может быть, у вас есть свой инвестиционный фонд, может быть, у вас есть богатый супруг или супруга, но вы никогда не знаете, когда каждый из них может покинуть вас.

Не экспериментируйте слишком много с вашими волосами, или к тому времени, когда вам стукнет сорок, они будут выглядеть на восемьдесят пять.

Все мы когда-нибудь уйдем, но важно продержаться до конца, во что-то веря. В этом самая большая трудность, потому что, кажется, что нет ни черта такого, во что действительно стоило бы верить.

Вот такие вот советы, уважаемые выпускники. Но будьте осторожны и терпеливы с теми, кто вам их дает, совет — это форма ностальгии, это способ выуживания прошлого из мусорной кучи, закрашивание свежими красками нелицеприятных моментов и переработки его в нечто более дорогое, чем оно было. Но то, что солнцезащитные кремы действительно спасают вашу кожу от ожогов, доказано учеными, так что смело мажьтесь.

Бросается в глаза удивительное сочетание философских наблюдений о жизни, местами сближающихся с известными суждениями из Екклесиаста, с практическими бытовыми советами, резко принижающими стилистику этой речи: с одной стороны, призывы наслаждаться силой и красотой своей юности, трезво относиться к жизненным невзгодам, избегать зависти, с другой стороны, советы пользоваться солнцезащитными кремами, чистить зубы и петь. Писатель иронически показал в своих тезисах, что к любым советам нужно относиться с некоторой долей скепсиса. Можно заметить, что жизнен-

ные советы в устах писателя — это форма автобиографии. Об этом, впрочем, неоднократно было сказано.

Популярная психология

Жизненные советы в сетевом дискурсе могут быть сформулированы в виде афоризмов, но часто они излагаются как некие прямо выраженные наставления, построенные по схеме газетных новостей: вначале даётся некоторая установка, за ней следует разъяснение.

В школе жизни не обойтись без ошибок. Они — родители личного опыта, без которого трудно добиться чего-либо. Однако дабы не платить за свои промахи слишком дорого, можно обратиться к опыту мудрых людей, взяв на вооружение их жизненные советы и рекомендации.

Ищи хомут по шее. Выбирая профессию, не следуй чужим меркам и ненужным рекомендациям. Иначе впряжешься не в свое дело и всю жизнь будешь от этого страдать. Любая работа трудна и сложна, любая требует самоотдачи. Но любимое дело того стоит. Оно дает внутреннюю свободу, необходимую для самореализации. Оно позволяет мыслить позитивно в мире негатива... Оно не оставит у разбитого корыта.

Стань мастером. Жизнь возносит на пьедестал профессионалов. Дилетантов она награждает оплеухами и насмешками. Тут не лишними будут жизненные советы тех, кто, не отвлекаясь на мелочи, сумел сосредоточиться на тайнах своего ремесла.

Инвестируй в себя. Вкладывай максимум средств и энергии в свое развитие и образование. Не уставай тренировать память, воображение. Не жалей на это времени. Тогда, даже если ты не займешь место менеджера солидной фирмы, то наверняка станешь менеджером своей жизни. А значит, сможешь повернуть ее траекторию в сторону удач и приобретений.

Не бойся экспериментировать. Страх перед новым опытом — главный тормоз в развитии человека. Поэтому чаще прислушивайся к рекомендациям экспериментаторов, жизненные советы которых помогут тебе преодолевать свои слабости. Одерживая над ними одну победу за другой, ты будешь двигаться навстречу своей вершине. Иначе — застой и деградация.

Говори — и тебя поймут. Этот совет по жизни сводится к тому, что большинство людей не являются телепатами. Поэтому твои мысли и чувства для них — загадка, пока ты их не озвучишь. Не будь для окру-

жающих закрытой книгой. Говори им четко и внятно, чего ты хочешь. Это единственный шанс быть правильно понятым [http://rostduha.ru].

Перед нами практическое руководство по прикладной психологии, составленное для молодых людей со средними интеллектуальными способностями по аналогии с популярными пособиями о том, как добиваться успеха в жизни. Используются простые сравнения из крестьянской жизни (*ищи хомут по шее*). Автор повторяет прописные истины, которые должны были быть усвоены адресатом в юном возрасте в семье и школе, но, коль скоро подобные тексты циркулируют в интернете, можно сделать вывод о том, что назидание от родителей и учителей зачастую проходит мимо. Отсюда следует, что мосты понимания строятся каждый раз по уникальному проекту: «Для общества в целом педагогический эффект, как и медицинский, проходит по «меридианам» индивидуальностей» (Ананьев, 2001, с. 80).

Сталкиваясь с грузом социальных проблем, требующих осмысления, блогер считает нужным популярно объяснить своим читателям, как следует себя вести в жизни:

Это проверенные на моей личной жизненной практике советы о том, что следовало бы делать большинству людей в логике своего повседневного поведения. Не следует воспринимать советы как догмы, так как у них у всех есть лишь моё субъективное обоснование (научное обоснование мне здесь не требуется), а потому что-то из предложенного вам лично может не подойти. Я редко буду объяснять смысл советов и уж тем более причину, по которой я к ним пришёл, так как все это вы сможете сделать для себя сами, если потребуется.

Разработайте и соблюдайте режим дня. Нужно по возможности вставать и ложиться в одно и то же время, которое подходит под максимальное число дней в году. Постепенно будете вставать без будильника, то есть за 3–4 минуты до него. Спать нужно в темноте. Чем темнее, тем лучше. Повязки на глаза не считаются, должна быть именно темнота. Это связано с выработкой мелатонина.

Не слушайте музыку, находясь на улице, в машине или ещё где-то в ожидании чего-то. Этому много причин, попробуйте подумать над ними сами. Лишь подскажу: сознание и подсознание должны обрабатывать ситуацию, в которой вы находитесь, запоминать, связывать увиденное, кроме того, существует множество мыслей, требующих своего скорейшего разрешения, а также полезных интеллектуальных упражнений, которые можно делать на ходу. Люди, любящие слушать музыку на ходу, на

парах, в общем, лишь бы был фон в ушах, как правило, отличаются плохой памятью, не умеют сосредотачиваться и всё больше со временем становятся похожи на обывателей из «451°F». Подумайте, почему так получается... Разумеется, музыка в ушах — это не единственная причина подобных недостатков, но очень значимая.

Постоянно тренируйте память. Через несколько лет вы будете благодарить себя за это, если начнёте делать соответствующие упражнения. Память нужно тренировать всю: зрительную, тактильную, музыкальную, вербальную и т.д. Упражнений на этот счёт море. Многие из них очень удобно делать, просто идя по улице или находясь в ожидании чего-либо.

Постоянно тренируйте навыки выражения своей мысли словами. Для этого стремитесь до определённой поры как можно чаще выступать с докладами (например, на парах в университете), объяснять другим людям ответы на разные философские вопросы, дискутировать с ними, пишите сочинения, в которых нужно как можно более выразительно изложить свои мысли по заданной теме. Есть много разных способов добиться складности и последовательности в изложении мыслей [https://www.kramola.info/blogs].

Обратим внимание на аргументацию, которая представляет собой явным примером индивидуализированной мудрости в современном мире. Во-первых, подчеркивается, что это — личный опыт автора. Во-вторых, приводятся популярные сведения по биологии (мелатонин), по психологии (называются разные виды памяти), по литературе (ссылка на известный роман Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»). В-третьих, автор пользуется литературно-разговорным стилем, не навязывая свою позицию читателю, но общаясь с ним на равных. Некоторые выражения в тексте показывают, что автор является студентом либо недавно был им (*на парах в университете*).

Постепенно автор переходит к сложным этическим проблемам:

Как я обещал в прошлой части, вот самый сложный совет из моего списка советов на сегодня. Он же последний в этой серии статей.

Никогда специально не ждите поощрения за какие-то хорошие поступки. Несмотря на кажущуюся простоту формулировки, это очень сложный совет, поэтому требует основательного пояснения. Во-первых, ожидание утомляет и в скором времени начинает напрягать нервы. Мало того, что вы утомитесь от ожидания, так ещё и не удовлетворите его. В конечном итоге выйдет так, что когда вы получите что-то хоро-

шее, посчитав это за поощрение, оно вас разочарует. Вас просто «отпустит», как наркомана отпускает после очередной дозы, но полной радости уже не доставит. Возникнет, в лучшем случае, ощущение обмана, а в худшем — разочарования в жизни.

Во-вторых, накручивая желание получить вознаграждение, вы начнёте невольно преувеличивать свой хороший поступок, от которого ожидаете для себя положительного эффекта. Когда вы получите это вознаграждение, оно покажется маленьким. В совокупности с первым пунктом рассуждений, эффект может даже стать обратным. Может отпасть желание что-либо делать вообще.

В-третьих, может статься так, что вместо поощрения вы получите нечто противоположное и, вдобавок к тому напряжению, которое происходит от ожидания, в совокупности получится чрезвычайно отрицательный эффект. Почему вы получили наказание вместо поощрения? Да очень просто: что-то где-то было сделано неправильно, возможно, ещё раньше и вообще в другой области, а вы потом совершили что-то хорошее, ждёте хорошей ответной реакции окружающего мира, а вам приходит наказание за какой-то другой поступок. Поэтому и нужно уметь разбираться в том, почему что-либо с вами происходит. Нужно учиться предвидеть последствия своих действий. Как это делать — разбирайтесь сами. У каждого свой путь овладения этим умением.

В-четвёртых, некоторые люди размышляют слишком примитивно о добре и взаимопомощи в этом мире. Так, они считают, что если один человек сделал другому добро, то тот непременно обязан ему возвратить сделанное другим поступком. Это недоразумение следует изжить в себе раз и навсегда. Если вы сделали что-то хорошее другому человеку, значит, в мире сложилась ситуация, при которой у вас было что-то, что ему нужно. Смотрите на ситуацию иначе: вам нужно было что-то отдать, появился человек, который помог вам в этом. Вам нужно было себя реализовать, появилась возможность сделать это. Тот человек вам при этом ничего не должен. Награда за вашу доброту — возможность её осуществить на практике, награда за труд — проделанная вами работа. Только так. Если есть способности и возможности, нужно давать им свободу.

Установка блогера на то, что доброе дело содержит награду в самом себе, высказана и обоснована в суждениях мудрецов древности и современных писателей, философов и психологов: *Посылай свой хлеб по водам, ибо спустя много дней ты его найдёшь* (Екклесиаст); *Когда что-нибудь делаешь слишком хорошо, то, если не следить за собой, начинаешь выставляться напоказ. А тогда уже не может быть хорошо*

(Дж. Д. Сэлинджер). Трудно установить какую-то одну доминанту в системе продвигаемых ценностей в цитируемом тексте. На мой взгляд, это стремление установить гармонию в своей душе, совмещая телесное, социальное и духовное направления развития своей личности.

Системы ценностей

Практичность и установка на решение конкретных задач отражает систему ценностей, определяющих прескриптивы в американской лингвокультуре. Таковы советы Фрэнка Крэйна, американского писателя и проповедника:

Не ждите, пока найдётся идеальная работа. Конечно, важно найти идеальное занятие, но ещё важнее не сидеть без дела. Если вы молодой художник и у вас пока нет возможности писать портреты и пейзажи, рисуйте рекламные плакаты. Если вы молодой музыкант, играйте хотя бы в уличном ансамбле. Если вы молодой писатель, пишите что угодно, пока не сможете создать великий роман.

Адаптируйтесь. Счастливы обычно те, кто умеет адаптироваться ко всему происходящему. Жизнь — это не арифметическая задача, которую можно решить, выучив правила. Скорее, она похожа на непредсказуемую головоломку. И в этой игре мы должны сыграть с теми картами, которые у нас есть.

Заботьтесь о своём здоровье. Комфорт и работоспособность напрямую зависят от состояния здоровья. Не забывайте о нём заботиться так же, как вы заботились бы о своём автомобиле, чтобы он работал без перебоев.

В основе цитируемых прескриптивов находится, как можно заметить, успех — культурная доминанта, лежащая в основе общества с высокой степенью состязательности. Человек, стремящийся к успеху, должен ставить перед собой реальные посильные задачи, уметь оптимально использовать сложившиеся обстоятельства и рационально относиться к себе и людям. Достижение успеха должно доставлять удовольствие человеку:

Учитесь быть приятным. Получение удовольствия от жизни зачастую связано с приятным окружением. Развивайте в себе привычки и манеры, которые нравятся окружающим, тогда они ответят вам тем же. Для этого:

Старайтесь хорошо одеваться и выглядеть опрятно.

Будьте пунктуальным.

Научитесь поддерживать разговор.

Не ввязывайтесь в споры. Разница между спором и обсуждением в том, что во время обсуждения вы пытаетесь найти правду, а во время спора хотите доказать, что правда на вашей стороне.

Никогда не сдавайтесь. Большинство людей пасует перед трудностями. Их легко сломить. Будьте тем, кто не опускает руки при неудачах и поражениях, а с улыбкой снова берётся за дело. Тем, чья жизнерадостность и бодрость духа не зависят от успеха. Тем, в чьём лексиконе нет слова «провалился».

Слушайте свою совесть. Что бы ни случилось в жизни, какой бы ни была ваша религия, какую бы награду ни сулили за преступление, какие опасности и потери ни сопровождали бы правильный поступок, всегда поступайте по совести. Если вы поступили несправедливо, единственный способ исправить это — перестать так делать и начать поступать правильно.

Обратим внимание на внимание к инструментарию успеха: человек должен хорошо выглядеть, уметь ладить с окружающими, сохранять выдержку и поступать по совести.

Заслуживает внимания этнокультурная специфика ценностей, стоящих за продвигаемыми нормами поведения. В прескриптивах известного китайского и американского культового актёра и мастера восточных боевых искусств Брюса Ли сказано следующее:

Приспосабливаться — мудро. Мудрость не в том, чтобы силой вырвать добро из лап зла, а в том, чтобы смочь оседлать эти силы и двигаться вперед, как пробка на гребнях несущей ее волны.

Согнуться и выжить. Эта китайская мудрость касается проблемы, общей для всего человечества. Говорят, что дуб могуч. Но он противостоит силам природы, и сильный ветер может сломить его. А вот стебель бамбука изгибается на ветру и выживает.

Непрерывное изучение себя. Мне кажется, что вся моя жизнь посвящена изучению себя: я будто снимаю с себя слой за слоем день за днем. И чем больше я изучаю себя как человека, тем проще мне это делать. Появляется все больше вопросов. Я вижу все яснее. Моя цель — не развить то, что уже развито, а найти то, что пропущено. При этом пропущенное всегда со мной, внутри меня, никогда не терялось и не искажалось, разве что от неумелого использования.

Живите здесь и сейчас. Прислушайтесь. Слышите ветер? А птичьи трели? Их нужно по-настоящему услышать. [https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2018/01/05].

Содержание приведенных предписаний сводится к выработке умения жить в единстве с природой, погружаться в себя, ценить данный миг бытия. Эти установки соответствуют ценностям традиционной китайской культуры.

Наряду с важными предписаниями относительно жизненных приоритетов в сетевом дискурсе встречаются прескриптивы, размещенные с явной или скрытой целью позабавить читателей или посмеяться над ними:

Всегда требуй за любую работу больше денег, чем она того стоит.

Ни один мужчина не обязан пожимать руку другому в туалете или при выходе из него.

Мужчины не ходят вместе покупать себе одежду.

Никогда не шути с представителями власти, когда тебе задают формальные вопросы типа «Вы везете бомбу?».

Запрещается спрашивать у друга «И когда ты женишься?» в присутствии его девушки.

Разнимай дерущихся собак, взяв их за задние лапы и подняв над землей. [https://pikabu.ru/story/poleznyie_zhiznennyie_sovetyi].

Такие советы являются странными, провокационными либо бессмысленными и представляют собой разновидность шутливых аттрактивов как особого жанра сетевого дискурса.

Пользователи социальных сетей, как правило, критично воспринимают подобные высказывания:

В.Д.: Советы взяты из журнала Maxim двухлетней давности, их было 100, куда остальные потерялись? остальное сомнительной ценности

С.Т.: Какая же тухлая хрень для детей и контуженых братков.

И.М.: Половина советов — бред полнейший. Плюс мне кажется, что на пикабу уже это выкладывали.

Иронизирование и пародия

В сети много банальных советов:

Не смейтесь над чужими мечтами.

В непонятных ситуациях всегда ложитесь спать.

Если обещали перезвонить — перезвоните.

Эти высказывания функционально соответствуют пустоговоркам — специальному жанру заполнителей пауз для тех, кто не способен сказать нечто остроумное.

В ряде случаев откровенно высмеивается прескриптив как жанр:

Постарайся не погибать. Если к тебе подкрадется с ножом убивец, просто выставь вперед ладонь и скажи: «Нет, убийца, не смей меня убивать!».

Стань богат. Бедность — это очень плохо. Знаешь что такое бедность? Это кошелек для мелочи, это пакеты, взятые с собой в магазин, это чиненная обувь, дети, которых кормят ибупрофеном, яростные торги с авитовским барыгой за 4-й айфон со сколотым экраном.

Нет нервным расстройствам. Если почуешь, что к тебе подкрадывается депрессия, прогони ее танцем.

Не умирай раньше 95 лет. Если почуешь стылым утром, как смерть ползет по твоим венам прямо к сердцу, хрипло рассмейся: «Нет, нет, нет, госпожа смерть, только не сегодня. Там в 19 квартире дядя Коля лежит, с лестницы вчера упавший, забирай его, а меня оставь». Если не поможет, три раза повтори «соль-вода» и тогда костлявая точно уберется в свое пыльное зазеркалье [https://www.yaplakal.com].

Приведенные тексты пародируют назидания, высмеивая тех, кто старается изречь важные нормы поведения. Попутно высмеиваются определённые штампы актёрского поведения, устаревшая лексика (*убивец, госпожа смерть, стылое утро*), приметы (заклинание «*соль-вода*»).

Встречаются также шутливые речения, соответствующие жанру «антипословицы», высказывания, карнавально переворачивающие общепринятые ценности и нормы поведения (Вальтер, Мокиенко, 2005) :

Человек родился усталым и живет, чтобы отдохнуть.

Люби кровать свою, как самого себя.

Отдохни днем, чтобы ночью ты мог поспать.

Не трудись — работа убивает.

Если видишь, что кто-то отдыхает, помоги ему.

Подобные высказывания соотносятся с жанром популярных шутливых стихотворений Г. Остера «Вредные советы».

Резюме

• В сетевом дискурсе выделяется жанр «прескриптивы» — коммуникативные образования, содержанием которых является продвижение выраженных ценностей, норм и обыкновений поведения.

• Речеактовое воплощение этих регулятивных единиц сводится к пословицам, афоризмам, прямым императивным высказываниям с пояснениями или без них, а также к их пародийному переворачиванию.

• По своему содержанию прескриптивы включают этические ценности, наблюдения над человеческим характером и практические советы.

• Смысложизненные прескриптивы имеют этнокультурную специфику, которая состоит главным образом в выборе гармонии либо успеха как основного приоритета бытия.

• Активное продвижение ценностей в сетевом дискурсе свидетельствует о том, что современное общество нуждается в переформулировании этих ценностей.

Заключительное слово словами Абая

Кратко обобщая отдельные наблюдения, изложенные в этой книге, необходимо прежде всего сказать, что ответить на главные ее вопросы — Что есть *мудрость*? Что мы понимаем под *мудростью*? О чем мы думаем и что мы имеем в виду, когда называем что-то или кого-то *мудрым*? Какое значение приобретает мудрость сегодня? — все равно, что вознамериться выпить море: объект так велик и многогранен, что наш взор проникает его лишь до известного только нам предела. Мы так или иначе оказываемся в положении упомянутого в книге профана, но и знатока.

Книга не была простым капризом. Различные формы, в которых мудрость себя проявила в истории, в культурах и в современном мире, в том числе языковые и коммуникативные формы, вообще текстовый мир мудрости — это капитал, который никогда не иссякнет. При этом «Языки мудрости» не является ни философией мудрости, ни собранием мудрых советов, ни даже всеобъемлющей историей мудрости, но лингвистическая, филологическая, философская, богословская, в конце концов, мудрая книга по характеру. Авторы вышли за пределы «моя мудрость»: они не добавляли ни свой темперамент, ни свой характер, ни свои личные впечатления, ни свои страсти, ни свои интересы, то есть все то, что относится к ним непосредственно, а приоткрыли силу мудрости, устной, рукописной и, наконец, печатной, однако силу не только в значении энергии, воздействия, мощности, могущества или власти, интенсивности или напряженности, но и, что главнее, в значении готовности здесь и сейчас обсудить те вопросы, которые тысячелетиями считались прошлой, будущей и настоящей непременностью. Вот почему это стало одной из забот авторов: книга могла превратиться в банальность, но то, что одна мудрость закономерно вытекала из другой, предыдущей, мудрости, не есть банальность, потому что банальность, как избитый прием, лишена нового этапа развития. В книге же языки мудрости показаны сквозь призму символов вечно изнашивающейся и вечно обновляющейся жизни, составляющих поэтику знания.

Книга раскрывает языки многообразного феномена мудрости. В ней объединено (насколько это было возможно) все, о чем по отдельности говорится в известных текстах мудрости. Взгляд на эти языки мудрости показывает, что такое мудрость, как она развивает-

ся, почему она для нас сегодня не менее важна, чем это было в далекие времена, как мудрость располагает к себе и располагает нас к миру и почему стихии встречного ветра для нее не существует. На языке своих чудес мудрость спрашивает нас, достаточно ли мы развиты теперь, чтобы понимать эти языки.

Чтобы научиться говорить на языках мудрости и понимать языки мудрости, необходимо фокусировать свой взгляд на ее традиционные и иные репрезентации: мудрость как элемент быта (практические умения), мудрость как часть от целого (аристотелевская этика, «Мудрость — самая точная из наук»), мудрость как атрибут (категорический императив веры), более близкие нам по времени — мудрость для размышления (Астрид Линдгрен, Д.С. Лихачев), мудрость как источник духовного равновесия (14-й Далай-лама), мудрость как источник силы и здоровья (Федор Конюхов и Райнхольд Месснер) и даже — мудрость как мерило достатка (разные технологии достижения благополучия в наши дни). Потому главные, четко обозначенные, пружины книги — мудрость из знания и как знание, мудрость, которая следует из знания границ знания, и мудрость как незнание, которая следует из познания незнания, — отвечают за возврат приложенного усилия.

Множественное и вариативное выражение мудрости в коммуникативной практике делает ее изменчивой и устойчивой в одно и то же время. Это накрепко заклинено; в мировых текстах мудрости казахская культура мудрости не так широко известна, за очень редким исключением — мудрость Абая, но все же она имеет свои традиции мудрости. Конечно, древо казахской нравственной культуры коренилось совсем в другой почве и, как следствие, развивалось в иных направлениях, о чем конкретно здесь нет смысла писать, но относительно мировой мудрости ее мудрая мысль также обладает характеристиками мудрости. Чтобы завещать мудрость, требуется острый ум, но не для того, чтобы владеть миром, но покорить жизнь, постигнуть ее тончайшие краски, быть в них, раствориться в них, распоряжаться ими, дабы узнать, что весит человек на весах человечества, природы, Вселенной.

Абай стал мерилом мудрости казахского и казахстанского народа, своими назиданиями подтверждая высочайший нравственный эталон. Его творчество — это обращение либо к конкретному лицу, либо к целому народу. Последнее — гораздо труднее, но для казахского устного и письменного творчества такое обращение более ха-

рактерно. Настоящее настолько сильно предъявляло свои права к творцу, что он никогда не терял чувство реальности, с одной стороны, а, с другой, смело использовал возможности антиципации. Принято считать, что Абай оставил для своего народа огромное духовное богатство. Чаще всего так говорят, имея в виду его 45 «Слов». Не хочется впадать в общие места, поэтому ограничимся лишь краткой справкой о творчестве Абая и его вкладе в развитие казахского литературного языка. Согласно открытым источникам, при жизни Абая (1845–1904) были опубликованы всего четыре его стихотворения, в 1909 году в Санкт-Петербурге вышла отдельная книга его стихов с краткой биографией; именно с этого года произведения Абая начинают издавать на систематической основе. При этом произведения Абая были предметом идеологических споров, да к тому же научная общественность 20-х и 30-х гг. бессмысленно клеймило (к примеру, его философию называли «самым буржуазным хламом») и столь же бессмысленно их превозносило (самого Абая называли «глашатаем новой эпохи торгового капитала»); от предвзято-противоречивых оценок наследия Абая стали отходить в 40-е годы. Казахский народный эпос и арабская письменность, поэзия Востока, русская классическая литература и русские переложения западноевропейской литературы — все слилось воедино в его поэтическом мире. Он заложил основы казахской национальной литературы и казахского литературного языка, освободив «этот язык от жаргона религиозной мистики, от влияния традиций восточно-шаманского лексикона. Развивая национальный литературный язык, он стремился тем самым к углубленному выражению дум и чаяний своего народа» (Калмырзаев 2012: Т.1, 60–61). С его легкой руки переводчика и интерпретатора Пушкин, Лермонтов, Крылов, Бунин, Гете, Шиллер, Байрон, Мицкевич «заговорили по-казахски».

«Слова назидания» Абая можно назвать философскими этюдами или эссе либо нравоучительными миниатюрами, свидетельствующими о большой воздействующей силе и ценности художественного слова. Знания о многообразии мира мудрец использует как путеводную нить, на нее он нанизывает отдельными массивами свои монологи, которые значительны и ясны по содержанию. Внезапная актуализация Слов, когда они осмысляются в новой коннотации и эмоциональном поле, так или иначе настраивает фокус ассоциативности на жанры поучения, проповеди, на саму личность пророка: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не

имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (1Кор 13:1).

Содержательно эти обращения представляют собой пронумерованные наставления, в которых перечисляются ошибки и плохие привычки, то есть то, как не нужно жить, и то, что следует делать, чтобы жить правильно. Структура многих Слов в основном подчинена определенному принципу: обозначается тема, после приводятся примеры-инварианты этой темы непосредственно из жизни, опыта, нередко с подробными деталями, в подтверждение приводятся афоризмы, пословицы, затем — назидание, содержащее вопросы, стихотворения, пословицы, заканчивающееся обобщениями, придающими «Слову» завершенность. Например, тема «Слова седьмого» — о двух началах в ребенке, в человеке («потребность плоти» и «тяга к познаниям») — раскрывается наблюдением из жизни («Младенец тянется к ярким вещам, берет их в рот, пробует на вкус, прикладывает к щеке. Встрепенется, услышав звуки дудки или свирели. Подросши, бежит на лай собаки, на голоса животных, на смех и плач людей, теряет покой, спрашивая обо всем, что видят глаза и слышат уши: "Что это? Зачем это? Почему он так делает?" — это уже потребность души, желание все видеть, все слышать, всему учиться»), которое переходит в назидание («Не раскрыв для себя видимых и невидимых тайн вселенной, Не объяснив всего себе, человеку не стать человеком. И бытие души такого человека тогда ничем не разнится от бытия иной твари», «Изначально Бог отличил человека от животного тем, что наделил его душой. Почему мы, повзрослев и поумнев, не ищем и не находим удовлетворения тому любопытству, что в детстве заставляло нас забывать о еде и сне? Почему мы не избираем путь тех, кто ищет знаний?», «Нам бы неустанно ширить круг своих интересов, множить знания, которые питают наши души. Нам бы понять, что блага души несравненно выше телесных, и подчинить плотские потребности велению души. Но нет, не стали мы делать этого») и завершается обобщением: «Нет ни искры в груди, ни веры в душе. Чем отличаемся мы от животного, если видим только глазами? В детстве мы были лучше. Тогда мы были человеческими детьми — стремились узнать как можно больше. Сейчас мы хуже скота. Животное не знает ничего, но и не стремится ни к чему. Мы не знаем ничего, но готовы спорить до хрипоты: отстаивая свою темно-

ту, стремимся свое невежество выдать за знания» [https://pushkin library.kz/exhibitions/Abai_Pushkin/slova_6-10.html].

Некоторые Слова Абая созвучны традициям литературы мудрости, обусловленным практическими потребностями жизни. В «Слове третьем», раскрывающем причину разрозненности казахов, их неприязни и недоброжелательности друг к другу, Абай, выстраивает причинно-следственную связь «суть дела — суть личности» и демонстрирует последствия, когда эта связь нарушается (несправедливые выборы судей, воровство, ложные доносы и свидетельства, суды над честным человеком, подкуп). Его развернутая мысль «Мудрые мира давно заметили: человек ленивый, как правило, труслив и безволен; безвольный — труслив и хвастлив; хвастливый — труслив, глуп и невежествен; глупый — невежествен и не имеет понятия о чести, а бесчестный побирается у лентяя, ненасытен, необуздан, бездарен, не желает добра окружающим. Пороки эти от того, что люди озабочены только одним — как можно больше завести скота и стяжать тем самым почет у окружающих. Когда б они занялись земледелием, торговлей, стремились к науке и искусству, не произошло бы этого» замыкается на болезненном для него жизненном принципе степи: «Сейчас в обиходе новая пословица: «Не суть дела, суть личности важна». Значит, добиться намеченного можно не правотою предпринятого дела, а ловкостью и хитроумием исполнителя его». Получается, что одно (или суть личности, или суть дела) заставляет либо пренебречь другим, либо вовсе его позабыть. И в обобщении этого Слова он предлагает структуру справедливого суда: «Пусть бы споры решались двумя судьями и посредником, выбранным истцами. И только не сыскав истины у этих людей, не придя к мировой, спорящие обращались бы к одному из трех постоянных судей. Тогда бы суды не затягивались».

Впечатляющим примером бесполезности поиска компромисса со своим временем и со своим народом в этом конкретном времени является «Слово сорок первое» [https://pushkinlibrary.kz/exhibitions/Abai_Pushkin/slova_41-45.html]. Оно находится на грани инвективы. В нем он уходит от традиционной структуры, стремится к предельности высказывания и к публицистичности. Сам мудрец убеждается в бессмысленности страха, власти, богатства; ничто не вызволит народ из злополучных тенет желаний, физических потребностей, пустых конфликтов и волнений дня настоящего, ничто и никто, кроме него самого. Полученное в наследство заблуждение и незрелость

убило человечность. Что это может быть как ни разочарование в человеке, в котором побеждает зверь. И Абай понимает тщетность своих усилий, как и Толстой в своей «Исповеди». Абай оставляет нас наедине с риторическими вопросами «Как жить? Как нам быть дальше?». За текстом этого Слова настойчиво бьется мысль: мудрец Абай столько сделал для становления культуры достоинства своего народа!

«Слово сорок пятое» [https://pushkinlibrary.kz/exhibitions/Abai_Pushkin/slova_41-45.html] венчает «собрание» мудрых мыслей, которые до этого все время вращались вокруг собственной оси, то там, то здесь выступали вперед, уходили на задний план или, напротив, довлели сами себе, пересекались друг с другом, но возвращались к исходной точке: мир так просто устроен, в его основе только любовь и справедливость («Богу присущи любовь и справедливость»; «Мы — служители любви и справедливости»; «Начало человечности — любовь и справедливость... Это — венец творения Всевышнего»; «В ком господствуют чувства любви и справедливости, тот — мудр, тот — учен»); человек ограничен в своих знаниях о мире («смертные, познающие мир по созданным вещам»; «И отличаемся тем, насколько лучше один другого осознаем творения Всевышнего»; «Мы не способны придумать науку, мы можем только видеть, осязать созданный мир и постигать его гармонию разумом»); ему всего лишь нужно разделить с природой (творения Всевышнего) ее счастье. «Даже в том, как овладевает жеребец кобылицей, проявляется любовь» — яркая формулировка на фоне серьезного материала. И как итог, знания («осязать созданный мир и постигать его гармонию разумом») для человека — это средство выражения прекрасного мира своей души — любви и справедливости.

Композиционно 45 отдельных законченных текстов оправдано тем, что целое, которое они выражают, все равно ни с чем не соразмеришь, но именно потому оно, как любая другая неразрешенная проблема, будет упорно привлекать к себе внимание людей, что до сих пор и происходит. На сайте https://bogoslov.ru/article/917800 можно найти стихотворное переложение творений Абая Кунанбаева архимандрита Геннадия (Гоголева):

Шестое слово

Любой казах в порыве лучших чувств
Пословицей перед тобой блеснет
О том, что единенье — верх искусств,
И общность стада сохранит их род.
Но если племя завладеет всем,
От каждого забрав плоды трудов,
То разве не наступит вместе с тем
В нем рай для тунеядцев и воров?
Я свой совет хочу казахам дать:
Род не спасает общее добро.
Единство мыслей нужно вам стяжать,
А не в одном подвале серебро!
В ауле каждый аксакал умен,
На все готова мудрость у него:
Существованье почитает он
Основою достатка своего.
Мы целый день, как овцы, смотрим вниз,
Достаток, насыщение любя,
Служенью плоти посвящая жизнь,
Скотам мы уподобили себя.
К словам Абая обращая слух,
Узнай же правду бедный мой народ
О том, что плотью править должен дух –
И труд искусством каждый назовет.
Лишь записной бездельник и нахал
К дармовой пище тянется, спеша.
И как бы видом он не восхищал,
Смердит его бесстыдная душа.

Поскольку в текстах мудрости всегда приходится считаться с определенным уровнем понимания, то Абай очень часто обращается в «Словах» к пословицам, причем это похоже на выборку ключевых позиций и аргументов: «Не суть дела, суть личности важна», «Если жить тебе полдня, запасись едой на день», «Бедному и родной отец — обуза», «Человеку скот дороже жизни», «У имущего лик светел, темен он у нищего», «Прав тот, кто владеет добычей», «Кто не почитает богача, тот отвернется и от бога», «Если голоден, скачи в

дом, где идут поминки», «Не живи у озера, где нет рыбы, не живи в ауле, где не знают милосердия», «Кто уверен, что из-за скота подобные люди не обворуют даже родного отца?».

К текстам мудрости можно причислить философскую лирику Абая. В ней он часто использует прямые директивы, призывающие к праведной жизни, а именно иметь сострадание, служить людям, но не всем подряд, любить их, находиться только там, где добро и справедливость:

Имей состраданье к изведавшим крах
И людям служи, разбиваясь во прах.
За то, что любил ты любимое богом,
Возлюбит тебя благодарно Аллах.

Служи, да не всем. Не сливайся с толпой.
В толпе, что ни день, погибает изгой.
Добро, справедливость — основа сознанья.
Везде, где они, не пройди стороной.

(Антология казахской поэзии 2006: 219)

Абай говорит и о целостном отношении к миру («цельность редкая»), под которым понимает единство трех составляющих — Ума, Сердца и Воли, Знание которых облегчит существование:

Наш холоден Ум наподобие льда,
Горячее Сердце согреет всегда.
Разумность и такт, прозорливость терпенья,
В нас Воли рождает тугая узда.
Держа в триединстве Ум, Сердце и Волю,
Ты к цельности редкой придешь без труда.
Но взяты поврозь, они будут ущербны, —
Не славят явлений, где много вреда.
Живу неспособный смеяться и плакать,
Лишь с сердцем мятущимся, с коим — беда.
Ум, Сердце и Воля — ничто друг без друга,
А Знанье их суть пронесет сквозь года.

(Антология казахской поэзии 2006: 211)

Мудрец открывает путь к истине («достигни сути сердца») в беспорядке человеческого мира и опять же в форме прямых директив выводит основные принципы порядка внутреннего мира человека: не верить хвальбам или избегать бахвальства, поверить в себя, трудиться, учиться или быть разумным, не быть доверчивым, быть стойким в горе, иметь закаленный дух, не иметь соблазнов.

Например:

Пусть хвалят люди, верить не резон.
Ты жди подвоха, если вознесен.
Поверь в себя, тебе помогут дружно
Твой труд и ум твой, взявшись с двух сторон.

Доверчивость — залог грядущих бед,
Зачем похвал пустопорожних бред?!
С обманутыми вместе сам обманут,
За призраком тебе ли мчать вослед?

Будь в горе стойким, закали свой дух,
К соблазнам, что сомнительны, будь глух.
Уйди в себя, достигни сути в сердце,
Там истина, которой нет вокруг.

(Антология казахской поэзии 2006: 205)

В публичном интернет-пространстве можно встретить даже правила жизни Абая Кунанбаева [https://tengrinews.kz/mixnews/pravila-jizni-abaya-kunanbaeva-300177/]. Вот некоторые из них:

1. Никогда не сдавайтесь. «*Лишь бездарный покоряется судьбе*».

5. Совершенствуйтесь. «*Будь в моих руках власть, я бы отрезал язык тому, кто твердит, будто человек неисправим*».

10. Живите осознанно. «*Тот, кто хочет быть в стане разумных, должен раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц отдавать себе отчет: как он прожил эти дни, сделал ли что полезное для народа, не ждет ли его в будущем раскаяние. А может ведь случиться и так, что и вспомнить — то будет нечего*».

11. Carpe diem (ловите мгновенье).

«Похищает надежды часов строгий лад,
Приближает он тайно годины утрат.
Нет ни в чем постоянства и верности нет,
Время, тенью мелькнув, не вернется назад".

Творчество Абая, как и фольклорные образы Алдар-Косе и Жиренше, мудрецов-острословов из казахских народных сказок, как и назидания Печального Асана, легендарного эпического поэта и мыслителя, — это область мудрости, которая все еще ждет своего исследователя.

Слово довлеет мыслям и чувствам его по старинному праву, мудрое слово в наши дни тем паче. Мудрость преодолевает пространство и время, обретает новые смыслы, может быть явной и скрытой, серьезной и ироничной, великодушной и жестокой, древней и современной, быть для всех и индивидуализированной, мировой и национальной. Беря вопрос с большей широтой, нужно сказать, что в наших руках книга с определяемым количеством разной мудрости. Из этой книги, внутренне связанной для авторов с тысячелетней историей мудрости и являющейся их попыткой ответить на вопросы о мудрости, последуют другие книги. Авторы будут этому искренне рады.

Здесь все. А посему Духа не угашайте.

Литература

Лексикографические источники

Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. Изд. 4-е, расш. М.: АСТ ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с. (БПС).

Большой толковый словарь русского языка / Кузнецов С.А., СПб: Норинт, 2008 (БТС)

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартьянов А.О. *Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов* : в 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. Ч. 1. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. 480 с. (РАСШ).

Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка.* В 4 т. М.: Терра, 1994. (СД).

Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. *Большой универсальный словарь русского языка* / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2016. 1456 с. (БУС).

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель, АСТ, 2002. (РАС 2002).

Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950-1965. (БАС).

Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. https://ozhegov.slovaronline.com/ (ТСРЯ)

Толковый словарь Ушакова https://ushakovdictionary.ru/ (Ушаков)

Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь русского языка.* В 2 т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999. Т.1. 624 с.

Collins COBUILD *English Language Dictionary.* London: Collins, 1990. 1703 p. (COBUILD).

Clark M. *Etymological Dictionary of Biblical Hebrew: Based on the Commentaries of Samson Raphael Hirsch* (English and Hebrew Edition). Philipp Feldheim, 2000. 330 p.

Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. https://woerterbuchnetz.de/ ?sigle=DWB#3 (Grimm)

Klein E. *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language.* Amsterdam: Elsevier, 1966. 1776 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. CD-ROM. Harlow: Pearson Education Limited, 2005. (LDCE).

The Oxford English Dictionary. https://www.oed.com/ (OED)

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Portland House,1989. 2078 p. (WED)

Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield: Merriam-Webster's, 1984. (WNDS).

Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable. By Ebenezer Cobham Brewer. Wordsworth Editions, 2001, 1180 p. (WWD)

Научная литература и другие источники

Абакумова, Ольга Борисовна 2012. *Пословицы в языке, сознании и коммуникации: монография.* СПб.: Алеф-Пресс. 354 с.

Аврелий, Марк 1993. *Наедине с собой. Размышления.* Перевод с древнегреческого под общей редакцией А.В. Добровольского с примечаниями Б.Б. Лобановского. К.: Collegium ArtiumIng, Ltd. / Черкассы: РИЦ «Реал». [http://www.psylib.ukrweb.net/ books/avrel01/txt01.htm] (дата обращения: 17.02.2023)

Алексеева, Галина Васильевна 2005. Американский журнал WHIM как источник «Круга чтения» Л.Н. Толстого (по материалам личной библиотеки писателя в Ясной Поляне). // *Лев Толстой и мировая литература. Материалы III. международной конференции. Ясная Поляна 28–30 августа 2003 г.* Тула: Издат. Дом «Ясная Поляна», С. 137–154.

Алексеева, Галина Васильевна 2010. *Американские диалоги Льва Толстого (по материалам личной библиотеки Л.Н. Толстого).* Тула: Издательский дом «Ясная Поляна». 259 с.

Амвросий, Архиепископ 1903. *Живое Слово.* Издание второе. Харьков. Nachdruck und Einleitung von Holger Kuße. München: Verlag OttoSagner 1994.

АнаньевБ. Г. 2001. *Человек как предмет познания.* (3-е издание). СПб.: Питер. 288 с.

Антология казахской поэзии // Составление, вступительное слово, перевод с казахского и комментарии Ауэзхана Кодара. Алматы: издательский дом «Таймас», 2006. 450 с.

Аполлонов И.А. 1999. *Мудрость как объект понимания в предфилософии древней Греции* : автореф. дис. … канд. фил. наук. Краснодар. 22 с.

Аристотель 2010. *Этика.* М.: АСТ. 496 с.

Бабенко, Людмила Григорьевна (глав. ред.) 2010: *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.338 с.

Бибихин, Владимир Вениаминович 2007. *Язык философии.* СПб: Наука (3-е изд.). 389 с.

Богин Г.И. 1986. *Типология понимания текста* : учеб. пособие. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та. 88 с.

Богуславская О.Ю. 2003. Умный // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Второе изд. М.: Школа «Языки славянской культуры». С. 1206-1213.

Бретт, Регина 2013. *Бог никогда не моргает : 50 уроков, которые изменят твою жизнь.* Перевод на русский язык: И.Е. Соколова. М.: Эксмо.

Булгаков, Сергей Николаевич. 1912. Л.Н. Толстой // *О религии Льва Толстого.* М.: Путь [https://coollib.com/b/425419/read#t2] (дата обращения: 17.02.2023)

Булгаков, Сергей Николаевич 1933. *О богочеловечестве. Ч. 1. Агнец Божий.* Paris: YMCA Press. 468 с.

Булгаков, Сергей Николаевич 1936. *О богочеловечестве. Ч. 2. Утешитель.* Paris: YMCA Press. 447 с.

Булгаков, Сергей Николаевич 1945. *О богочеловечестве. Ч. 3. Невеста агнца.* Paris: YMCA Press. 622 с.

Булгаков, Сергей Николаевич 1994 [1917]. *Свет невечерний. Созерцания и умозрения.* М.: Республика. 415 с.

Булгаков, Сергей Николаевич 1999 [1925]. Ипостась и ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему») // Сергей Николаевич Булгаков, Первообраз и образ:

сочинения в двух томах. Т. 2. *Философия имени. Икона и иконопочитание.* М.: Искусство / СПб.: Инапресс. С. 313–323.
Вальтер, Харри / Мокиенко, Валерий Михайлович 2005. *Антипословицы русского народа.* СПб.: Издательский дом«Нева». 574 с.
Верещагин, Евгений Михайлович / Костомаров, Виталий Григорьевич 2005. *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции:лексического фона, рече-поведенческих тактики сапиентемы.* М.: Индрик.1037 с.
Виноградов, Виктор Владимирович 1972. *Русский язык (Грамматическое учение о слове).* М.: Высшая Школа. 613 с.
Воркачев, Сергей Григорьевич 2007.Наполнение концептосферы // *Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография.* Волгоград: Изд-во ВолГУ. С.8-93.
Воркачев, Сергей Григорьевич 2009. *Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре.* Волгоград: Парадигма. 190 с.
Воркачев, Сергей Григорьевич 2016. *Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке*: монография. Краснодар: КубГТУ. 296 с.
Воркачев, Сергей Григорьевич 2017. *Lumennaturale. Аксиология интеллекта в языке.* М.: Флинта / Наука. 296 с.
Гак В.Г. 1994. Судьба и мудрость // *Понятие судьбы в контексте разных культур.* М.: Наука. С.198-206.
Галичкина, Елена Николаевна 2012. *Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство.* Волгоград: Парадигма. 322 с.
Гафиатуллина Н.Р. 2012. *Вербализация бинарных концептов мудрость / акыл и глупость / юлэрлек в английском и татарском языках* : автореф. дис. … канд филол. наук. Казань. 24 с.
Горянова Л.Н. 2012. *Структуры концептов МУДРОСТЬ и WISDOM способы объективации их признаков в русской и английской языковых картинах мира* : автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово. 25 с.
Грайс, Герберт Пол 1985. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVI. М.:Прогресс. С. 217□237.
Дао-дэ цзин 2010. *Книга о пути жизни.* Пер. В. Малявин. Москва: Издательство «Феория».
Дементьев В.В. 2013. *Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике.* М.: Глобал ком. 336 с.
Демьянков В.З. 2001. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // *Вопросы филологии.* 2001. №1. С.35-47.
Десницкий, Андрей Сергеевич 2007. *Поэтика библейского параллелизма.* М.: ББИ. 299 с.
Дзюба, Елена Вячеславовна 2011. *Концепт «ум» в русской лингвокультуре.* Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 224 с.
Дружинин, Владимир Николаевич 2007. *Психология общих способностей.* 3 изд. СПб.: Питер. 368 с.
Жуков В.П. 1993. Предисловие // В.П. Жуков. *Словарь русских пословиц и поговорок: ок. 1200 пословиц и поговорок.* 5-е издание. М.: Русский язык. С. 9–21.
Загатова С.Б. 1990. *Стилистические особенности функционирования в речи французских глаголов мыслительной деятельности (психолингвистический аспект)*: автореф. дис. … канд. филол. наук. М. 23 с.
Забияко А.П. 1988. Нуминозность // *Культурология. XX век. Энциклопедия в 2 т.* СПб. Т. 2. С. 101. [http://yanko.lib.ru/books/cultur/culturology20century2volumes1998sl.htm#_Toc299572092] (дата обращения: 17.02.2023)
Зеньковский, Василий Васильевич 1991. *История русской философии.* Т. 2, ч. 2. Л.: ЭГО. 268 с.

Иванова Е.В. 2002. *Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц)*. СПб.: Изд-во СПбГУ. 160 с.
Идзинская И.Н. 2001. *Глаголы мыслительной деятельности во французском и русском языках*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск. 16 с.
Иларион (Алфеев), *Иеромонах 1999. Язык Учителя и жаргон кабака*. Перевод Евангелия должен быть точным и благоговейным. [https://biblia.ru/AboutBible/ContemporaryRussian/art199901.html] (дата обращения: 17.02.2023)
Калмырзаев А. 2012. *Собрание сочинений в трех томах*. Алматы: «Қазығұрт» бас пасы.
Кант И. 2019. *Критика практического разума*. М.: АСТ. 256 с.
Карасик, Владимир Ильич 2002. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена. 477 с.
Карасик, Владимир Ильич 2004. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис. 390 с.
Карасик, Владимир Ильич 2009. *Языковые ключи*. М.: Гнозис. 406 с.
Карасик, Владимир Ильич 2010. *Языковая кристаллизация смысла*. М.: Гнозис. 351 с.
Карасик, Владимир Ильич 2015. *Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы*. Волгоград: Парадигма.432 с.
Клубков П.А. 2003. «Языковые игры» и малые жанры городского фольклора // *Современный городской фольклор*. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. С. 645-664.
Кондратьева О.Н. 2004. *Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум)*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург. 25 с.
Конюхов, Федор Филиппович 2019. *Мой путь к истине. Дневники одинокого путешественника 2005–2015*. Москва: Эксмо. 256 с.
Кострюкова Л.Ю. 1989. *Народная мудрость: социально-философский анализ*: автореф. дис. … канд. фил. наук. Л. 16 с.
Красавский, Николай Алексеевич 2008. *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах* : монография. М.: Гнозис. 374 с.
Красных, Виктория Владимировна 2002. *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*. М.: Гнозис. 284 с.
Красных, Виктория Владимировна 2016. *Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии*. М.: Гнозис. 496 с.
Крохина, Надежда Павловна 2002. О софийных началах русской литературы // *Соловьевские исследования*. Выпуск 4 (2002). Иваново: Иванов. гос. энерг. ун-т. С. 154–178.
Курлянд Э.Е. 1978. *Исследование функциональной модальности глаголов мыслительной деятельности в современном английском языке*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Одесса. 19 с.
Кузнецова В.Н. 1998. *Письма апостола Павла*. Перевод и примечания В.Н. Кузнецовой. М.: Общедоступный православный университет и Фонд Александра Меня. 160 с.
Кунин, Александр Владимирович 1972. *Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания*. М.: «Международные отношения». 288 с.
Куссе, Хольгер 2012. Между мифом и мудростью: Религия в условиях секуляризации. // Елена Аркадьевна Тахо-Годи (ред.), *Созидающая верность. К 90-летию А.А. Тахо-Годи*. М.: Grand-Fair, 238–249.
Куссе, Хольгер 2016. *Культуроведческая лингвистика. Введение* / Пер. с нем. М. Новоселовой. Казань: Изд-во Казанского федерального университета. 372 с.
Куссе, Хольгер 2018. Николай Кузанский, Лосев, Витгенштейн: О языке философии // *Аристей XVII*, 268–280.

Куссе, Хольгер 2022. *Культуроведческая лингвистика.* Пер. с нем. М. Новоселовой. 2 изд. М.: Гнозис. 536 с.

Ларина, Татьяна Викторовна 2009. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций.* М.: Языки славянских культур. 512 с.

Леонтьев, Дмитрий Алексеевич 2007. *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности.* 3 изд. М.: Смысл. 511 с.

Линдгрен, Астрид 2018. «Нет насилию!» [https://izbrannoe.com/news/deti/astrid-lindgren-net-nasiliyu-/ (30.11.2018)] (дата обращения: 15.02.2023)

Линь-цзи лу 2001. Вступ. ст., пер. с кит., коммент. и граммат. Очерк И.С. Гуревич. СПб.: «Петербургское Востоковедение». 272 с. [lukashevichus.info/knigi/Линь□цзилу.pdf]

Лихачев, Дмитрий Сергеевич 2006. *Письма о добром.* Ответственный редактор С.О. Шмидт. М. и СПб: Наука и Logos. 315 с.

Лосев, Алексей Фёдорович 1990. *Владимир Соловьев и его время.* М.: Прогресс. 719 с.

Лосев, Алексей Фёдорович 1994. Диалектика мифа // *Миф. Число. Сущность.* М.: Мысль, С. 5–216.

Лосев, Алексей Фёдорович 2001. *Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа».* М.: Мысль. 558 с.

Лосев, Алексей Фёдорович 2016. *Николай Кузанский в переводах и комментариях*: В 2 т. Ответственный редактор Е.А. Тахо-Годи. М.: Языки славянских культур. Т.1. 728 с. Т.2. 519 с.

Луньюй: *Из книги «Луньюй» («Суждения и беседы»)* [http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st102.shtml](дата обращения: 15.02.2023)

Лю Цюань 2004. *Методы китайской хронопунктуры.* М.: Профит-Стайл. 176 с.

Ляпин С.Х. 1997. Концептология: к становлению подхода // *Концепты. Научные труды Центроконцепта.* Вып.1. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та. С.11-35.

Мелешко, Елена Дмитриевна 2006. *Христианская этика Л.Н. Толстого.* М.: Наука.308 с.

Мень, Александр 1992. *История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Том 6: На пороге Нового Завета*: От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя. М.: Слово. 622 с.

Митина Е.В. 2001. *Категория мудрости в древнерусском религиозном сознании*: автореф. дис. … канд. фил. наук. М. 22 с.

Мэтью, Генри 2007. *Толкование книг Ветхого Завета.* Издательство DRTS. 848 с.

Немов Р.С. 2007. Интеллект // *Психологический словарь.* М.: Владос. С.153.

Павленко В.Г. 2013. *Когнитивно-семантические и структурные свойства лексических единиц мыслительной деятельности в английском языке*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск. 29 с.

Падучева, Елена Викторовна 2004. Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексемы. // Елена ВикторовнаПадучева, *Динамические модели в семантике лексики.* Москва: Языки славянской культуры, 130–143.

Пермяков, Григорий Львович 1988. *Основы структурной паремиологии.* М.: Наука. 235 с.

Петрова Г.Д. 2003. *Народная мудрость: социально-философский анализ на основе чувашского этноса* : автореф. дис. … канд. фил. наук. Чебоксары. 19 с.

Пименова М.В. 2008. Понятийные признаки и культурная составляющая в структурах концептов мудрость и wisdom // *Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии.* Вып. III. Армавир. С 76–80.

Пищальникова В.А. 2001. К основаниям динамической теории значения // *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты*: сб. статей под общ. ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул. С. 108-122.

Полищук Т. В. 2012. *Концепт глупость в языковой картине мира (на материале русского и французского языков)*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Калуга. 17 с.

Радбиль, Тимур Беньюминович 2017. *Язык и мир: парадоксы и взаимоотражения*. М. : Издат. Дом ЯСК. 592 с.

Рид, Томас *2000.Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла*. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при Филос. фак. СПбГУ; Алетейя. 352 с.

Рождественский, протоиерей Александр 1911. О книге премудрости Иисуса сына Сирахова и её писателе // *Христианское чтение*. 1911. No 1, С. 38–49. [https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Rozhdestvenskij/o-knige-premudrosti-iisusa-syna-sirahova-i-ee-pisatele/](дата обращения: 17.02.2023)

Савицкий, Владимир Михайлович 1993. *Английская фразеология: проблемы моделирования*. Самара: Самарский университет. 172 с.

Савицкий, Владимир Михайлович 2006. *Основы общей теории идиоматики*. М.: Гнозис. 208 с.

Сергеева Н.М. 2004. *Концепты ум, разум в русской языковой картине мира*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург. 22 с.

Серебренникова Е.Ф. 2011. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // *Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов*. М.: Тезаурус. С.7–26.

Слышкин,Геннадий Геннадьевич 2004. *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*: монография. Волгоград: Перемена. 340 с.

Сидоркова, Галина Даниловна 1999. *Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия*. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та. 249 с.

Снегирёв,Иван Михайлович 1848. *Русские народные пословицы и притчи*. М.: Унив. тип. 505 с.

Соловьев, Владимир Сергеевич 1988. Кризис западной философии. (Против позитивистов). [1874] // Владимир Сергеевич Соловьев, *Сочинения в двух томах*. Том 2. Москва: Мысль. С. 3–138.

Степанов,Юрий Сергеевич 2001 (2. издание). *Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования*. М.: Академический Проект. 990 с.

Стернин И.А. 2008. Описание концепта в лингвоконцептологии // *Лингвоконцептология*. Вып. 1. / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки. С. 8-20.

Столович Л. И. 2003. Мудрость и знание // *Вопросы философии*. 2003. № 11. С. 151–159.

Тань Аошуан 2001. *Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность*. М.: Языки славянской культуры.

Тихомиров, Олег Константинович 1984. *Психология мышления*: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та. 272 с.

Толстой, Лев Николаевич 1936. О жизни. // *Полное собрание сочинений*. Т. 26. М.: Государственное издательство «Художественная литература». С. 313–442.

Толстой, Лев Николаевич 1956. *Путь жизни*. // *Полное собрание сочинений*. Т. 45. М.: Государственное издательство «Художественная литература».

Толстой, Лев Николаевич 1957. Исповедь. // *Полное собрание сочинений*. Т. 23. М.: Государственное издательство «Художественная литература». С. 1–59.

Трубецкой, Евгений 1994. Смысл жизни. // Н.К. Гаврюшина (ред.) *Смысл жизни. Антология.* М.: Издательская группа Прогресс–Культура. С. 243–488.

Тугарева В.В. 2011. *Лексико-семантическая представленность концепта «разум» в английском и русском языках (на материале лингвистических тестов)*: автореф. дис. … канд. филол. наук. М. 25 с.

Уайтхед, Альфред Норт 2009. *Приключения идей.* Перевод с англ. Л.Б. Тумановой. М.: ИФРАН. 383 с.

Утевский Л. 2012. Мудрость против глупости http://www.freie-juedische-meinung.de/ru/2012-03-29-14-48-34.

Фаттахова, Наиля Нурыйхановна / Кулькова, Мария Александровна 2015. Народные приметы. Синтаксис и прагматика. На материале русского, татарского и немецкого языков. М.: Флинта / Наука.

Фахрудинова Э.Р. 2012. *Проблема мудрости и морали в философии* Конфуция: автореф. дис. … канд. фил. наук. Саратов. 21 с.

Хоружий, Сергей Сергеевич 1989. София — Космос — материя:устои философской мысли отца Сергия Булгакова. // *Вопросы Философии.* №12.

Хоружий, Сергей Сергеевич 2000. *О старом и новом.* СПб.: Алетейя.475 с.

Чжуан-цзы [http://lib.ru/POECHIN/ch_tzh.txt] (дата обращения: 15.02.2023)

Шестов, Лев Исакович 1993. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (философия и проповедь) // *Избранные сочинения.* В. Ерофеев (ред.). М.: Ренессанс. С. 39-156.

Шилков Ю.М. 1992. *Гносеологические основы мыслительной деятельности*: автореф. дис. … д-ра фил. наук. СПб. 30 с.

Ширшиков В.Б. 2005. *Лексикографическая и текстовая репрезентация концептов ограниченной ментальной способности человека в русском и английском языках*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов. 18 с.

Шмелев, Алексей Дмитриевич 2002. *Русский язык и внеязыковая действительность.* М.: Языки славянской культуры. 496 с.

Юрин И.А. 1979. *Парадигматический и синтагматический аспекты лексико-семантической группы глаголов мыслительной деятельности в современном английском языке*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л. 22 с.

Ябжанова Л.Б. 2010. *Фразеосемантическое поле «умственные характеристики человека» в английском языке*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск. 14 с.

Assmann, Jan 1990. *Macat. Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Alten Ägypten.* München: C.H. Beck Verlag.

Aurel, Marc 2020. *Selbstbetrachtungen.* Übersetzt und herausgegeben von Gernot Krapinger. Stuttgart: Reclam-Verlag.

Austin, John Langshaw 1962. *How to Do Things with Words. William James lectures.* Oxford: Clarendon Press.

Bausinger, Hermann 1980 (2. Auflage). *Formen der „Volkspoesie“.* Berlin: Erich Schmidt Verlag.

Bayertz, Kurt 1995. Eine kurze Geschichte der Herkunft der Verantwortung. In: Bayertz, Kurt (Hrsg.), *Verantwortung: Prinzip oder Problem?* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 3–71.

Belentschikow, Valentin 2012. *Bertha von Suttner und Russland.* Frankfurt am Main u.a.; Peter Lang Verlag.

Ben-Chorin, Schalom 1977. *Bruder Jesus. Der Nazarener in jüdischer Sicht.* München: Deutscher Taschenbuch Verlag. [Erstausgabe: 1967]

Birren, James E. / Fisher, Laurel M. 1990.The elementsofwisdom: overview and integration. In: Robert J. Sternberg (ed.), *Wisdom. Its Nature, Origins and Development.* Cambridge: Cambridge University Press, 317–332.

Brett, Regina 2010. *God Never Blinks: 50 Lessons for Life's Little Detours*. New York: Grand Central Publishing.
Brown, Penelope / Levinson, Stephen C. 1987. *Politeness. Some universals in language usuals*. Cambridge: CUP.
Buber, Martin 1997 (8. Auflage). *Die Schriftwerke. Verdeutscht von Martin Buber*. Gerlingen: Lambert Schneider im Bleicher Verlag. [1. Auflage 1962].
Bultmann, Rudof 1958 (4. Auflage). *Geschichte der synoptischen Tradition*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. [1. Auflage 1921].
Csikszentmihalyi, Mihaly / Rathunde, Kevin 1990. Psychology of wisdom: evolutionary interpretation. In: Robert J. Sternberg (ed.), *Wisdom. Its Nature, Origins and Development*. Cambridge: Cambridge University Press, 25–51.
Dietrich, Wolfgang 2005. Vladimir Solov'ev – Weisheit und Offenheit (Sophia und All-Einheit). In: Pinggéra, Karl (Hrsg.), *Russische Religionsphilosophie und Theologie um 1900*. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 11–28.
Dobrovol'skij, Dmitrij / Piirainen 2002. *Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive*. Bochum: Universitätsverlag Brockmeyer.
Drengson, Alan and Yuichi Inoue (Eds.). 1995. *The Deep Ecology Movement: An Introductory Anthology*. Berkeley, North Atlantic Publishers.
Ebner, Martin 1998. *Jesus – ein Weisheitslehrer? Synoptische Weisheitsloggien im Traditionsprozess*. Freiburg/Br. u.a.: Herder Verlag.
Eißfeldt, Otto 1913. *Der Maschal im Alten Testament. = Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. XXIV*. Gießen: Verlag von Alfred Töpelmann.
Fann, K. T. 1969. *Wittgenstein's Conception of Philosophy*. Oxford: Basil Blackwell.
Fann, K. T. 1971. *Die Philosophie Ludwig Wittgensteins*. Aus dem Englischen von Gisela Shaw. München: List Verlag.
Földes, Csaba 1990. Die Bibel als Quelle phraseologischer Wendungen: Dargestellt am Deutschen, Russischen und Ungarischen. In: *Proverbium. Yearbook of the International Proverb Scholarship. University of Vermont 7 (1990)*, 57–75.
Freuling, Georg 2008. Tun-Ergehen-Zusammenhang. In: *Das Wissenschaftliche Bibellexikon im Internet* (www.wibilex.de).
Golka, Friedemann 1994. *Die Flecken des Leoparden. Biblische und afrikanische Weisheit im Sprichwort*. Stuttgart: Calwer Verlag.
Grün, Anselm 1999 (10. Auflage). *50 Engel für das Jahr. Ein Inspirationsbuch*. Freiburg im Breisgau: Herder Verlag.
Grzybek, Peter (Hrsg.) 1984. *Semiotische Studien zum Sprichwort. Simple Forms Reconsidered I*. Tübingen: Gunter Narr.
Guattari, Félix 2000. *The Three Ecologies*. Translated by Ian Pindar and Paul Sutton. London and New Brunswick, NJ: The Athlone Press.
Habermas, Jürgen 1983. *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
Habermas, Jürgen 1991. *Erläuterungen zur Diskursethik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
Happich, Gudrun 2014. *Was wirklich zählt! Leistung, Leidenschaft und Leichtigkeit für Top-Führungskräfte*. Wiesbaden: Springer Gabler.
Hausmann, Jutta 1995. *Studien zum Menschenbild der älteren Weisheit (Spr. 10 ff.)*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
Hosseini, Malek 2007. *Wittgenstein und Weisheit*. Stuttgart: Kohlhammer.
Jacobs, Allan (ed.) 2018. *Native American wisdom – sacred texts: a spiritual tradition at one with nature*. London: Watkins Publishing.
Jonas, Hans 1979. *Das Prinzip Verantwortung, Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*. Frankfurt am Main: Insel.

Jullien, François 1998. *Un sage est sans idée, ou l'autre de la philosophie*. Paris: Éditions du Seuil.
Jullien, François 2001. *Der Weise hängt an keiner Idee. Das Andere der Philosophie*. Aus dem Französischen von Markus Sedlaczek. München: Wilhelm Fink Verlag.
Klein, Christian 1994. *Kohelet und die Weisheit Israels. Eine formgeschichtliche Studie*. Stuttgart / Berlin /Köln: Verlag W. Kohlhammer.
Koch, Klaus 1991. Gibt es ein Vergeltungsdogma im Alten Testament? In: Ders., *Spuren des hebräischen Denkens. Beiträge zur alttestamentlichen Theologie. Gesammelte Aufsätze*. Bd. 1. Hrsg. von B. Janowski und M. Krause. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 65–103.
Kuße, Holger 1994. Einleitung. In: Амвросий, Архиепископ, *Живое Слово. Издание второе*. Харьков 1903. Nachdruck und Einleitung von Holger Kuße. München: Verlag Otto Sagner, I–XLIV.
Kuße, Holger 2010. *Lev Tolstoj und die Sprache der Weisheit*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
Kuße, Holger 2011a. Die Sprache der Weisheit bei Lev Tolstoj. In: Harald Schwaetzer / Henrieke Stahl (Hrsg.), *Weisheit – Brücke der Kulturen*. Bernkastel-Kues (Kueser Akademie): Aschendorff Verlag, 185–214. (= *Coincidentia. Zeitschrift für europäische Geistesgeschichte* Bd. 2/1.)
Kuße 2011b. ‚Sollen' zwischen Nikolaj Fedorov und Lev Tolstoj. Normformulierungen in der russischen Philosophie. In: Alexander Haardt / Nikolaj Plotnikov (Hrsg.), *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie. Internationale Tagung der Forschungsgruppe Russische Philosophie an der Ruhr-Universität Bochum*. Berlin/Münster u.a.: LIT Verlag, 169–191.
Kuße, Holger 2011c. Was ist ein religiöser Diskurs und wie kann er aussehen unter den Bedingungen der Säkularisierung? In: Alicja Nagórko, *Sprachliche Säkularisierung (Westslawisch – Deutsch)*. Hildesheim/Zürich/New York: Georg Olms, 57–88.
Kuße, Holger 2012. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
Kuße, Holger 2015. Modelle der Verantwortung und der Pflicht. Ansätze zur Wertelinguistik. In: Krause, Marion/Reuther, Tilmann (Hrsg.): *Slavistische Linguistik 2013. Referate des XXXIX. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Hamburg, 9. bis 13. September 2013*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 47–84. (= Wiener Slawistischer Almanach Bd. 75)
Kuße, Holger 2019a. Triadischer Universalismus: Repräsentation und Konsenspragmatik bei Johann Amos Comenius. In: *Zeitschrift für Slawistik* 64/4 (2019), 572–601.
Kuße, Holger 2019b. Verständigungsideale: Pragmatisches und ideales Sprachdenken. zwischen Vielsprachigkeit und Universalsprache bei Johann Amos Comenius. In: *Comenius-Jahrbuch*. Herausgegeben im Auftrag der Deutschen Comenius-Gesellschaft von Andreas Fritsch, Andreas Lischewski & Uwe Voigt. Band 27 / 2019. Baden-Baden: Academia Verlag, 65–90.
Kusse, Holger 2021: The order of the circle. On John Amos Comenius's 'pragmatics of consensus'. In: *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue / Философические письма. Русско-европейский диалог*, 2021, 4(2), 137–148. [https://phillet.hse.ru/article/view/12614/12906](Date of visit: 17.02.2023)
Lakoff George 1983. *Classifiers As A Reflection Of Mind: The Experiential, Imaginative, And Ecological Aspects*. Eugene, Oregon: University of Oregon. [https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/classifiers-as-a-reflection-of-mind-lakoff-1983.pdf] (Date of visit: 17.02.2023)
Largo, Remo H. 2017. *Das passende Leben. Was unsere Individualität ausmacht und wie wir sie leben können*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.
Leech, Geoffrey N. 1983. Principles of Pragmatics. London: Longman.

Lindgren, Astrid 1978. Dankesrede: »Niemals Gewalt«. In: *Friedenspreis des deutschen Buchhandels. 1978: Astrid Lindgren*. Börsenverein des deutschen Buchhandels, 6–8. [https://www.friedenspreis-des-deutschen-buchhandels.de/alle-preistraeger-seit-1950/1970-1979/astrid-lindgren](Date of visit: 17.02.2023)

Luhmann, Niklas 1996 (4. Auflage): *Funktion der Religion*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Machinek, Marian 1998. *„Das Gesetz des Lebens?" Die Auslegung der Bergpredigt bei L. N. Tolstoj im Kontext seines ethisch-religiösen Systems*. St. Ottilien: EOS Verlag.

Maier, Christl M. 2007. *Weisheit* (Personifikation) (AT). [https://www.bibelwissenschaft.de/fileadmin/buh_bibelmodul/media/wibi/pdf/Weisheit_Personifikation_AT___2018-09-20_06_20.pdf] (Date of visit: 26. 10. 2020)

Messner, Reinhold / Powelz, Mike 2009. Reinhold Messner und der „Putzfrauenberg". [https://www.welt.de/reise/article4926000/Reinhold-Messner-und-derPutzfrauenberg.html] (Date of visit: 17.02.2023)

Messner, Reinhold 2005. *Gobi – die Wüste in mir*. Frankfurt am Main: Fischer Verlag.

Michel, Diethelm 1988. *Qohelet*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Michel, Diethelm 1989. *Untersuchungen zur Eigenart des Buches Qohelet*. Berlin / New York: Walter de Gruyter.

Naess, Arne 1989. *Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy*. Translated and revised by D. Rothenberg. Cambridge: Cambridge University Press.

Osterrieder, Markus 2002: Das Land der Heiligen Sophia: Das Auftauchen des Sophia-Motivs in der Kultur der Ostslaven. In: *Wiener Slawistischer Almanach* 50 (2002), 5–62.

Panikkar, Raimon 1991. *Der Weisheit eine Wohnung bereiten*. München: Kösel Verlag.

Preuß, Horst Dietrich 1987. *Einführung in die alttestamentliche Weisheitsliteratur*. Stuttgart u. a.: Verlag W. Kohlhammer.

Ramsey, Ian T. 1973: *Religious language. An empirical Placing of theological Phrases*. London: SCM Press LTD.

Rudolph, Kurt 1987. Wisdom. In: Eliada, Mircea (ed.), *The Encyclopedia of Religion*. Vol. 15. New York: MacMillan Publishing Company, 393–401.

Saint-Exupéry, Antoine 1974. *Der kleine Prinz*. Ins Deutsche übertragen von Grete und Josef Leitgeb. Düsseldorf: Karl Rauch Verlag.

Sakaguchi, Fumi 1968. *Der Begriff der Weisheit in den Hauptwerken Bonaventuras*. München / Salzburg: Anton Pustet.

Saur, Markus 2012. *Einführung in die alttestamentliche Weisheitsliteratur*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Schadewaldt, Wolfgang 1978. *Die Anfänge der Philosophie bei den Griechen. Die Vorsokratiker und ihre Voraussetzungen. Tübinger Vorlesungen*. Bd. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Schiefl, Anna 2019: *Stoische Philosophie. Eine Einführung*. Stuttgart: Reclam Verlag.

Schindler, Franz 1993. *Das Sprichwort im heutigen Tschechischen. Empirische Untersuchung und semantische Beschreibung*. München: Otto Sagner.

Schmid, Hans Heinrich 1988: Die alttestamentliche Weisheit und ihre Rationalität. In: Helmut Holzhey / Jean-Pierre. Leyvraz (Hrsg.), *Philosophie und Weisheit*. Bern / Stuttgart Verlag Paul Haupt, 11–31.

Schmid, Ulrich 2010. *Lew Tolstoi*. München: C.H. Beck Verlag.

Schneider, Wolfgang Christian 2011. Herabkunft und Tanz, Irren und Heimkehr der Sophia. Die Sophia-Spekulation in Antike und Spätantike. In: Harald Schwaetzer/Henrieke Stahl (Hrsg.), *Weisheit – Brücke der Kulturen*.

Bernkastel-Kues (Kueser Akademie): Aschendorff Verlag, 35–68. (= Coincidentia. Zeitschrift für europäische Geistesgeschichte Bd. 2/1.)
Schwaetzer, Harald / Stahl, Henrieke (Hrsg.) 2011. *Weisheit – Brücke der Kulturen*. Bernkastel-Kues (Kueser Akademie): Aschendorff Verlag. (= Coincidentia. Zeitschrift für europäische Geistesgeschichte Bd. 2/1.)
Scobel, Gert 2008. *Weisheit. Über das, was uns fehlt*. Köln: DuMont Buchverlag.
Searle, John Rogers 1969. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. London: Cambridge University Press.
Seeger, Stefan A. 2010. *Verantwortung. Tradition und Dekonstruktion*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
Steinmetz, Paul 1984. *Meditations with native Americans – Lakota spirituality*. Introduction and versions by Paul B. Steinmetz, S.J. Santa Fe, New Mexico: Bear and Company.
Sternberg, Robert J. (ed.) 1990. *Wisdom. Its Nature, Origins and Development*. Cambridge: Cambridge University Press.
Takahashi, Masami / Overton, Willis F. 2005. Cultural Foundations of Wisdom. An Integrated Developmental Approach. In: Robert J. Sternberg / Jennifer Jordan (edd.), *A Handbook of Wisdom. Psychological Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 32–60.
Tarantino G. 2017. *Being Wise Before Wisdom: The Historical Development of Phronēsis from Homer to Aristotle, and Its Consequences for Hans-Georg Gadamer's Hermeneutic Ethics* : A Dissertation submitted to the faculty of the graduate school in candidacy for the degree of Doctor of Philosophy. Loyola University, Chicago. 309 p.
Taylor, Charles 2007. *A secular age*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
Von Rad, Gerhard 1985 (3. Auflage). *Weisheit in Israel*. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag.
Weber, Max 1919. *Politik als Beruf*. (=Geistige Arbeit als Beruf. Vier Vorträge vor dem Freistudentischen Bund. Zweiter Vortrag). München / Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. [http://www.deutschestextarchiv.de/book/show/weber_politik_1919] (Date of visit: 17.02.2023)
Weischedel, Wilhelm [3]1975. *Der Gott der Philosophen. Grundlegung einer philosophischen Theologie im Zeitalter des Nihilismus. Erster Band: Wesen, Aufstieg und Verfall der philosophischen Theologie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
Westermann, Claus 1990. *Wurzeln der Weisheit. Die ältesten Sprüche Israels und anderer Völker*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
Witte, Markus 2006. *Prediger/ Predigerbuch*. [https://www.bibelwissenschaft.de/fileadmin/buh_bibelmodul/media/wibi/pdf/Prediger_Predigerbuch__2018-09-20_06_20.pdf] (Date of visit:17.02.2023)
Wittgenstein, Ludwig [3]1989. *Über Gewißheit. Werkausgabe Band 8*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
Wittwer, Héctor 2002. Verantwortung – I. Philosophisch-ethisch. In: *Theologische Realenzyklopädie*. Bd. 34. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 574–577.
Zwahlen, Regula M. 2010. *Das revolutionäre Ebenbild Gottes. Anthropologien der Menschenwürde bei Nikolaj N. Berdjaev und Sergej N. Bulgakov*. Münster: LIT-Verlag.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *(Куссе)* 3
Введение *(Куссе, Карасик)* 5

Часть I: Концептуальное измерение мудрости

1 Бабушкина кухня и мудрость известной поп-песни *(Куссе)* 14
Мудрость из знания 15
Знание и призыв в пословицах и поговорках 17
Мудрость и незнание 20
Мудрость и язык 23
Резюме: Составляющие мудрости 26
2 Векторы осмысления мудрости в словарных и афористических определениях *(Карасик)* 27
Мудрость в определениях русских и английских словарях 27
Сходные концепты 31
Осмысления мудрости в афоризмах и поговорках 34
Резюме 47
3 Мудрость и здравый смысл *(Карасик)* 48
Понятийные определения в словарях 49
Образная сторона концепта здравого смысла 53
Осмысление концепции здравого смысла в эссе 53
Интерпретативный анализ контекстов концепта здравого смысла 56
Анализ ассоциативных реакций информантов на «здравый смысл» 62
Резюме 63
4 «Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье» — Дискурсивно-прагматическое осмысление мудрости (*Карасик*) 66
5 Мудрость и юмор (*Карасик, Куссе*) 72
Юмор как признак лингвокультурного типажа *мудрец (Куссе)* 72
Резюме 78
Мудрые назидания в иронических пословичных инценировках *(Карасик)* 78
Резюме 91

Часть II: Традиции мудрости

1 Мудрость в Ветхом завете: Притчи и Екклесиаст *(Куссе, Карасик)* 94
Мудрость как практическое знание 94
Мудрость как наставление и высказывание 96
Мудрость как поэзия познания 102
Истоки и контексты ветхозаветной мудрости 108
Почему мудрость может потерять свою мудрость 113

Четыре авторитета мудрости 117
Дыхание ветра на границах мудрости 119
Резюме: Составляющие ветхозаветной мудрости 126
2 Осмысление мудрости в поучениях Бен Сиры *(Карасик)* 128
Староеврейская мудрость в контексте эллинистизма 129
Суть мудрости 129
Пороки человека 130
Заповеди, советы и предупреждения 131
Социальные отношения и нормы 135
Хорошая жизнь 139
Поэтика Бен Сиры 141
Резюме: Поэтика и учение Бен Сиры 142
3 Иисус как учитель мудрости *(Куссе)* 144
Внутреннее добро 144
Иисус в традициях мудрости 145
Диалогическая мудрость 146
Резюме: Иисус как учитель мудрости 148
4 Мудрость в аллегорическом выражении *(Карасик)* 149
Образы, положенные в основу аллегории 150
Модели универсальных высказываний 154
Коммуникативная тональность аллегорических выражений 158
Резюме: Составлющие и лингвокультурные традиции мудрости в аллегорических выражениях 162
5 Франсуа VI де Ларошфуко и мудрость в афористике *(Карасик)* 163
Афоризмы о судьбе 163
Афоризмы о чувствах и рассудке 165
Афоризмы о любви 167
Афоризмы о пороках 169
Резюме: Максимы в форме афоризма 172
6 Лев Толстой и мудрость как нравственность *(Куссе)* 173
Первый и второй лики творчества Льва Толстого 173
Третий лик творчества Льва Толстого 174
Мудрость как самопознание 176
Мудрость Толстого как универсальная жизненная практика 178
Формы мудрости в собраниях Толстого 180
Мудрость и система 182
Резюме: Мудрость у Льва Толстого 184
7 Мудрость и религия *(Куссе)* 186
Место мудрости в иудаизме, христианстве и исламе 186
Мудрость и ценность повседневной жизни 187
Олицетворение мудрости: Ḥokmāh, София и Софиология 190
Мудрость из знания и знание в религии 194

Резюме: Мудрость и религия 196
8 Мудрость и философия *(Куссе)* 198
Изумление 198
Обоснование 199
Паратаксис и гипотаксис 201
Молчание 202
Мудрость и история 203
Мудрость в истории философии 204

Часть III: Мудрость в современном мире

1 По ту сторону старого и нового *(Куссе)* 210
2 Мудрость развивается *(Куссе)* 213
«Кавказский меловой круг» Бертольда Брехта: дальнейшее развитие старой мудрости 214
«Нет насилию!» Астрид Линдгрен: пересмотр старой мудрости 215
Речь вождя Сиэтла в 20 веке: новая мудрость в виде старой 217
Резюме: Мудрость как развитие 220
3 Индивидуализация мудрости *(Куссе)* 222
Маленький принц 222
Ответственность, счастье и осознавательность: понятия индивидуализированной мудрости 226
Мудрость 14-го Далай-ламы 233
Федор Конюхов и Райнхольд Месснер 237
Резюме: Индивидуализированная мудрость 244
4 Мудрость и общество *(Куссе)* 246
Мудрость как общественный проект 247
Мудрость как вид коммуникации 248
5 Совет как выражение житейской мудрости в сетевой коммуникации *(Карасик)* 250
Прескриптивы в сетовой коммуникации 251
Жизненные наблюдения 253
Старая мудрость обновляется 255
Жизненные советы и полезные рекомендация 256
Популярная психология 258
Системы ценностей 262
Иронизирование и пародия 264
Резюме 266

Заключительное слово словами Абая (*Токатова*) 267
Литература 277

Владимир Карасик
Хольгер Куссе
Людмила Токатова

ЯЗЫКИ МУДРОСТИ
Монография

Компьютерная верстка: С.В. Пилипенко

Подписано в печать 13.02.2023.
Формат 29,7 × 42½. Бумага офсетная.
Гарнитура Palatino Linotype.
Объем 16,6 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 1439.

Редакционно-издательский отдел
Павлодарского педагогического университета имени Әлкей Марғұлан
140002, г. Павлодар, ул. Олжабай батыр, 60
www.ppi.kz

Владимир Карасик – российский лингвист, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва), является специалистом в области аксиологической лингвистики, лингвокультурологии и теории дискурса, автор монографий по прагматике, теории коммуникации, лингвокультурологии. Руководит научно-исследовательской лабораторией «Аксиологическая лингвистика».

Хольгер Куссе – немецкий славист, лингвист, доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики Технического университета Дрездена, член немецкой Академии наук и литературы (г. Майнц), основоположник культуроведческой лингвистики, является специалистом в области теории аргументации, прагмалингвистики, семантики, философии языка, истории славянских языков, творчества немецкого писателя Карла Мая. Директор Института Славистики Дрезденского технического университета, главный редактор журнала «Zeischrift fuer Slawistik».

Людмила Токатова – казахстанский литературовед, кандидат филологических наук, доцент высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета им. А. Маргулана, является специалистом в области теории литературы и текстологии, занимается исследованием творчества русских писателей Казахстана.